

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Кафедра политического анализа

На правах рукописи

ШАО ЦЗЫСЮАНЬ

**Современная антикоррупционная политика: основные тенденции и
особенности реализации в Китайской Народной Республике**

Специальность: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Михайлова Ольга Владимировна,
доктор политических наук, доцент

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРРУПЦИИ И АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ.....	20
§1. Природа и содержание коррупции и коррупционного поведения	20
§2. Социально-культурные детерминанты коррупции	34
§3. Основные подходы к изучению антикоррупционной политики	59
ГЛАВА II. СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ.....	80
§1. История становления и развития антикоррупционной политики	80
§2. Механизмы и способы противодействия коррупции.....	103
§3. Оценивание антикоррупционной политики	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
БИБЛИОГРАФИЯ	142

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема коррупции в системе государственного управления во всех странах является очень острой и сложно решаемой. Понимая опасности роста уровня коррупции для политики и экономики, исследователи много десятилетий изучают ее природу, мотивы чиновников, злоупотребляющих своими полномочиями в личных целях, а главное – набор успешных мер по противодействию ей. В повестке дня правительств всех стран мира, нацеленных на экономическое развитие и рост, присутствует проблема коррупции, потому что ее распространение влечет за собой не только снижение качества государственного управления, но и большие экономические потери. Научный и практический интерес к этой теме не ослабевает, потому что найти универсальный антикоррупционный сценарий, применимый в любой политической системе, до сих пор не получилось. Методы и инструменты борьбы с коррупцией обновляются, так как меняется среда государственного управления, появляются новые технологии и способы присвоения ресурсов. Выбор антикоррупционной стратегии зависит от особенностей политической системы, социокультурных факторов и других ограничений. Динамично развивающиеся страны интересуют современных исследователей коррупции потому, что они не только используют в своей практике успешные сценарии, проверяя таким образом универсальность ранее разработанных подходов, но и наблюдают за уникальными для каждой страны методами.

В Китайской Народной Республике проблема коррупции является одной из тех, решение которой формирует стратегический курс страны. Многие годы

руководство Коммунистической партии занимается разработкой и реализацией мер противодействия коррупции. Со второй пол. 2010-х гг. антикоррупционная политика ужесточилась и привнесла в политическую систему серьезные изменения, направленные на снижение уровня злоупотреблений должностными полномочиями. Это произошло благодаря политической воле Си Цзиньпина, который провел значительные преобразования в институтах и практике антикоррупционной борьбы. Этот опыт вызывает интерес в Китае и за его пределами, так как успешность реформ в этой сфере может служить примером для других стран, способствовать росту авторитета страны в мире. Лидерство в этой сфере является очень важным для Китая, потому что он представляет отличную от Запада модель политического развития, которая должна демонстрировать достижения в решении острых проблем на основе национальных антикоррупционных сценариев.

В этой связи представляется актуальным обратиться к обобщению современных подходов к разработке и реализации антикоррупционной политики, сложившихся в политической науке, и на этом фоне исследовать системные практики Китая. Эти практики воплощают не только требования и нормы административно-правовых ограничений в поведении должностных лиц, но и механизмы и технологии, формирующиеся на специфической для страны партийно-политической платформе и на условно говоря трехмерном подходе, который отражает взаимосвязь «культуры – институтов – технологий». Данная модель подчеркивает необходимость применения гибких механизмов антикоррупционной политики, преодолевающей изъяны показавших свою неуниверсальность западных подходов, основанных на рационально-правовой легитимности власти и доминировании формализованных инструментов противодействия коррупции. Другими словами, данная модель не просто учитывает специфику китайского политического режима, демонстрирующего стабильный и одновременно фактический, а не декларируемый характер отправления власти, но и отражает приоритетную опору государства на сильные

партийно-политические основы с учетом специфики культуры китайского общества, позволяющие находить адекватные ответы на существующие вызовы.

Несмотря на то, что не все требования и нормы противодействия коррупции, сформированные в рамках сложившегося подхода, нашли отражение в правовой сфере, он отражает существенное влияние партийно-политических требований к поведению государственных чиновников, демонстрируемый Китаем гибкий подход к противодействию коррупции может послужить примером для других стран, столкнувшихся с трудностями в реализации нормативно-правовых установлений, заимствованных из практики западных стран.

Степень научной разработанности. Проблема коррупции и антикоррупционной политики широко представлена в науке. К ней обращаются представители разных наук, делая акцент на значимых для них измерениях этого феномена. Первоначально теоретические представления о коррупции и обобщение антикоррупционного опыта стали складываться в зарубежной научной литературе. Классическими и широко используемыми стали работы Дж. Ная¹, С. Роуз-Аккерман², С. Хантингтона³, в которых объясняется природа коррупционного поведения в сфере государственного управления и фиксируется общеупотребимое понимание ее содержания.

В 1980-е – 1990-е гг. на фоне мировых процессов глобализации, демократизации и совершенствования систем государственного управления в развитых и развивающихся государствах интерес к изучению коррупции стал расти, что привело к появлению большого количества теоретических и эмпирических исследований⁴. В связи с невозможностью окончательно решить эту

¹Nye J. Corruption and Political Development: A Cost Benefit Analysis // The American Political Science Review. 1967. Vol. 67. Is 2. P. 417–427.

²Rose-Ackerman S. Corruption: A Study in Political Economy. N.Y.: Academic Press, 1978.; Rose-Ackerman S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. N.Y.: Cambridge University Press, 1999.

³Huntington S. Modernisation and Corruption: Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

⁴Alam S. Anatomy of Corruption: An Approach to the Political Economy of Underdevelopment // American Journal of Economics and Sociology. 1989. Vol. 4. P. 77–83; Heidenheimer A., Johnston M., Levine V. Political Corruption. A Handbook. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989; Elliott K. Corruption as an International Policy Problem: Overview and Recommendations. Washington: Institute for International Economics, 1997 и др.

проблему государственного управления, интерес ученых до сих пор не исчезает, они изучают коррупцию с разных методологических позиций, что позволяет увидеть ее как объемный феномен, в отношении проявлений которого необходимо настраивать государственную политику по противодействию⁵.

Процессы разработки и реализации антикоррупционной политики стали неотъемлемой частью исследований в области изучения коррупции⁶. Литература по противодействию коррупции широко представлена в странах, чьи системы государственного управления испытали на себе сильное давление коррупции, особенно в периоды важных трансформаций экономической и политической систем. В частности, в российской науке акцент делается на исследование институциональных, законодательных основ антикоррупционной политики⁷,

⁵См., например, Johnston M. *Syndromes of Corruption. Wealth, Power, and Democracy*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005; Mauro P. *The Effects of Corruption on Growth and Public Expenditure* // *Political Corruption: A Handbook* / Ed. by A. Heidenheimer, M. Johnston, V. Levine. 3rd ed. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2005; Pellegrini L. *Corruption, Development and the Environment*. N.Y.: Springer Science and Business Media, 2011; Tiihonen S. *The History of Corruption in Central Government*. Amsterdam: IOS Press, 2003; Williams R. *Party finance and political Corruption: Problems and Prospects*. N.Y.: St. Martin's Press, 2000; De Graf G. *Causes of Corruption: Towards a Contextual Theory of Corruption* // *Public Administration Quarterly*. 2007. Vol. 31. Is. 1. P. 39–86; Persson A., Rothstein B., Teorello J. *Why Anticorruption Reforms Fail: Systemic Corruption as a Collective Action Problem* // *Governance*. 2013. Vol. 26. Is. 3. P. 449–471; Treisman D. *Income, Democracy, and Leader Turnover* // *American Journal of Political Science*. 2015. Vol. 59. Is. 4. P. 927–942; Elliott K. *Corruption as an International Policy Problem: Overview and Recommendations*. Washington: Institute for International Economics, 1997 и др.

⁶Schatz F. *Fighting Corruption with Social Accountability: A Comparative Analysis of Social Accountability Mechanism Potential to Reduce Corruption in Public Administration* // *Public Administration Development*. 2013. Vol. 33. Is. 3. P. 161–174; Quah J. *Singapore's Success in Combating Corruption: Four Lessons for China* // *American Journal of Chinese Studies*. 2016. Vol. 23. Is. 2. P. 187–209; Hemke G., Levitsky S. *Informal Institutions and Comparative Politics: A Research analysis* // *Perspective on Politics*. 2004. Vol. 2. Is. 4. P. 725–774; Rose-Ackerman S., Palifka J. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016 и др.

⁷См., например, Хабриева Т. Я. *Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций* // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2011. № 4. С. 16–27; Хабриева Т. Я. *Коррупция. Природа, проявления, противодействие*. М.: Юриспруденция, 2014; Фалина А.С. *Взаимодействие государства и бизнеса в разработке и реализации антикоррупционной политики Российской Федерации*. М.: РАГС, 2010; Шевердяев С.Н. *Влияние антикоррупционных институтов российской административной реформы на развитие конституционного законодательства* // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. №1. С. 20–31; Шевердяев С.Н. *Системная коррупция как проблема науки конституционного права: обсуждение вопроса на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова* // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 9. С. 10–16; Клюковская И.Н. *Антикоррупционная политика как вид правовой политики* // *Современное право*. 2004. № 4. С. 16–21; Иванов С.Б. *Противодействие коррупции: новые вызовы*. М.: Инфра-М, 2016; Нисневич Ю. А., Рожич П. *Люстрация как инструмент противодействия коррупции* // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 1. С. 109–130; Абашина Л.А. *Проблемы противодействия коррупции на государственной службе* // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2012. № 2. С. 83–84; Рыбакова О. Ю. *Антикоррупционная правовая политика: понятие и структура* // *Мониторинг правоприменения*. 2016. № 1. С. 11–19.

уточняются теоретические позиции имеющихся разработок и предлагается видение проблемы с учетом мирового и российского опыта⁸.

В связи с начавшейся в 2012 г. широкомасштабной борьбой с коррупцией в Китайской народной республике стало расти число публикаций китайских авторов, которые пишут об этом явлении на английском языке, раскрывая особенности понимания коррупции⁹, политики партии по вопросу противодействия¹⁰, тонкости социокультурного контекста¹¹, подробно анализируют современные механизмы и

⁸ См., например, Нисневич Ю. А. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 1. С. 165–176; Бусыгина И. М., Филиппов М. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивацию? // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 1. С. 50–71; Михайлова О. В., Скоробогатова А. В. Общество против коррупции: взгляд через призму принципал-агентской модели // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 4. С. 156–171; Римский В. Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // *Полития*. 2007. № 1. С. 65–84; *Антикоррупционная политика: учебник для вузов* / под ред. Г. А. Сатарова. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Юрайт, 2023; Сатаров Г. А. Коррупционные отношения: агентская модель и смежные подходы // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 60–69; Дятлова Н. К., Цадер Я. А. Коррупция как институт коммуникации в модели принципал-агент // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2. С. 209–213; Зайковский В. Н., Давыдов В. Г. Коррупция в контексте принципал-агентских отношений: сущность и основные причины // *Государственная служба*. 2017. № 3. С. 36–44 и др.

⁹ Ko K., Weng C. Structural Changes in Chinese Corruption // *The China Quarterly*. 2012. Is. 218. P. 718–740; Bakken B., Wang J. The Changing Forms of Corruption in China // *Crime, Law and Social Change*. 2021. Vol. 75. P. 247–265; Chan W. Considering the System: The Search for the Effective Anti-Corruption Policy in China // *Sanford Journal of East Asia*. 2004. Vol. 4. Is. 1. P. 29–34; Chen Y. Transition and Development in China: Toward Shared Growth. Burlington VT: Ashgate, 2009; Ang Y. China's Gilded Age: The Paradox of Economic Boom and Vast Corruption. Cambridge: Cambridge University Press, 2020; Ang Y. Unbundling Corruption: Revisiting Six questions on Corruption // *Global Perspectives*. 2020. Vol. 1. Is. 1. P. 1–19.

¹⁰ Gong T. Managing Government Integrity under Hierarchy: Anti-Corruption Efforts in Local China // *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24. Is. 94. P. 684–700; Gong T., Tu W. Fighting Corruption in China // *China Review*. 2022. Vol. 22. Is. 2. P. 1–19; Xu C. The Fundamental Institutions of China's Reforms and Development // *Journal of Economic Literature*. 2011. Vol. 49. Is. 4. P. 1076–1151; Zhu L. Punishing Corrupt Officials in China // *China Quarterly*. 2015. Vol. 223, P. 595–617; Li L., Wang P. From Institutional Interaction to Institutional Integration: The National Supervisory Commission and China's New Anti-Corruption Model // *The China Quarterly*. 2019. Vol. 240, P. 967–989.

¹¹ См., например, He Z. Corruption and Anti-Corruption in Reform China // *Communist and Post-Communist Studies*. 2000. Vol. 33. Is. 2. P. 243–270; Yang M. Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relations in China. Ithaca: Cornell University Press, 1994; Chen X., Chen C. On the Intricacies of the Chinese Guanxi: A Process Model of Guanxi Development // *Journal of management*. 2004. Vol. 21. P. 305–324; Luo J., Yeh Y. Neither Collectivism nor Individualism: Trust in the Chinese Guanxi Circle // *Journal of Trust Research*. 2012. Vol. 2. Is. 1. P. 53–70; Yeung I., Tung R. Achieving Business Success in Confucian Societies: The Importance of Guanxi // *Organizational Dynamics*. 1996. Vol. 25. Is. 2. P. 54–56; Tsang E. Can Guanxi be a Source of Sustained Competitive advantage for Business in China? // *Academy of Management Executive*. 1998. Vol. 12. Is. 2. P. 64–73; Zhan J. Filling the gap of Formal Institutions: The effects of Guanxi Network on Corruption in Reform-era China // *Law and Social Change*. 2012. Vol. 58. Is. 2. P. 93–102; Yang M. The Gift Economy and State Power in China // *Comparative Studies in Society and History*. 1989. Vol. 31. Is. 1. P. 25–54; Fan Y. Guanxi's Consequences: Personal Gains and Social Costs // *Journal of Business Ethics*. 2002. Vol. 38. Is. 4. P. 371–380; Luo Y. Corruption and Organization in Asian Management System // *Asia Pacific Journal of Management*. 2002. Vol. 19. Is. 2. P. 405–422; Li L. The Production of Corruption in China's Courts: The Politics of Judicial Decision-Making and its Consequences // *Law and Society Inquiry*. 2012. Vol. 37. P. 848–877; Li L. The Chinese Communist Party and People's Courts: Judicial Dependence in China // *The American Journal of Comparative Law*. 2016. Vol. 65. P. 37–74 и др.

технологии антикоррупционной борьбы, опыт других восточных стран¹². Особое внимание уделяется обобщению успешного опыта в реализации антикоррупционной стратегии¹³. К аналогичным вопросам о Китае обращаются и многие западные исследователи, также в соавторстве с китайскими, особенно когда речь идет об оценке эффективности предпринимаемых властями мер¹⁴. Конечно, большое количество научной литературы посвящено проблемам коррупции и антикоррупционной политике в Китае, потому что это магистральное направление деятельности Коммунистической партии сегодня¹⁵.

¹²См., например, Quah J. Singapore's Success in Combating Corruption: Four Lessons for China // *American Journal of Chinese Studies*. 2016. Vol. 23. Is. 2. P. 187-209; Quah J. Combating Corruption in Asian Countries // *Daedalus*. 2018. Vol. 147. Is. 3. P. 202-215.

¹³ Wei L., Li W. Divergence and Convergence in the Diffusion of Performance Management in China // *Public Performance & Management Review*. 2016. Vol. 39. Is. 3. P. 630-654; Liang M. The Diffusion of Public Service Innovation: An Empirical Analysis of Public Bicycle Programs in Chinese Cities // *Journal of Public Administration*. 2016. Vol. 8. Is. 3. P. 51-78; Mei C., Liu Z. Experiment-Based Policy Making or Conscious Policy Design? The Case of Urban Housing Reform in China // *Policy Sciences*. 2014. Vol. 47. Is. 3. P. 321-337; Wu J., Ma L., Yang Y. Innovation in the Chinese Public Sector: Typology and Distribution // *Public Administration*. 2013. Vol. 91. Is. 2. P. 347-365; Zhu X., Zhang Y. Political Mobility and Dynamic Diffusion of Innovation: The Spread of Municipal Pro-business Administrative Reform in China // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2015. Vol. 26. Is. 3. P. 535-551.

¹⁴Manion M. Taking China's Anticorruption Campaign Seriously // *Economic and Political Studies*. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 3-18; Wedeman A. Jinping's Tiger Hunt: Anti-corruption Campaign or Political Purge? // *Modern China Studies*. 2017. Vol. 24. No. 2. P. 35-82; Jiang N., Huang H., Dong Z. Big Tigers, Big Data: Learning Social Reactions to China's Anticorruption Campaign through Online Feedback // *Public Administration Review*. 2017. Vol. 79. No. 4. P. 500-513; Fu H. Wielding the Sword: President Xi's New Anti-Corruption Campaign // *Greed, Corruption, and the Modern State: Essays in Political Economy*. UK: Edward Elgar, 2015; Yu H., Dickson B. How Corruption Investigations Undermine Regime Support: Evidence from China // *Political Science Research and Methods*. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 33-48; Hanyu X., Ting G., Chilik Yu., Wen-Jong J., Baishun Yu. Citizens' Confidence in Government Control of Corruption: An Empirical Analysis // *Social Indicators Research*. 2020. Vol. 152. No. 3. P. 877-897; Siqin K., Jiangnan Zh. Do People Trust the Government More? Unpacking the Distinct Impacts of Anticorruption Policies on Political Trust // *Political Research Quarterly*. 2021. Vol. 74. No. 2. P. 424-449; Fiol-Mahon A. Xi Jinping's Anti-Corruption Campaign: The Hidden Motives of a Modern-Day Mao // *Foreign Policy Research Institute* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/08/xi-jinpings-anti-corruption-campaign-the-hidden-motives-of-a-modern-day-mao/> (дата обращения: 10.01.2023); Liu J. Supreme Leaders, Provincial Leaders, and Factional Competition in China's Anti-Corruption Enforcement: Regional and City-Level Evidences // *Journal of Chinese Political Science*. 2022. Vol. 27. Is. 1. P. 133-153; Gao K., Pearson M. The Role of Political Networks in Anti-Corruption Investigations // *China Review*. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 81-111 и др.

¹⁵李玉华. 企业合规本土化中的“双不起诉” [Li Y. Non-prosecution: the digitization of Corporate Compliance in China / Y. Li // *Legal System and Social Development*. 2022. № 1. P. 25-39]; 李勇. 检察视角下中国刑事合规之构. [Yong Li. Constructing Corporate Compliance in Chinese Criminal Proceedings: A Prosecutorial Perspective / Yong Li // *Journal of National Prosecutors College*. 2020 Vol. 4. P. 106-112]; 刘少军. 企业合规不起诉制度本土化的可能及限度 [Liu Sh. The Possibility and Limitation of the Indigenization of Corporate Compliance Non-prosecution / Sh. Liu // *The Journal of Legal Science*. 2021. Vol. 1. P. 54-57]; 卫跃宁. 由“国家在场”到“社会在场”:合规不起诉实践 中的法益结构研究 [Wei Yu. From State-present to Society-present: Research on the Structure of Legal Interest in Corporate Compliance Non-Prosecutions / Wei Yu // *Journal Legal Sciences*. 2021. Vol. 1. P. 42-50]; 欧阳本祺. 我国建立企业犯罪附条件不起诉制度的 探讨 [Ouyang B. Establishing Conditional Non-Prosecution for Corporate Crimes in China / B. Ouyang // *Journal of Chinese Criminal Law*. 2020. Vol. 3. P. 65-69.]; 祝福恩, 石银, 杨恩泽. 巩固发展反腐败斗争压倒性胜利的对策, 理论探讨. 2019. [Чжу Фуэнь, Ши Инь, Ян Эньцзе. Контрмеры по закреплению и развитию убедительной победы в борьбе с коррупцией // *Теоретическая дискуссия*. 2019. № 5. С.12-20]; 王寿林. 坚定不移推进反腐败斗争 – 新时期我国反腐败斗争发展的 历程, 新视野. 2020. [Ван Шоулинь. Неуклонное продвижение борьбы с коррупцией – процесс развития борьбы моей страны с коррупцией в новую эпоху // *Новые горизонты*. 2020. № 2. С. 45-52.]; 田坤. 党的十

Китайский опыт антикоррупционной борьбы в силу его масштабности и большого международного резонанса вызывает интерес и у российских исследователей, которые анализируют эволюцию борьбы, предпринимаемые партией меры, проводят сравнительный анализ с опытом России¹⁶.

八大以来我国反腐败政策措施调整及动因, 马克思 主义研究. 2022.[Тянь Кунь. Корректировка и мотивация антикоррупционной политики и мер Китая после 18-го Национального съезда Коммунистической партии моей страны // Марксистские исследования. 2022. № 6. С. 6–15.]; 中国共产党第十四次全国代表大会文件汇编, 北京:人民出版社. 1992. [Сборник документов XIV Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Народное издательство, 1992]; 金姗姗. 中央纪律检查委员会的历史沿革和现实功能, 金色年华: 下. 2020. 10. [Цзинь Шаньшань. Историческая эволюция и практические функции Центральной комиссии по проверке дисциплины // Золотые годы. 2020. № 10. С. 64–68.]; 吴建雄. 中国反腐: 迈向法治化的新征程—新中国成立 70 周年反腐败斗争, 中国党政干部论坛. 2019. [У Цзяньсюн. Противодействие коррупции в Китае: новый путь к верховенству закона – Борьба с коррупцией к 70-летию основания Нового Китая // Китайский форум партийных и государственных кадров. 2019. №10. С. 10–18.]; 宫铭, 王希鹏. 巩固和推进反腐败斗争新格局, 红旗文稿. 2018. 4. [Гун Мин, Ван Сипэн. Закрепление и продвижение новой модели борьбы с коррупцией // Рукопись красного флага. 2018. № 4. С. 4–10.]; 艾伦斯玛特. 礼物、贿赂与关系: 布迪厄的社会资本再思考, 中国 农业大学出版社. 2018. 4. [Смарт А. Подарки, взятки и отношения: переосмысление капитала по Бурдьё / А. Смарт // Журнал Китайского сельскохозяйственного университета. 2018. № 4. С. 222–235.] и др.

¹⁶ Иванова М. А. Реализация государственной политики в сфере противодействия коррупции: опыт России и Китая (об итогах российско-китайской конференции) // Вестник российской правовой академии. 2020. № 3. С. 115–121; Кулакова В. А., Чердакова Т.Б. Противодействие коррупции уголовно-процессуальными средствами в России и Китае // Россия и Китай: история и перспективы. 2014. № 13. С. 265–269; Харитошин В.В. Опыт противодействия коррупции в США и Китае // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2015. № 4. С. 66–74; Савин П. Т. Противодействие коррупции в Китае: история и современность // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 20. С. 55–58; Хмелевская Т. А., Чжан Т., Чжан Х. Особенности противодействия коррупции в РФ и КНР // Актуальные проблемы науки и практики. 2017. № 4. С. 13–17; Макаров А. А. Коррупция: опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 3. С. 13–21; Буров В. Г. Борьба с коррупцией в Китае // Азия и Африка сегодня. 2017. № 6. С. 11–17; Иващенко А. С. Коррупция в Китае и Сингапуре: причины, меры и принципы // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Курышева. 2018. № 17(41). С. 98–105; Пиджаков А.Ю., Чибинов В.Н. Правовые проблемы борьбы с коррупцией в Китае // Мир юридической науки. 2010. № 7. С. 54–63; Румянцев Е. Н. Борьба с коррупцией в Китае в годы правления Си Цзиньпина (2012–2022) // Российское китаеведение. 2023. № 1(2). С. 167–184; Фролова Н. А., Якутин Я.К. Борьба с коррупцией на основе закона как ключевой элемент политической борьбы в современном Китае // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 3. С. 344–349; Журавлев В. С. Противодействие коррупции в Китае // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2016. № 3. С. 114–117; Дай Г. Коррупция и новые медиа в современном Китае // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 354–360; Мозиас М. Коррупция в Китае: причины, формы, тенденции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Востоковедение и африканистика. 2019. № 1. С. 35–62; Кулакова В. А., Миним Г. Коррупция в России и Китае: состояние и противодействие // Вестник Амурского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 98. С. 38–41; Шорохов В.Е. Современная модель антикоррупционной политики в странах Восточной Азии // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 20–22; Трошинский П.В. Борьба с коррупцией в Китае: политико-правовой аспект // Азия и Африка сегодня. 2015. № 10. С. 17–24; Адамс О. Ю. Антикоррупционное законодательство КНР // Россия и современный мир. 2018. № 1. С. 206–218; Гамиуллина С.Д. Китайская модель борьбы с коррупцией: истоки и особенности // Проблемы востоковедения. 2020. № 2. С. 8–14; Нечай А.А. Экономическая природа коррупции в современном китайском обществе // Международные отношения и диалог культур. 2019. № 7. С. 131–139; Адамс О. Ю. Изучение коррупции в КНР: теории и подходы // Вопросы политологии. 2022. №11. С. 3683–3690; Севальнев В.В. Противодействие коррупции: опыт КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 89–96; Беликов Е. О. Правовая система КНР и борьба с коррупцией в свете решений XX Съезда КПК // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12. С. 58–62; Еременко Р. С. О китайской специфике борьбы с коррупцией // На пути к гражданскому обществу. 2018. № 3. С. 38–45; Смирнова Л. Н. Борьба с коррупцией в Китае: Конвенция ООН против коррупции и «особая китайская модель» // Вестник Московского университета. 2015. №2. С. 71–90 и др.

Обращение к разнообразной научной литературе позволяет сформировать многостороннее понимание антикоррупционной политики в Китае, понять ее основные принципы и направления, разобраться со сложностями и зафиксировать успехи. Однако, как видится, в научной литературе недостаточно внимания уделено исследованию коррупции не просто сквозь призму нормативно-правового анализа, а в единстве культуры, институтов и технологий, гармонично взаимоувязанных между собой, а также с приоритетами национального развития, реализуемыми Коммунистической партией Китая.

Цель исследования – выявить и раскрыть содержание и специфику особой модели государственной политики КНР в сфере противодействия коррупции, формируемой на основе партийно-политического подхода с ориентацией на национальную социокультурную среду государственного управления.

Достижению поставленной цели содействует решение следующих **задач**:

- 1) обобщить сложившиеся в политической науке подходы к пониманию природы коррупции и коррупционного поведения в государственной службе;
- 2) определить содержание антикоррупционной политики современного государства, выявить основных акторов, участвующих в ее разработке и реализации, охарактеризовать основные модели и технологии противодействия коррупции;
- 3) показав преемственность исторического опыта антикоррупционной политики Китая, раскрыть специфику современной модели китайского государства по противодействию коррупции и ее роль в формировании ответов КНР на современные вызовы;
- 4) сопоставив китайскую модель государственного противодействия коррупции с западными аналогами, выявить общие и особенные параметры в базовых подходах и в использовании основных механизмов при разработке и реализации антикоррупционной политики;
- 5) обобщить подходы к оценке результативности применения механизмов и технологий антикоррупционной политики Китая.

Объект исследования — антикоррупционная политика как инструмент совершенствования качества государственного управления.

Предмет исследования — специфическая модель антикоррупционной политики Китая, ее отличительные черты и механизмы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) обосновано, что устоявшиеся в политической науке и практике подходы к пониманию содержания коррупции и коррупционного поведения не являются универсальными и могут лишь ограничено применяться для исследования этого феномена и преодоления этой проблемы в незападных, в частности, азиатских, государствах, вставших на путь ускоренного экономического и/или политического развития;

2) обосновано, что важной составляющей успешной антикоррупционной политики в азиатских странах является консенсус государства, партий и их лидеров, а также общественного мнения относительно того, какое поведение должностных лиц признается коррупционным, что в свою очередь предопределяет не только официальное закрепление его толкования в нормативных документах, но и обуславливает партийно-политическое оценивание подобных явлений, а также остроту реакции общества в отношении данного вида социальных отношений;

3) обосновано, что устойчивость коррупционных отношений в быстро развивающихся обществах, сделавших ставку на быстрый экономический рост, связана с проблемой коллективного действия, в соответствии с которой значительное число акторов извлекает выгоду из коррупционного поведения, не осознавая его негативные последствия на длительном временном отрезке или игнорируя их для достижения своих целей;

4) обосновано, что в Китайской Народной Республике основной причиной масштабирования коррупции стали быстрые темпы экономического развития, значительно опередившие темпы трансформации системы государственного управления, правового закрепления соответствующих правил,

что способствовало усилению влияния национального социально-культурного фактора;

5) определено, что хотя антикоррупционная политика Китайской Народной Республики формировалась, реализовывалась и изменялась с учетом мирового опыта, в то же время основанием выбора наиболее эффективных мер по противодействию коррупции здесь стало усиление внутрипартийной дисциплины (санкции которой применялись наравне с судебным преследованием), а также приоритетное положение технологий, направленных на разрушение сетевых межличностных контактов внутри системы государственного управления, организованных высокопоставленными чиновниками;

6) показано, что правовые основы и верховенство закона в антикоррупционной политике Китая органически сочетаются с инструментами дисциплинарного надзора, принципами партийной этики и традиционными нормами общественной морали.

Теоретическая значимость исследования состоит в предложенных автором обобщениях о природе коррупционного поведения, сделанных на основе изучения классических и современных научных подходов; раскрытии факторов, влияющих на коррупционное поведение чиновников в незападных странах; обобщении существующих в науке моделей к разработке и реализации антикоррупционной политики; в проверке применимости научных разработок в области противодействия коррупции на кейсе Китайской Народной Республики.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты могут быть использованы для описания и оценки процессов разработки и реализации антикоррупционной политики в разных системах государственного управления, для совершенствования учебных курсов по подготовке и переподготовке кадров государственной службы.

Теоретико-методологическая база исследования. Применявшиеся в работе подходы и методы исследования полностью соответствуют его объекту и предмету, целям и задачам. В этом контексте природа коррупционного поведения

государственных служащих рассмотрена с позиций модернизационного, социокультурного, неоинституционального подходов, а также принципал-агентской модели и проблемы коллективного действия, теории селектората, социального капитала. Использование идейных основ этих подходов позволило всесторонне раскрыть природу коррупционного поведения. Модернизационный подход использовался как основной, так как исследование посвящено изучению антикоррупционной политики в стремительно развивающемся государстве, где важное внимание уделяется установлению и закреплению эффективных институтов государственного управления. Стабильность и сила институтов, прозрачность и подотчетность в деятельности их представителей является одним из условий снижения уровня коррупции. Социокультурный подход поддерживает рассуждения о природе коррупции, акцентируя внимание на значении таких факторов как общественные ценности, социальные практики, культурные нормы и традиции, для успешного закрепления эффективных институтов. Неоинституциональный подход помог зафиксировать проблему проведения политических и социальных изменений, трансформации сложившихся на протяжении многих лет порядков, что осложняет процесс быстрой модернизации институтов и практик.

Взаимодополняющее влияние социальных факторов и институциональных ограничений на разработку антикоррупционной политики позволили использовать эвристическую силу принципал-агентской модели отношений общества и государства, фиксирующую проблему информационной асимметрии, благоприятствующую усилению личных мотивов в поведении чиновников и ослаблению общественно значимой мотивации; теории селектората, объясняющей причины коррупционного поведения с экономических позиций; теории коллективного действия, в соответствии с которой все участники взаимодействия ориентированы на максимизацию своих интересов.

В целом, коррупционная деятельность в системе государственного управления рассматривается в терминологии сетевого подхода, подчеркивая, что

существование этого явления угрожает государству и обществу, когда оформляется в разветвленную сеть взаимных обязательств между многими чиновниками на разных управленческих уровнях, превращаясь таким образом в систему, усиливающую клиентелизм и nepотизм.

В исследовании также использованы социологические теории, позволяющие раскрыть природу традиции гуаньси и объяснить последствия влияния этих социальных отношений на проведение эффективной антикоррупционной политики. В частности, эту задачу позволило решить обращение к теориям социального действия, социального капитала, типологиям коррупции, разработанным с учетом влияния социальных факторов на функционирование институтов.

Антикоррупционная политика рассматривалась с теоретических позиций, предложенных российскими социологами, правоведами и политологами, а также китайскими исследователями, проводившими эмпирические исследования в этой области. Общим для этих исследований является понимание того, что коррупционное поведение поддается контролю и уровень коррупции возможно снизить с помощью целенаправленных мер воздействия. Научная дискуссия разворачивается вокруг подходов: необходимо опираться на бюрократические инструменты (нормативно-организационный подход) или задействовать общественный потенциал для повышения подотчетности институтов государственного управления (социологический подход).

В исследовании также использован сравнительный метод. Стратегия изучения прецедента (кейса) позволила на основе детального изучения антикоррупционной политики в Китайской Народной Республике получить эмпирические свидетельства эвристического потенциала использованных теорий, выявить наиболее сложные аспекты в реализации антикоррупционной политики для дальнейшего ее совершенствования в целях снижения негативных эффектов от институциональных и социальных ограничений.

В своей совокупности использованные в исследовании теоретико-методологические подходы, раскрывающие природу коррупционного поведения, позволили выявить наиболее острые проблемы и вызовы, которые стоят перед разработчиками антикоррупционной политики.

Эмпирическая база исследования. Для изучения антикоррупционной политики Китайской Народной Республики использовались вторичные данные, собранные китайскими и международными исследовательскими центрами, официальные данные по отдельным показателям развития современного Китая, а также вторичные данные, собранные китайскими и зарубежными исследователями, изучавшими проблему коррупции в Китае.

Положения, выносимые на защиту.

1. Успех антикоррупционной политики зависит не от четкого исполнения рекомендаций международных структур по противодействию этому пороку системы управления, а от правильного определения природы, причин, мотивов и условий коррупционного поведения чиновников в конкретном государстве. Несмотря на хорошую разработанность этой проблемы в научной литературе и в практике разных стран, до сих пор не существует и возможно не может существовать универсального для всех государств сценария противодействия коррупции. Это объясняется социокультурными различиями стран, различиями в экономических и политических условиях, в которых формируется антикоррупционная политика, а также различиями в понимании политиками приоритетов и приемлемых методов реализации антикоррупционной политики.

2. Социокультурный контекст разработки и реализации антикоррупционной политики в незападных, прежде всего азиатских, государствах, часто конфликтует с законодательно устанавливаемыми правилами поведения в системе государственного управления. Ускоренную экономическую модернизацию эти страны начинают в условиях сохранения традиционных черт общественного устройства и неразвитости современных институтов государственного управления. Типичные для традиционного общества сети

межличностных отношений, основанные на кровнородственных и дружеских связях, становятся основным видом капитала, который целенаправленно накапливается и приумножается для получения эксклюзивного доступа к государственным ресурсам, ограничить который не могут слабые институты государственного управления. В итоге это приводит к распространению коррупции, усложняя выявление фактов коррупционного поведения и ее наказание. Основной мерой борьбы с таким неформальными институтами видится не столько усиление институтов и совершенствование антикоррупционного законодательства, сколько развитие культуры ведения бизнеса, в которой акцент делается на принцип заслуг, что обеспечивает прибыльность и эффективность, а также репутацию компании, а также прозрачность доходов и расходов государственных служащих, повышающих риски коррупционного поведения.

3. Главным фактором успеха антикоррупционной политики является политическое лидерство. Проводить антикоррупционную политику очень сложно, потому что она встречает сильное сопротивление со стороны заинтересованных групп, особенно со стороны бюрократии. Преодолеть это сопротивление и заставить всех государственных служащих вести себя честно очень сложно. Это возможно благодаря давлению политического лидерства, поставившего целью решение этой масштабной проблемы, имеющего доступ к основным ресурсам и инструментам управления, способного повысить риски и страх коррупционного поведения.

4. Антикоррупционная политика Китайской Народной Республики прошла очень долгий путь развития – от массовых хаотичных кампаний до системного набора решений с использованием самых современных инструментов при сохранении централизованной системы государственного управления под руководством Коммунистической партии. Основная проблема антикоррупционной политики состоит в том, что проблеме коррупции не уделялось внимания в первые годы экономических реформ, что привело и к большому масштабу распространения, и к закреплению в системе государственного управления

эффективных межличностных сетей, отладивших использование государственных ресурсов в личных целях. Сильное политическое лидерство в лице Си Цзиньпина консолидировало государственную систему, что нашло выражение в проведении значительных реформ, в частности, во внесении изменений в Конституцию и разработке новых подходов к противодействию коррупции. В частности, акцент в антикоррупционной политике сделан на авторитет партии, построение морального образа партии и государственной службы, повышение этики государственной службы. По этой причине китайская специфика антикоррупционной политики состоит не в установлении институционального контроля по западному образцу, а в усилении дисциплинарного надзора в партии при централизации государственных структур и преследовании чиновников, которые незаконно накапливают богатство и подрывают таким образом идею служения партии народу. В основу антикоррупционной политики Китая заложено представление о коррупции не только как о нарушении закона, но и как об аморальном поведении государственного служащего и члена партии.

Апробация исследования. Основные теоретические и практические результаты исследования отражены в выступлениях на научно-практических конференциях (Ежегодная международная студенческая и аспирантская конференция «20 лет Конвенции ООН против коррупции» 8 декабря 2023 г., I Международная молодежная конференция по информационной безопасности, Москва, 16 мая 2023 г.; Международная научно-практическая конференция XII Евразийский антикоррупционный форум «Противодействие коррупции: диалектика научного знания», Москва, 26 апреля 2023 г.; XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-23», Москва, 10-21 апреля 2023 г.; 50-я Международная научно-практическая конференция «Eurasia Science», Москва, 30 декабря 2022 г.; Межвузовский международный конгресс «Высшая школа: научные исследования», Москва, 22 декабря 2022 г.; Scientific research of the SCO countries: synergy and integration, Пекин, 20 декабря 2022 г.; XI Евразийский антикоррупционный форум, круглый

стол «Антикоррупционное просвещение и ресурсы системы образования», Москва, 20 апреля 2022 г.).

По теме исследования автором опубликовано 6 научных работ общим объемом 4,2 п.л. (авторский вклад – 3,4 п.л.), в том числе 5 статей объемом 3,7 п.л. (авторский вклад – 2,9 п.л.), опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. Шао Ц. Противодействие коррупции как основное направление административной деятельности в современном Китае // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, №1 (89). – С. 394-403.
2. Михайлова О.В., Шао Ц. Социально-культурные аспекты коррупционного поведения. Опыт Китая // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). – 2023. – № 98. – С. 178-190.
3. Михайлова О.В., Шао Ц. Эволюция антикоррупционной политики Китая: проблемы и решения // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – №4. – С. 68-80.
4. Михайлова О.В., Шао Ц. Механизмы и технологии противодействия коррупции в современном Китае // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2024. – № 1. – С. 82-87.
5. Цзысюань Ш. Приоритеты и направления развития антикоррупционной работы Китая в ближайшие пять лет // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т. 14, №3 (108). – С. 909-914.
6. Шао Ц. Современные подходы к формированию антикоррупционной политики государства // Политконсультант. 2023. Т. 3, №3. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/03PK323.pdf>

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Отражённые в диссертации научные положения соответствуют следующим

пунктам паспорта специальности – 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики:

п. 4. Модели и процедуры подготовки, принятия, имплементации, оценки эффективности и результативности государственных, политических, политико-административных и административных решений.

п. 9. Государственная политика, государственные отраслевые политики (социальная, экономическая, миграционная, национальная, научно-техническая, образовательная, молодежная, информационная и др.).

п 10. Механизмы, инструменты и стадии государственной политики и отраслевых политик. Разработка политической, общественной и медиа повесток.

п. 14. Вызовы и риски государственного управления, государственной политики и отраслевых политик.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРРУПЦИИ И АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

§1. Природа и содержание коррупции и коррупционного поведения

Коррупция и коррупционное поведение на протяжении многих десятилетий является предметом изучения многих исследователей из разных наук. На современный момент очевидно, что такой вид отношений негативно влияет на качество системы государственного управления, хотя и признается тот факт, что к разным проявлениям коррупции в государствах неоднозначное отношение со стороны общества и власти.

По оценкам Всемирного Европейского Форума по состоянию на 2016 г., несмотря на сложности получения достоверных данных о масштабах и размерах коррупции в мире, ежегодно потери мирового ВВП составляют не менее 5%, или около \$1 триллиона в форме взяток. При этом наибольший урон коррупция наносит бедным странам, потому что их граждане вынуждены платить больше в процентном отношении от своего дохода. Например, Мировой банк подсчитал, что в Парагвае тратят 12,6% от своего дохода на взятки, а богатые домохозяйства –

6,4%¹⁷. Широкая распространенность коррупции ведет к резкому ограничению возможностей граждан к получению качественных социальных услуг, сокращению государственных средств, которые должны направляться на производство общественных благ. Кроме того, коррупция ведет к росту преступности и социальной нестабильности.

С политологического ракурса коррупция ведет к непрозрачности в деятельности государственных институтов и процессов принятия решений, а также к закрытым и неэффективным рыночным механизмам. Если обобщить наиболее известные определения коррупции, встречающиеся в научной литературе и официальных документах международных организаций, осуществляющих мониторинг ее уровня в разных странах, то согласие есть в том, что ключевыми элементами коррупционного поведения являются злоупотребление властью и личная выгода.

Одно из первых и востребованных в современной академической литературе определений принадлежит Д. Наю, который писал, что коррупция – это поведение, которое отклоняется от формальных обязанностей публичной роли из-за личных материальных или статусных выгод; или нарушает правила, запрещающие осуществление определенных видов личного влияния¹⁸. Его определение означает, что государственные служащие отказываются выполнять свои обязанности или нарушают правила, руководствуясь межличностными договоренностями для получения личной выгоды. И в дополнение он выделяет три вида коррупционного поведения: взяточничество (вознаграждение за услуги), кумовство (покровительство по причине личных отношений), незаконное присвоение (государственные ресурсы используются в личных целях). Другое не менее известное определение коррупции с такими же акцентами видит ее как

¹⁷ Combating Corruption // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/anti-corruption> (дата обращения: 30.03.2023 г.).

¹⁸ Nye J.S. Corruption and Political Development: A Cost Benefit Analysis // The American Political Science Review. 1967. Vol. 67. Is. 2. P. 417-427.

«неправомерное использование или злоупотребление служебными полномочиями в личных целях»¹⁹.

Российские исследователи соглашаются с этим подходом, подчеркивая, что коррупция существует по причине того, что чиновники могут распоряжаться непринадлежащими им ресурсами путем принятия или непринятия решений. Они должны принимать решения, руководствуясь правовыми актами и общественно одобряемыми культурными и моральными нормами²⁰. Некоторые авторы обращают внимание, что распространение коррупции в системе государственного управления связано также с «моральным разложением», с индивидуальными и культурными аспектами, а не только с экономическими и политическими. Кроме того, подчеркивают, что это явление неразрывно связано с развитием межличностных сетей для достижения целей незаконного обогащения²¹. К. Фридрих писал, что «коррупция – это один из видов поведения, отклоняющегося от превалирующих или считающихся превалирующими в существующем политическом контексте норм. Это девиантное поведение, обусловленное мотивацией получения частной выгоды за счет общественных затрат»²².

Китайский исследователь Ю. Ло выделил следующие характеристики, характеризующие коррупцию как особый вид поведения в системе государственного управления:

- 1) зависит от национального контекста (в каждом государстве разрабатываются свои ограничительные нормы, определяющие коррупцию);
- 2) всегда связана с властью (коррупционером является должностное лицо, обладающие дискреционными полномочиями);
- 3) скрыта от общества (коррупционная сделка происходит тайно на основе устных договоренностей);

¹⁹Rose-Ackerman S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. N.Y.: Cambridge University Press, 1999.

²⁰ Анतिकоррупционная политика: учебник для вузов / под ред. Г. А. Сатарова. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Юрайт, 2023.

²¹Rothstein B. What is the Opposite of Corruption? // Third World Quarterly. 2014. Vol. 35. Is. 5. P. 737-752.

²²Fredrich C. Political Corruption / A. Heidenheimer and M. Johnston, editors. 3-d edition. 2005. C.15.

4) является преднамеренным действием (целью всегда является получение личной выгоды);

5) связана с восприятием властями (к коррупции может быть терпимое отношение в некоторых ситуациях, в другие – неприемлемое отношение)²³.

Ученые выделяют различные типы коррупции, подчеркивая, что она имеет разные проявления и последствия. Как правило, противопоставляют верхушечный и низовой тип коррупции. В первый тип коррупции вовлечены политики, высшее и среднее чиновничество, она связана с принятием ими решений, распределяющих большие объемы общественных ресурсов (принятие законов). Во второй тип коррупции вовлекаются государственные служащие среднего и низкого уровня, она связана с повседневным взаимодействием чиновников с гражданами (регистрация, назначение пособий). Исследователи также упоминают «вертикальный» тип, связывающий первый и второй тип коррупции, описывая ее как дачу взятку чиновником своему начальнику внутри государственного ведомства за то, что последний будет покрывать его коррупционное поведение²⁴.

Например, А. Шах выделил четыре основных типа коррупции, угрожающие системе государственного управления:

1) бюрократическая коррупция, или изолированные друг от друга сделки отдельных чиновников, которые злоупотребляют своими полномочиями, выводят государственных средства из бюджета, предоставляют услуги по своему усмотрению;

2) крупная коррупция, в которой задействованы высокопоставленные чиновники и политики, которые неправильно распоряжаются общественными ресурсами;

²³Luo Y. An Organizational Perspective of Corruption // Management and Organization Review. 2005. Vol. 1. Is. 1. P. 119–154.

²⁴ Анतिकоррупционная политика: учебник для вузов / под ред. Г. А. Сатарова. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Юрайт, 2023.

3) «присвоение государства», которое происходит, когда чиновники и политики попадают в ловушку к крупному бизнесу и начинают принимать решения в его интересах, а не в интересах государства;

4) патронаж и клиентелизм, предполагающие оказание особой поддержки людям, принадлежащим к тому же географическому региону, этнической группе или культурной общности²⁵.

Не ставя перед собой задачу охарактеризовать все типологии коррупции, полагаем, важно обратить внимание на самую опасную для системы государственного управления ее разновидность – институциональную, или системную. В российской научной литературе исследователи часто сигнализируют о ее тяжелых последствиях для политической системы, потому что она имеет наибольшие шансы для появления в странах, переживающих период стремительных экономических и политических трансформаций²⁶. Ученые подчеркивают, что в такой вид коррупции вовлечены не отдельные люди – коррумпированные чиновники, злоупотребляющие своими полномочиями в целях личной выгоды, а институты власти, утрачивающие свою способность самостоятельно определять управленческую повестку, выполнять предписанные им функции, согласующие свои действия с неформальными структурами и персонами. Скоробогатова А. В. определила институциональную коррупцию как «систему скрытых от общества разветвленных взаимодействий неформальных ассоциаций государственных и негосударственных акторов, выстраивающихся в архитектуру формальных институтов и препятствующих выполнению ими предписываемых функций с целью утилитарного использования общественных ресурсов в интересах коррумпированных чиновников и аффилированных с властью

²⁵Shah A. Performance Accountability and Combating Corruption. Washington: The World Bank, 2007.

²⁶ См., например, Нисневич Ю. А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М.: Юрайт, 2017; Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция. Современные подходы к исследованию. М.: Академический проект, 2009; Сатаров Г. А. Коррупция и переходная экономика // Экономический вестник переходной экономики. 2004. № 2. С. 295–312; Наумов Ю. Г. Институциональная коррупция в системе экономических институтов постсоветской России // Вестник московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 39–41 и др.

фигур и группировок»²⁷. Автор особо подчеркивает, что источником такого вида коррупции являются дефекты функционирования системы государственного управления, слабость институтов, которые оказываются неспособны противодействовать натиску «хищнически» ориентированных чиновников.

В связи с широким распространением коррупции в мире наука пристальное внимание уделяет изучению источников и условий коррупций и коррупционного поведения, потому что понимание их природы и благоприятствующей среды позволяет повысить эффективность проводимой антикоррупционной политики. В отношении стран с переходной экономикой и политической системой часто пишут о слабости институтов власти как главном источнике коррупции. Представляется крайне важным в такой сложный период стабилизировать и усиливать институты с помощью в том числе антикоррупционных мер, чтобы не допустить укоренения системной коррупции, когда государственное управление работает на производство не общественных, а частных благ. Под стабильностью институтов подразумевается отсутствие частых, беспорядочных и непоследовательных изменений правил. Без этого сложно понять, какое поведение будет считаться правильным или неправильным, нестабильность будет провоцировать неформальные контакты и обмены услугами, а предсказуемость снижает необходимость в коррупции, так как институты работают понятным для всех способом.

Кроме слабости институтов коррупцию теоретически объясняют следующими важными факторами: (1) наличием свободы выбора у государственного служащего, (2) склонностью отдельных людей к такому противоправному поведению, (3) организационной культурой, (4) влиянием внешней среды²⁸.

²⁷ Скоробогатова А. В. Институциональная коррупция в системе государственного управления: пути и механизмы противодействия в современном российском обществе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А. В. Скоробогатова. – М.: 2019.

²⁸De Graf G. Causes of Corruption: Towards a Contextual Theory of Corruption // Public Administration Quarterly. 2007. Vol. 31. Is. 1. P. 39-86.

Нельзя не согласиться с учеными в том, что для возникновения коррупции важно наличие также таких условий, как (1) дискреционные полномочия чиновника, (2) экономическая рента и (3) слабые институты. Дискреционные полномочия позволяют должностным лицам неограниченно и бесконтрольно устанавливать и использовать правила. Экономическая рента извлекается в виде финансовых выгод в результате злоупотребления властью. Слабые институты поддерживают коррупцию, потому что в системе государственного управления отсутствует система надзора со стороны органов власти и нет возможностей заставить чиновников соблюдать правила²⁹. Помимо этого, исследователи обращают внимание и на важность культурных факторов, в частности, такие параметры, как (1) дистанция власти в обществе и (2) коллективизм³⁰. Значительная дистанция власти в обществе позволяет развиваться коррупции, потому что люди не осмеливаются обсуждать решения вышестоящего начальства и принимают все его решения. В коллективистских обществах люди склонны демонстрировать лояльность членам группы, нарушать правила, если они противоречат групповым нормам, развивать межличностные сети для обмена услугами.

В целом в научной литературе можно выделить несколько теоретико-методологических подходов к определению природы коррупции. Представители модернизационного подхода видят проблему в незавершенности процесса осовременивания политической системы и рассматривают коррупцию как следствие слабости институтов, их неподотчетности, отсутствия прозрачности в деятельности властных структур и низкого уровня экономического развития. В таких условиях начинают преобладать неформальные практики над формальными правилами, что выражается, например, в назначениях на должности на основе личных связей, а не на основе системы заслуг, развитии патрон-клиентских отношений с бизнесом³¹.

²⁹Aidt T. Economic Analysis of Corruption: A Survey // The Economic Journal. 2003. Vol. 113. Is. 491. P. 632-652.

³⁰Hofstede G. Culture's Consequences International Differences in Work-Related Values. N.Y.: Sage, 1980.

³¹См., например, Huntington S. Modernization and Corruption. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

Взгляд с позиции изучения культуры позволяет увидеть коррупцию как неоднозначное явление, потому что в одних контекстах действие будет восприниматься как нарушение, а в других – нет. Несмотря на то, что западное понимание коррупции не полностью применимо к ее пониманию в незападных обществах, оно все-таки в силу процессов глобализации успешно распространяется и принимается в мире, определяя стандарты для разработки антикоррупционной политики. При этом необходимо сохранять понимание, что коррупция является одной из форм социальных отношений, а легальность или нелегальность поведения основана на культурном контексте, в котором оно происходит. Нередко социальные практики культурно обусловлены, но становятся нелегальными, когда устанавливается в стране западная административная система. Поэтому очень важно дать точное определение коррупции в конкретной социальной среде, что возможно на уровне каждой страны, а также принимать во внимание социально-психологические ожидания общества в отношении поведения политиков и чиновников. Иначе говоря, если в обществе существует консенсус в отношении того, что государственные служащие нарушают неформальные стандарты, то они также могут быть наказаны за коррупционное поведение общественным порицанием.

Сторонники неоинституционального подхода исходят из того, что история каждой страны является данностью, а решения и практики, институционализированные в прошлом, создали формальные и неформальные процедуры, которые неизбежно влияют на современное государственное управление. Очень сложно изменить сложившиеся социальные порядки установлением новых, иногда совсем чуждых системе, законов. Именно так происходило и происходит в развивающихся странах, когда международные организации ставят своей целью содействовать снижению уровня коррупции путем установления правовых и бюрократических институтов, которые встречают сопротивление со стороны элит, которые извлекают выгоды из традиционных практик, несовместимых с современными бюрократическими стандартами. Этим

сопротивлением сторонники данного подхода объясняют устойчивость традиционных форм управления и широкое распространение коррупции. Помимо этого, важную роль в закреплении социальных практик играют процессы социализации, когда каждое новое поколение усваивает стандарты поведения в обществе, в том числе и во взаимодействии с государством и его институтами. В обществе, где на протяжении столетий процветает nepотизм, фаворитизм, коррупция скорее всего будет очень распространенным явлением³².

Природа коррупции рассматривается сквозь призму принципал-агентской модели, которая получила широкое распространение при исследовании этого явления в России³³. Проблема возникает, когда одной стороне отношений (принципалу) требуются услуги от другой стороны (агента), но при этом принципал испытывает дефицит информации для осуществления эффективного контроля за действиями агента. Эта информационная асимметрия возникает потому, что агент обладает большим объемом информации, чем принципал, что создает дисбаланс между ними³⁴. Если принципал не может контролировать агента, то возникает ситуация, когда принципал считает, что агент реализует общественно значимые цели, а на самом деле агенту выгоднее действовать в интересах личной выгоды, так как затраты на их достижение ниже. Таким образом ведут себя чиновники, обменивая государственные услуги на экономическую ренту, если граждане их не контролируют и за ними не осуществляется должный надзор со стороны других институтов. Руководствуясь логикой принципал-агентской модели, разработчики антикоррупционной политики выступают за ограничение дискреционных полномочий бюрократии (агента) и за разработку стимулов для общества по

³²Persson A., Rothstein B., Teorello J. Why Anticorruption Reforms Fail: Systemic Corruption as a Collective Action Problem // *Governance*. 2013. Vol. 26. Is. 3. P. 449–471.

³³ См., например, Сатаров Г. А. Коррупционные отношения: агентская модель и смежные подходы // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 60–69; Дятлова Н.К., Цадлер Я.А. Коррупция как институт коммуникации в модели принципал-агент // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2. С. 209–213; Зайковский В.Н., Давыдов В.Г. Коррупция в контексте принципал-агентских отношений: сущность и основные причины // *Государственная служба*. 2017. № 3. С. 36–44; Михайлова О. В., Скоробогатова А.В. Общество против коррупции: взгляд через призму принципал-агентской модели // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 4. С. 156–171 и др.

³⁴Rose-Ackerman S. *A Study in Political Economy*. N.Y.: Academic Press, 1978.

контролю за поведением чиновников. Однако такие рекомендации скорее всего не будут работать в модернизирующихся обществах, где первоначально распространены фаворитизм, nepотизм и другие разновидности коррупционного поведения, при этом общество очень пассивно в решении социально-политических проблем, испытывает дефицит социального и политического доверия.

В таких обществах остро проявляет себя проблема коллективного действия, в соответствии с которой все заинтересованные стороны (политики, чиновники, граждане) ориентированы на максимизацию в достижении своих интересов, что зависит от общих ожиданий в отношении поведения других³⁵. Выгоды и издержки от коррупции зависят от того, сколько других людей в обществе, как ожидается, будут склонны к заключению коррупционных сделок. Если коррупция является ожидаемым поведением, то люди предпочтут вести себя аналогичным образом, потому что издержки от честного поведения будут намного превосходить выгоды на индивидуальном уровне. Преодолеть эту проблему можно посредством разработки антикоррупционного законодательства и системы надзора за деятельностью чиновников. Это важно, потому что распространение коррупции зависит также и от предполагаемой рискованности коррупционного поведения. Чем выше риск разоблачения, тем ниже уровень коррупции. И здесь мы возвращаемся к проблеме стабильности и эффективности институтов государства, их способности разработать адекватное законодательство и обеспечить его выполнение всеми жителями страны.

В связи с рассуждениями о проблеме коррупции в модернизирующихся обществах нередко исследователи ставят вопрос о влиянии типа политического режима на уровень этого явления. От коррупционного поведения выигрывают все вовлеченные в нее участники, независимо от типа режима. Однако тип режима может оказать существенное влияние на масштабы заключения коррупционных сделок. По данным некоторых исследований процессы демократизации усиливают

³⁵Ostrom E. Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // American Political Science Review. 1998. Vol. 92. Is. 1. P. 1-22.

интенсивность коррупции в краткосрочной перспективе, но по мере усиления демократических институтов уровень ее будет снижаться³⁶. Дополнительным позитивным фактором является рост уровня доходов на душу населения (по некоторым оценкам пороговое значение составляет \$2000)³⁷.

В отношении авторитарных режимов западные исследователи настроены пессимистично, полагая, что в них создаются благоприятные условия для роста уровня коррупции. Подробно об этом пишут авторы теории селектора, акцентируя, что политический лидер, находясь в зависимости не от выборов, а от узкой группы поддержки, не мотивирован производить общественные блага, а будет производить частные блага и присваивать значительную часть общественных ресурсов себе³⁸. Наиболее очевидно эта тенденция выражена в персоналистских и неопатримониальных режимах, для которых характерно краткосрочное видение перспектив и высокий уровень неопределенности лидера в отношении своего политического будущего. В партийных режимах, где практикуется коллективное управление, больше способов сдержать и контролировать коррупцию как на верхушечном, так и низовом уровнях.

Китай относится к партийному типу политического режима с модернизирующимся типом общества благодаря экономическим реформам. Процессы экономической либерализации создали условия для колоссального роста коррупции, борьба с которой стала приоритетной в повестке дня китайских властей в последние десятилетия. Однако предсказуемо возникли серьезные трудности с определением содержания коррупции, определением ее причин и борьбой с последствиями.

³⁶См., например, Treisman D. The Causes of Corruption: A Cross-National Study // Journal of Public Economics. 2000. Vol. 76. Is. 3. P. 399-457; Treisman D. Income, Democracy, and Leader Turnover // American Journal of Political Science. 2015. Vol. 59. Is. 4. P. 927-942.

³⁷Jetter M., Agudelo A., Hassan A. The Effect of Democracy on Corruption: Income Key // World Development. 2015. Vol. 74. P. 286-304.

³⁸De Mesquita B., Smith A., Morrow J., Siverson R. The Logic of Political Survival. Cambridge: MIT Press, 2005.

Формально-правовая спецификация коррупции на сегодняшний момент основана на Уголовном кодексе 1997 года³⁹, где закреплено два типа коррупции: экономическая (растрата, взяточничество, незаконное присвоение, получение незаконной прибыли, неуплата налогов, спекуляция и пр.) и неэкономическая (неисполнение служебных обязанностей, злоупотребление властью, пренебрежение обязанностями, кумовство, большие траты на празднования, незаконное лишение свободы, пытки и пр.). В соответствии с заложенным в основу концептуализации коррупции подходом она рассматривается шире принятого в политической науке определения. Подчеркивается, что коррупция – это не столько злоупотребление властью, сколько использование государственной власти и государственных ресурсов в личных целях. Коррупцией таким образом характеризуется все негативные явления и нездоровые тенденции в партийных органах и государственных ведомствах. Кроме того, под частным интересом подразумевается не только личная выгода чиновника, но и интересы ведомства, если ему отдается приоритет при принятии решения⁴⁰.

На протяжении нескольких десятилетий, вплоть до начала 2000-х гг. китайская система государственного управления испытывала на себе негативное влияние всех факторов, описанных в научных трудах о коррупции. Во-первых, с переходом от социалистической модели экономики к рыночной возникла возможность для государственных служащих извлекать экономическую ренту, так как доходы населения стали расти, стали возникать частные компании, которым было необходимо получать различные разрешения от государственных структур, а зарплаты чиновников были незначительными, что подталкивало их к заключению коррупционных сделок.

³⁹ 中华人民共和国刑法（1997年修订）– 中华人民共和国最高人民检察院[Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (редакция 1997 года)] // Верховная народная прокуратура КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180206_364975.shtml (дата обращения: 30.04.2023 г.).

⁴⁰ He Z. Corruption and Anti-Corruption in Reform China // *Communist and Post-Communist Studies*. 2000. Vol. 33. Is. 2. P. 243–270.

Во-вторых, проведенная в 1980-х гг. фискальная реформа привела к некоторой децентрализации, предоставив местным органам власти право собирать налоги и расходовать получаемые доходы в соответствии с текущими нуждами. Однако при еще слабой системе надзора за деятельностью местных властей неизбежно возникло большое количество ситуаций хищения средств и нецелевого их расходования.

В-третьих, в стране еще не было эффективной профессиональной бюрократии, которая формировалась бы на основе меритократического принципа, что стало причиной широкого распространения кумовства и фаворитизма.

В-четвертых, содержание коррупции не было кодифицировано, отсутствовало законодательство, которое определяло бы содержание этого типа правонарушения. В-пятых, длительное сосуществование двух экономических систем – плановой и рыночной экономики. В-шестых, изменение идеологии – от акцентирования классовой борьбы к экономическому развитию. Власти поощряли предпринимателей, активных людей, которые приносили прибыль своим предприятиям, вносили вклад в достижение стратегических целей государства, игнорируя факты коррупции и незаконного обогащения чиновников. Чрезмерный акцент на экономическом развитии в сочетании с пренебрежением правовыми нормами и моральными стандартами, которым должна следовать экономическая деятельность, привел к серьезным негативным последствиям в вопросе распространения коррупции.

Подводя итог, следует сказать, что в современной политической науке достигнут консенсус в отношении содержания коррупции, учеными предложены разнообразные типологии, каждая из которых позволяет увидеть различные грани этого явления, подробно изучены его причины и последствия для системы государственного управления. На первый взгляд все представляется понятным с теоретической точки зрения. Однако проблемы появляются, когда политики и представители международного сообщества берутся за разработку

антикоррупционных мер, когда возникает практическая потребность в выявлении, разоблачении, профилактике и наказании коррупционных сделок. В этот момент на первый план выходят имеющиеся теоретические разногласия о природе коррупции в конкретном обществе. Правильное выявление причин, мотивов и условий коррупционного поведения предопределяет успешность мер противодействия.

Принимая во внимание существующие теоретико-методологические позиции, представляются правильными для интенсивно развивающихся обществ объяснять широкую распространенность коррупции с помощью неинституционального подхода, акцентирующего важность истории государства и сложившихся в нем ранее институтов, препятствующих быстрой модернизации системы государственного управления, а также с позиций теории коллективного действия. Важно принять во внимание тот факт, что теоретические представления о коррупции длительное время складывались на основе опыта западных стран, а наибольшие проблемы с этим явлением в современный период испытывают незападные страны, которые начали процесс создания систем государственного управления, отвечающим на актуальные вызовы. Китай является примером государства, стремительными темпами развивающего экономику и государственную политику в сфере противодействия коррупции. При этом и у ученых, и у политиков возникают серьезные трудности в этом направлении, потому что культурный и исторический контекст сильно отличается от западных примеров, что часто не позволяет опираться на существующие подходы и требует разработку теоретических уточнений, которые могут служить ориентиром в проведении антикоррупционной борьбы адекватной социокультурному контексту, с одной стороны, и успешной – с другой.

§2. Социально-культурные детерминанты коррупции⁴¹

Несмотря на то, что коррупция является универсальной проблемой для систем государственного управления мира, по имеющимся эмпирическим данным в большей степени ей подвержены страны, переживающие длительный период значительных экономических и политических изменений. В сложившемся на протяжении веков социально-культурном контексте страны стремительно возникают новые экономические и политические институты, закрепляются новые нормы и правила, нередко конфликтующие с имеющейся системой социальных отношений. В таких условиях, как правило, коррупция также является новшеством, законодательство фиксирует ее как правонарушение, определяя ее содержание с позиций западной политической науки и практики государственного управления. И действительно, крайне редко возникают разногласия среди исследователей, когда речь идет о законодательно закреплённом содержании коррупции, однако, когда возникает необходимость идентифицировать коррупционное поведение на практике, то наблюдается уже меньший консенсус в вопросе понимания ее содержания в страновом контексте.

Однозначность в определении содержания коррупции на законодательном уровне и в социальной практике необходима для разработки антикоррупционной

⁴¹При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Михайлова О. В., Шао Ц. Социокультурные аспекты коррупционного поведения. Опыт Китая // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2023. Том 98, с. 178–190 (объем 0,9 п.л., авторский вклад – 0,6 п.л.).

государственной политики и успешного противодействия этому «изъяну» системы государственного управления. В связи с этим не только академическому сообществу, но и действующим политикам и чиновникам требуется разбираться в оттенках и нюансах социальных отношений, различать приемлемые и недопустимые паттерны поведения для государственных служащих, представителей бизнеса и граждан, улучшать понимание страновой специфики для международного сообщества, которое занимается регулярным мониторингом состояния дел в антикоррупционной сфере.

В самом общем виде все страны, вступившие на путь преобразований, соглашались с тем, что коррупция как проблема государственного управления возникает в момент, когда власть в лице политиков и назначенных должностных лиц отклоняется от курса по достижению общественно значимых целей, вставая на путь злоупотребления служебными полномочиями для решения задач частного характера. Однако какое именно поведение можно считать злоупотреблением уже не очевидно, потому что в развивающихся странах законодательные установления могут входить в конфликт с одобряемыми в обществе практиками, а следовательно, и копируемые из западного опыта способы противодействия не дадут положительного результата.

С одной стороны, очевидно, что для построения современной системы государственного управления необходимо отказаться от отношений на основе патронажа и фаворитизма. С другой – это может встретить значительное сопротивление. Например, индийский антрополог пишет, что «высокопоставленный чиновник, который не помогает близкому родственнику или односельчанину получить государственную должность, часто подвергается критике со стороны людей за невыполнение своих обязанностей перед сородичами»⁴². Таким образом, фаворитизм может рассматриваться и как типичный пример коррупционного поведения, и как выражение солидарных связей

⁴²Guta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // American Ethnologist. 1995. Vol. 22. Is. 2. P. 375–402.

с теми, кому благоволит государственный служащий, к кому имеет эмоциональную привязанность. Этой социальной практике очень сложно противостоять, для этого требуется не просто принятие антикоррупционных программ, но и переустройство социальных отношений, в противном случае экономический рост приведет не к росту благосостояния общества, а к стремительному обогащению очень узких групп, располагающих доступом к ресурсам.

Разобраться с некоторыми тонкостями концептуализации коррупции в незападных обществах помогает типология А. Хайденхамера, которой маркировал ее разновидности цветом – черным, серым и белым, в зависимости от того, существует ли консенсус между обществом и государством об отнесения того или иного вида деятельности к коррупции⁴³. К «черной коррупции» относятся действия, осуждаемые всеми социальными группами, между политиками и гражданами существует согласие по вопросу необходимости преследования по закону вовлеченных в них государственных служащих, пытающихся увеличить свое благосостояние за счет общественных ресурсов (взяточничество, мошенничество, растрата, вымогательство, уклонение от уплаты налогов). К «серой коррупции» относятся действия, в отношении которых отсутствует единодушное согласие внутри власти, а общество может и не знать об этих действиях или не иметь по ним позиции. Речь идет, например, о действиях руководителей государственных учреждений, использующих свою власть для увеличения благосостояния своих сотрудников и доходов своих ведомств за счет участия в коммерческой деятельности. К этой же категории коррупции относятся «нездоровые привычки» чиновничества (расточительство, трата государственных средств на поддержание роскошных условий труда или образа жизни государственных служащих). Эти расходы увеличивают издержки общества, но пресечь их непросто, поскольку этот тип коррупции является относительно скрытым, и любые попытки установить разумные ограничения встречают

⁴³Heidenheimer A. Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics. Paper presented at the XVIII World Congress of the IPSA / A. Heidenheimer. Quebec City. 2000. August 1–5.

сопротивление чиновников, оправдывающих необходимость создания таких роскошных условий уникальностью своего труда и положения.

«Белая коррупция» также несет в себе серьезную угрозу для качества государственного управления, однако проблема состоит в том, что относящиеся к ней действия общество солидарно считает некоррупционными, а воспринимает их как нормальную социальную практику. По сути, это создание и поддержание сетей личных контактов, в которых государственные служащие содействуют друзьям, родственникам в получении должностей, контрактов и пр., что является способом взаимной оплаты ранее полученных услуг или проявления солидарности (кумовство, фаворитизм). Законодательно власти устанавливают запреты на такие контакты, однако на практике пресечь неформальные практики получения дефицитных услуг в обход формальных процедур крайне сложно. Примечательно, что существование таких сетей обычно публично осуждают те, кто исключен из участия в них, хотя при первой же возможности эти же люди будут заниматься такими же практиками.

Китай с момента начала крупномасштабных экономических реформ столкнулся со всеми видами коррупции, ее уровень до сих пор оценивается исследователи как эпидемический, при этом они обращают внимание, что значительный вклад вносит специфический для страны тип социальных отношений – гуаньси (guānxì). С позиций западных политологов гуаньси однозначно следует отнести к коррупции, если же следовать типологии А. Хайденхамера, то это, скорее, «белая коррупция». Китайские исследователи предпринимают небезуспешные попытки более точно прояснить содержание гуаньси, выделить разные типы этих отношений, показать, какие из них и каким образом могут быть связаны с коррупционным поведением, какие и в каких ситуациях наносят ущерб общественным интересам.

В основе гуаньси лежат неформальные практики социального взаимодействия. Социолог А. Леденева определяет неформальные практики как повседневные стратегии людей по манипулированию или использованию

формальных правил, включение неформальных норм и личных обязательств в формальные контексты, они компенсируют дефицит и дефекты государственной системы распределения, а в системах, где исчезает жесткий государственный контроль, – они направлены на использование слабых мест в новых институтах, увеличивая таким образом масштабы коррупции. При этом неформальные практики – это не только и не всегда реакция на политические и экономические ограничения, они также формируются под влиянием исторических и культурных акторов⁴⁴.

Гуаньси, в свою очередь, определяется как межличностные сети для удовлетворения потребностей повседневной жизни, включающие в себя обмен подарками, услугами, культивирование взаимных обязательств⁴⁵. Разные авторы делают разные акценты при раскрытии сути гуаньси. Например, их определяют более абстрактно как особые отношения между человеком, который в чем-то нуждается, и человеком, который что-то может дать⁴⁶. Гуаньси интерпретируется как пример партикуляристских отношений⁴⁷, дружеских связей⁴⁸ или социальный капитал⁴⁹.

В китайском языке гуаньси состоит из двух иероглифов – (关 guān) ворота, и (系 xì) связь – и означает дословно «связи за воротами». Таким образом, гуаньси связано с построением межличностных отношений, которые имеют решающее значение для успеха деловых операций, так как предоставляют человеку эксклюзивный доступ к ограниченным ресурсам, поэтому нередко рассматриваются как вид капитала, который накапливается и преумножается на протяжении длительного времени. Таким образом, гуаньси можно определить как

⁴⁴Ledeneva A. Blat and Guanxi: Informal Practices in Russia and China // *Comparative Studies in Society and History*. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 118–144.

⁴⁵Yang M. *Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relations in China*. Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 384 p.

⁴⁶Osland G. *Doing Business in China: A Framework for Cross-Cultural Understanding* // *Marketing Intelligence and Planning*. 1990. Vol. 8. P. 8–14.

⁴⁷Jacobson L. *A Million Truth: A Decade in China*. N.Y.: Evans and Co, 1999.

⁴⁸Pye L. *Chinese Commercial Negotiating Style*. Cambridge: Rand Corp., 1982.

⁴⁹Butterfield F. *China: Alive in Better Sea*. N.Y.: Coronet Books, 1983.

«неформальную, партикулярную личную связь между двумя людьми, которые объединены неявным психологическим контрактом, чтобы следовать социальной норме по поддержанию долгосрочных отношений, взаимных обязательств и лояльности»⁵⁰.

Для формирования и развития гуаньси в разных ситуациях используются разные основания. Например, в прошлом, когда китайцы переселялись в другие страны, им было проще найти жилье и работу, если они обращались к своим соотечественникам, которые ранее проживали в той же провинции или использовали тот же языковой диалект. Во внутриорганизационных отношениях, особенно в вопросах совместного владения собственностью и контроля за бизнесом приоритетное значение имеют родственные связи. У родственных отношений есть и неприятная оборотная сторона, потому что с родни сложнее требовать возврата долга или более ответственного и профессионального выполнения обязанностей. В решении сложных проблем большое значение имеют дружеские связи, а также межличностные отношения, сложившиеся за долгое время с коллегами⁵¹.

Сами по себе связи разной степени близости еще не свидетельствуют о вовлеченности человека в гуаньси. Гуаньси требует постоянного социального взаимодействия (светские визиты, приглашения на ужин, дарение подарков на праздники). Китайцы развивают отношения гуаньси, вкладывая в них значительные ресурсы, потому что «готовы пожертвовать краткосрочными интересами ради долгосрочного обмена услугами, поскольку они знают, что выгода от групповых усилий будет намного больше, чем от индивидуальных усилий»⁵². Как правило, эти отношения поддерживаются до тех пор, пока даритель не несет слишком больших затрат и уверен, что может рассчитывать в случае необходимости на получение ответной услуги. Уверенность во взаимности играет

⁵⁰Chen X., Chen C. On the Intricacies of the Chinese Guanxi: A Process Model of Guanxi Development // Journal of management. 2004. Vol. 21. P. 305–324.

⁵¹Tong Ch. K., Kee Y. Guanxi Bases, Xinyang and Chinese Business Networks // The British Journal of Sociology. 1998. Vol. 49. Is. 1. P. 75–96.

⁵²Luo J. D., Yeh Y. C. Neither Collectivism nor Individualism: Trust in the Chinese Guanxi Circle // Journal of Trust Research. 2012. Vol. 2. Is. 1. P. 53–70.

решающую роль в поддержании гуаньси, чем ближе люди связаны друг с другом, тем эта уверенность выше. Китайцы полагают, что неформальные санкции за невыполнение обязательств в виде потери репутации и общественного порицания более действенны, чем формальные юридические санкции.

Гуаньси как основа социальных отношений в Китае сильно контрастирует с западными социальными представлениями, потому что⁵³:

- 1) акцентируется добросовестность, основанная на личных чувствах, а не на правовых нормах;
- 2) ошибки, совершенные человеком, могут быть ему прощены по причине дружеских или кровнородственных связей, игнорируется типичная для западного общества независимая ответственность за невыполнение обязательств;
- 3) это сеть межличностных отношений, вне которой невозможно достичь результата.

В этом плане интересной представляется позиция Дж. Барбале о том, что «Китай часто описывают как страну с коллективистской культурой, но это ошибка, скорее, китайскую культуру лучше всего описывать как реляционную, а эффективные отношения между ролями основаны на семейных связях, а несемейные связи принимают семейную форму»⁵⁴.

Западные и китайские исследователи с разных позиций объясняют причины распространенности сетей гуаньси в современном китайском обществе. Они соглашаются, что, прежде всего, объяснение коренится в конфуцианской культуре. Так, социолог Цзинь Яоци отмечает, что конфуцианство повлияло на логику построения социальных отношений в Китае, для которых характерна специфическая роль человека как посредника в построении социальных взаимодействий вне семьи и проектировщика гуаньси⁵⁵. Конфуцианство большое

⁵³Su Ch., Littlefield J. Entering Guanxi: A Business Ethical Dilemma in Mainland China? // Journal of Business Ethics. 2001. Vol. 33. Is. 3. P. 199–210.

⁵⁴Barbalet J. Structure of Guanxi: Resolving Problems of Network Assurance // Theory and Society. 2014. Vol. 3. Is. 1. P. 51–69.

⁵⁵金耀基. 中国社会与文化, 牛津大学出版社(香港). 2017. (Цзинь Яоци. Китайское общество и культура. Гонконг: Изд-во Оксфордского университета (Гонконг), 2017.).

внимание уделяет кровному родству и распространяет его на все социальные отношения. Точнее говоря, оно трактуется очень расширительно, охватывает не только семейные отношения, но и отношения человека и государства. При этом в конфуцианстве действует принцип «цинъцинъ ю шу» (qīnqīn yǒu shù), означающий, что в обществе люди относятся друг к другу с разной степенью благожелательности, в зависимости от степени кровного родства. Благожелательность к людям иерархически упорядочена: этикет уважения и любви к родственникам разный, а способ уважения к мудрецам делится на уровни. Речь идет о различии «далеко, близко, уважение и неполноценность» при общении с другими.

Аналогичный принцип заложен в основу «модели разной последовательности» социолога Фэй Сяотуна, который пишет о том, что китайцы эгоцентричны при взаимодействии с другими людьми. Ближний круг — «свои люди» и дальний круг — «посторонние люди» определяются степенью близости родства⁵⁶. Чем ближе родство, тем проще сформировать тесные межличностные отношения, чем дальше родство, тем выше вероятность быть отвергнутым в отношениях с другими, а плотность межличностных отношений существенно снижается⁵⁷.

Помимо этого, благожелательность к людям в конфуцианстве определяется также социальной иерархией: благожелательность Конфуция — это иерархическая любовь, которая делится на далекую и близкую. Любовь к королю не то же самое, что любовь к простолюдинам, любовь к отцу не то же самое, что любовь к чужаку. Его доброжелательность прогрессивна: «Будь осторожен и верен, люби всех людей широко, и будь близок к добродетельным» (jǐn ér xìn, fàn ài zhòng, ér qīn rén). Достаточно быть верным простым людям, любить широкий круг людей в

⁵⁶费孝通. 乡土中国, 天津人民出版社. 2022. (Фэй Сяотун. Сельский Китай. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2022.).

⁵⁷彭泗清. 信任的建立机制: 关系运作与法制手段, 社会学研究. 1999. 2. Р. 55–56. (Пэн Сыцин. Механизм установления доверия: функционирование отношений и средства верховенства права. Социологические исследования. 1999. № 2. С. 55–68.).

отношениях и сближаться с доброжелательными и праведными людьми. В таких прогрессивных отношениях благожелательность требует больше любви к мудрецам, достигшим Дао, и меньше любви к «простым людям», и даже к конкретным «простым людям», Конфуцианство считает, что они недостойны любви: «И среди благородных мужей бывают не обладающие человеколюбием, но среди маленьких людей не встречаются человеколюбивые» (Глава XIV, стих 7)⁵⁸.

Основанные на принципах конфуцианства «социальные кровные отношения» сохраняют свою актуальность и влияние в современном китайском обществе, что имеет как положительные, так и негативные последствия. С одной стороны, принципы конфуцианской культуры способствуют налаживанию хороших межличностных отношений, придавая большое значение общению, основанному на принципах морали (пять основных добродетелей: доброжелательность, праведность, благопристойность, мудрость, верность), сдерживанию эгоистической мотивации человека в логике «интерес превыше всего», подчеркивая, что за обман придется дорого платить, и только честность между людьми является основой для гармоничного общественного развития⁵⁹. С другой стороны, чрезмерный акцент на кровном родстве консервирует в современном обществе феодальные элементы, ведет к доминированию плотных родственных и дружеских межличностных сетей, препятствующих продвижению талантливых, профессиональных и компетентных людей на общественно значимые должности в государстве, а также к росту коррупции.

В понимании западной социологии распространенность и значимость отношений гуаньси объясняется сохраняющейся традиционностью современного китайского общества. Например, Т. Парсонс выделил переменные социального действия, которые раскрывают мотивы людей, имеющие принципиальное значение для социальной жизни. В основе мотивации социального действия заложена

⁵⁸Переломов Л. С. Конфуций. «Лунь Юй». М.: Восточная литература, 2001. С. 108.

⁵⁹Yeung I., Tung R. Achieving Business Success in Confucian Societies: The Importance of Guanxi // Organisational Dynamics. 1996. Vol. 25. Is. 2. P. 54–56.

ориентация человека в своих отношениях с другими в ситуациях выбора. Эти ориентации представлены двумя парами наиболее значимых альтернатив:

1) «универсализм (ориентация на общее правило) – партикуляризм (ориентация на неофициальные критерии, исключения из общих правил, предоставление привилегий приближенным)»;

2) «достижение (ориентация на профессионализм) – приписывание (ориентация на приобретенные от рождения критерии и полученные благодаря наличию особых отношений)»⁶⁰.

Партикуляризм и приписывание свойственны традиционным обществам, основанным на кровнородственных отношениях и территориальных связях. Китайское общество рассматривается западными социологами как партикуляристское, что задает определенный тренд в изучении социальных процессов.

Другой взгляд на понимание природы гуаньси связан с теорией социального капитала, получившей популярность в западной социологии и политологии. П. Бурдьё определил социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе»⁶¹. В макросоциальном ракурсе социальный капитал рассматривается как важнейший элемент гражданского общества, состоящего из разветвленных сетей, участники которых совместно вовлекаются в решение актуальных общественно значимых задач⁶². В целом, в структуре социального капитала можно выделить несколько важнейших элементов:

1) социальные контакты, необходимые для обмена ресурсами и установления договоренностей между индивидами;

⁶⁰ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.

⁶¹ Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. 2002. №5. С. 63.

⁶² Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Touchstone book, 2001; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала / Р. Патнэм. М.: Ad Marginem, 1996.

- 2) наличие общих норм, правил и санкций, баланса между личными правами и обязанностями перед группой;
- 3) отношения взаимности, основанные на вере в то, что усилия или услуги получат встречный ответ либо одномоментно, либо в течение некоторого времени;
- 4) доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общественными нормами»⁶³.

В то же время солидарные отношения между людьми на групповом уровне далеко не всегда ведут к позитивным последствиям для общества, потому что группы имеют различные интересы, которые могут даже входить в конфликт с интересами всех жителей страны. Позитивные последствия для общества и государственного управления имеют гражданские ассоциации, объединяющие граждан по значимым вопросам их повседневной жизни. Негативные последствия для общества связаны с активностью солидарных групп, объединенных утилитарной мотивацией и имеющих при этом доступ к процессам распределения государственных ресурсов. К таким группам относятся коррупционные сети, формирующиеся в системе государственного управления, патрон-клиентские отношения, а также межличностные сети, основанные на кровном родстве или дружеских связях. Социальный капитал, накопленный членами этих групп, не приносит пользу обществу, а наоборот, наносит значительный ущерб.

У участников гражданских ассоциаций развиты формальные отношения, ориентированные на решение общественно значимых проблем, не предполагающие эмоциональной привязанности, межличностных обязательств, заставляющих обмениваться услугами и подарками. Они существуют в безличной правовой системе, которая не санкционирует практику взаимобмена по типу «ты

⁶³Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. М.: АСТ, 2004; Фалина А.С. Взаимодействие государства и бизнеса в разработке и реализации антикоррупционной политики Российской Федерации / А.С. Фалина. М.: РАГС, 2010.

мне - я тебе»⁶⁴, но накладывает формальные санкции за нарушение универсальных норм, что гарантирует поддержание честных отношений между людьми в обществе. При этом такие сети отношений основаны не на плотных и постоянных контактах, а на «силе слабых связей»⁶⁵, которые не отличает частота и продолжительность, но при этом у человека много разнообразных контактов с представителями других групп в обществе, они не замкнуты на межличностных, кровнородственных отношениях.

В небольших замкнутых социальных группах преобладают неформальные отношения между участниками, которые лично между собой знакомы, связаны родственными или дружескими узами. Угрозы для общества не возникает, если его интересы и интересы этих групп совпадают, но если не совпадают, то эти группы используют накопленный социальный капитал для обхода формальных норм и незаконного использования общественных ресурсов. В таком случае, как пишет Л. Федотов, происходит деформация социального капитала, когда он расценивается «как фактор укрепления личных позиций и получения индивидуальных преимуществ, а также когда к нему ограничивается доступ людей из других социальных групп»⁶⁶.

В Китае сложился социально-культурный контекст, в котором доминируют солидарные группы, участники которых связаны между собой кровнородственными отношениями и сетями гуаньси, для которых характерен высокий уровень межличностного доверия, но это доверие не распространяется на другие группы китайского общества.

Об этой особенности писал Ф. Фукуяма, отмечая, что сила и плотность межличностных сетей, основанных на кровнородственных связях, не ведет к росту социального доверия в китайском обществе. Он считает, что низкий уровень доверия в Китае связан с природной недоверчивостью китайцев в отношении

⁶⁴ Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство / С. Роуз-Аккерман. М.: Логос, 2010.

⁶⁵ Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 6. P. 1360–1380.

⁶⁶ Федотов Л. Н. Деформация социального капитала как фактор возникновения коррупции // Знание. Понимание. Умение. 2012. №3. С. 138–144.

посторонних. Автор выделяет два типа обществ – с низким и высоким уровнями социального доверия. В обществах с низким уровнем социального доверия оно устанавливается на основе кровнородственных связей и начинает снижаться по мере достижения их границ, а за их пределами резко останавливается. В обществах с высоким уровнем социального доверия оно преодолевает границы кровных уз и простирается далеко за их пределы. При низком уровне социального доверия в обществе преобладают близкородственные отношения между людьми при дефиците связей, объединяющих разнообразные группы в перекрестные сети доверия, создающие ткань гражданского общества⁶⁷.

Похожие идеи высказывал Р. Патнэм, выделив два типа социального капитала: «сплачивающий группу» (внутри малой группы) и «наводящий мосты» (на основе социальных связей широкого радиуса действия и разделяемых в обществе норм и ценностей)⁶⁸. В похожей логике К. Херпнер и К. Кизилова пишут о формальном социальном капитале (включенность индивида в социальную структуру общества, определяется показателями институционального доверия, членством в общественных организациях) и неформальном социальном капитале (степени принадлежности индивида к социальной среде, определяется размером и плотностью социальных сетей и уровнем межличностного доверия)⁶⁹.

Для Китая характерно общество с низким уровнем доверия, хорошо развитыми семейными связями при отсутствии других гражданских организаций. Тот факт, что кровное родство в Китае считается наивысшим уровнем первоначального доверия находит эмпирическое подтверждение в ряде исследований. Ван Шаогуан и Лю Синь на кейсах четырех городов Китая выявили, что действительно уровень доверия к разным объектам и группам убывает –

⁶⁷Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ, 2004.

⁶⁸Putnam R. Bowling Alone: American's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. Is. 1. P. 65–78.

⁶⁹Херпнер К. Социальный капитал как фактор социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии / К. Херпнер, К. Кизилова // Социология. 2016. №1. С. 17–38.

родственники, друзья, знакомые и другие люди в обществе⁷⁰. Такой тип доверия часто называют партикулярным доверием, когда человек развивает связи только внутри того сообщества, с которым он имеет сходство.

Социальные отношения в Китае поддерживаются прежде всего неформальными межличностными сетями, а не социальными институтами, поэтому подарки и иные обмены играли и продолжают играть важную роль в установлении и поддержании отношений. Исследование, проведенное в сельских районах Китая, демонстрирует, что практика обмена подарками сохраняется даже между ближайшими родственниками для укрепления хороших отношений⁷¹. Аналогичные практики обмена подарками выявлены среди бизнесменов, продвигавших свои инвестиционные интересы через чиновников после начала экономических реформ в стране⁷².

Распространенность неформальных отношений, социально капитала, сплачивающего группу, ставит вопрос о наличии связи между гуаньси и коррупцией. Предсказуемо в научном сообществе возникла дискуссия, является ли гуаньси важной детерминантой коррупционного поведения чиновников в Китае или важной составляющей традиционной китайской культуры, напрямую не связанной с коррупцией. Китайские исследователи в большинстве своем придерживаются социологической трактовки гуаньси, подчеркивая, что оно связано с формированием и поддержанием сетей межличностных связей, не связанных с решением деловых задач в профессиональной сфере.

Для западных исследователей приоритетным является не эмоциональный, а утилитарный подтекст таких отношений, что находит, например, отражение в определении гуаньси, предлагаемом Оксфордским словарем, в соответствии с

⁷⁰王绍光, 刘欣. 信任的基础:一种理性的解释, 社会学研究. 2021. 3. (Ван Шаогуан, Лю Синь. Основа доверия: рациональное объяснение / Ван Шаогуан, Лю Синь // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 24–27.).

⁷¹阎云翔. 礼物的流动——一个中国村庄中的互惠原则与社会网络, 上海人民出版社. 2021. (Янь Юньсян. Поток подарков – принцип взаимности и социальные сети в китайской деревне. Шанхай: Шанхайский народный издательский дом, 2021.).

⁷²艾伦斯玛特. 礼物、贿赂与关系:布迪厄的社会资本再思考, 中国农业大学出版社. 2018. 4. (Смарт А. Подарки, взятки и отношения: переосмысление капитала по Бурдьё // Журнал Китайского сельскохозяйственного университета. 2018. № 4. С. 24–27.).

которым это система социальных сетей, облегчающих ведение бизнеса в Китае. Иначе говоря, акцентируется инструментальное понимание гуаньси, предполагающее наличие у обеих сторон конкретного интереса и ожидаемых измеряемых выгод от взаимодействия, а также и разрешить обмен ресурсами⁷³. В ряде исследований подчеркивается, что гуаньси питает коррупцию и способствует ее распространению в Китае⁷⁴. По оценкам экспертов, до того, как Китай в последние годы расправился с «сговором между официальными лицами и бизнесом», китайские фирмы тратили в среднем 3–5% доходов на подарки для установления тесных отношений с представителями бюрократии⁷⁵.

Сторонники такого подхода выделяют три важных свойства гуаньси, благоприятствующих коррупции:

- 1) скрытая коммуникация между участниками, гарантирующая безопасность общения по деликатным вопросам и отсутствие рисков разоблачения;
- 2) высокий уровень доверия между участниками, благодаря которому возможен надежный обмен ресурсами и услугами;
- 3) взаимность отношений, снимающая этические дилеммы для вовлеченных участников (предоставление услуги приоритетнее следованию формальным нормам).

Кроме того, ученые подчеркивают двусмысленность отношений обмена, не дающую возможность четко развести гуаньси и коррупцию. Гуаньси предполагает наличие моральных обязательств, возлагаемых социальными отношениями, которые вынуждают людей нарушать формальные правила, что приводит к инструментальному использованию межличностных сетей для достижения целей в других сферах. Иначе говоря, маскируясь гуаньси, стороны могут вести себя

⁷³Tsang E. Can Guanxi be a Source of Sustained Competitive advantage for Business in China? // Academy of Management Executive. 1998. Vol. 12. Is. 2. P. 64-73.

⁷⁴См., например, Zhan J. Filling the gap of Formal Institutions: The effects of Guanxi Network on Corruption in Reform-era China // Law and Social Change. 2012. Vol. 58. Is. 2. P. 93-102; Gold T. After Comradeship: Personal Relations in China since the Cultural Revolution // The China Quarterly. 1985. Vol. 104. Is. 1. P. 657–675 и др.

⁷⁵Luo Y. Guanxi and Performance of Foreign-Invested Enterprise in China. An Empirical Enquiry // Management International Review. 1997. Vol.37. Is. 1. P. 51-70.

неэтично, прикрываясь этическими мотивами необходимости выполнения принятых на себя обязательств и взаимности. Достоверные мотивы поведения сторон оказываются известными только им, они могут быть первоначально нацелены на коррупционную сделку, но в случае ее раскрытия объяснить свое поведение гуаньси, что возможно не должно привести к наказанию⁷⁶.

Конечно, плотные межличностные связи на основе взаимного обмена могут устанавливаться между представителями государства, чиновниками, и предпринимателями, желающими получить преференции для ведения своего бизнеса. В Китае, как и в других обществах, переходящих от традиционных форм экономического и государственного управления к современным, наличие таких связей имеет важное значение. Они получили название «цянь цюань цзяо и» (qián quán jiāoyì), или сделка между деньгами и властью. Гуаньси связывает эти две стороны следующим образом: деньги – гуаньси – власть – коррупция⁷⁷. В этой связи можно говорить о двух типах гуаньси в этой сфере:

- 1) гуаньси в поисках благодарности (отражает культурную установку на межличностные зависимости в коллективистском обществе);
- 2) гуаньси в поисках ренты (социальный сговор, основанный на обмене властью в гибридной социалистической и рыночной экономике)⁷⁸.

Отношения гуаньси в поисках ренты возникают одновременно с началом экономических реформ в Китае, когда чиновники, контролировавшие определенные ресурсы, стали обменивать их на личные выгоды, опираясь на межличностные сети доверия. До сих пор для чиновников и бизнесменов остро стоит вопрос о том, когда и какие подарки уместно и возможно дарить/принимать и какие взаимные обязательства устанавливать, чтобы оставаться в рамках гуаньси, а не переходить в область коррупции.

⁷⁶Yang M. The Gift Economy and State Power in China // Comparative Studies in Society and History. 1989. Vol. 31. Is. 1. P. 25-54.

⁷⁷Fan Y. Guanxi's Consequences: Personal Gains and Social Costs // Journal of Business Ethics. 2002. Vol. 38. Is. 4. P. 371–380.

⁷⁸Su C., Littlefield J. Entering Guanxi: A Business Ethical Dilemmas in Mainland China? // Journal of Business Ethics. 2001. Vol. 32. Is. 1. P. 1-12.

Представляется верным при оценке этичности и коррупционности поведения государственных служащих принимать во внимание контекст сложившихся отношений с представителями бизнеса. Например, если чиновник выдает лицензию предпринимателю на ведение бизнеса как ответ на обязательство, основанное на отношениях гуаньси, и получает при этом личную выгоду в обмен на использование своих служебных полномочий, то это, безусловно, коррупция, так как он обменивает общественные ресурсы на личную выгоду. Однако если поместить эту ситуацию в культурный контекст, то для оценки поведения необходимо понять, приносят ли отношения гуаньси этого должностного лица пользу ведомству, в котором он работает, или приносят только личную выгоду. Если эти отношения приносят пользу ведомству, то даже незначительная личная выгода чиновника может не выходить за пределы дозволенного. Таким образом, при оценке этичности поведения бюрократов, важно понимать, вносит ли оно положительный вклад в развитие системы государственного управления, не наносит ущерба третьим лицам.

Другие ученые считают, что все-таки гуаньси и коррупция напрямую не связаны, между ними существует серьезные различия, позволяющие провести различия между злоупотреблениями и практикой формирования межличностных сетей. Например, Ю. Ло предложил следующим образом различать гуаньси и коррупцию⁷⁹:

1) гуаньси является социальной нормой, а коррупция – отклонением от нормы (гуаньси отражает важный компонент азиатской культуры, помогает преодолевать барьеры, вызванные несовершенствами действующего законодательства, а коррупция – это злоупотребление, неэтическое поведение, получение выгоды незаконным способом);

2) гуаньси является составной частью китайской конфуцианской культуры, а коррупция находится вне закона и наносит ущерб интересам общества;

⁷⁹Luo Y. Corruption and Organization in Asian Management System // Asia Pacific Journal of Management. 2002. Vol. 19. Is. 2. P. 405-422.

3) участники гуаньси обмениваются услугами для создания и поддержания сети социальных обязательств, в том числе на эмоциональной основе, а в основе коррупционной сделки заложен утилитарный мотив и денежный обмен;

4) гуаньси предполагает неявную социальную взаимность, а коррупция – явную транзактную взаимность (участник гуаньси, получающий услугу должен ее вернуть, но это формально нигде не закреплено и не является обязательным, даритель в таком случае может продолжать поддерживать отношения в силу своей щедрости; в коррупционной сделке важно, что стороны с некоторой степенью обязательности соблюдали правила взаимности, что также нигде формально не закреплено, но вполне явно прослеживается);

5) гуаньси не несет в себе никаких правовых рисков, а коррупционное поведение сопряжено с серьезной опасностью разоблачения и ущерба (в случае неудачи гуаньси участник несет исключительно личные потери, а в случае вскрытия факта коррупции участникам угрожает серьезное наказание);

6) гуаньси ориентировано на долгосрочную перспективу, коррупция – на достижение краткосрочных целей (отношения на основе гуаньси строятся и укрепляются на протяжении длительного времени, накапливаются для решения задач в отдаленной перспективе, а коррупция связана с необходимостью получения результата в конкретный момент времени, не требует длительной и заблаговременной подготовки, отношения между сторонами прерываются после разовых транзакций);

7) гуаньси не устанавливает сроков возврата обязательств, а для коррупции важна своевременность;

8) гуаньси строится на доверии, а коррупция – на обмене товарами (для гуаньси важны честность и порядочность в поведении участников, вытекающие из высокого уровня доверия друг другу, а в коррупционной сделке стороны обменивают одни товары на другие товары, необходимые им в данный момент времени, каждый из которых имеет свою цену);

9) гуаньси может передаваться, а коррупция – не может передаваться (участник может передать свою сеть гуаньси другому участнику через надежного посредника, коррупция не передается в силу рискованности и ее незаконности).

Конечно, предложенное автором противопоставление гуаньси и коррупции вызывает много вопросов и несложно найти аргументы, ставящие под сомнение наличие принципиальных различий. Тем не менее, даже если однозначные различия для стороннего наблюдателя отсутствуют, нельзя игнорировать того, что они ощутимы на социокультурном уровне участниками этих отношений, что позволяет относить гуаньси к «белой коррупции». Более того, отношения гуаньси являются фундаментальным элементом китайской культуры. Обмен подарками между людьми демонстрирует наличие отношений, которые необходимо поддерживать и укреплять. Сам по себе термин «подарок» на путунхуа (мандаринский диалект) «lǐwù», где «lǐ» означает «обряд», то есть обмен в гуаньси подарками имеет ритуальную силу.

Именно потому, что отношения гуаньси обеспечивают частный доступ к ресурсам и предполагают действие через горизонтальные неформальные отношения, а не через формальные, законодательно установленные структуры, их ассоциируют с коррупционными сделками. Однако все же сами по себе отношения гуаньси не являются причиной коррупции, но могут использоваться как один из механизмов ее осуществления. Нельзя игнорировать того факта, что гуаньси делают ставку на отношения как таковые, а не незаконное материальное обогащение или получение выгоды ненадлежащим путем. Говоря другими словами, фундаментом гуаньси является эмоциональная вовлеченность человека в отношения⁸⁰. Для китайцев очень важно быть встроенными в социальный контекст, что совсем нетипично для западного понимания роли человека как автономного субъекта. По этой причине совсем неудивительно, что общественным связям

⁸⁰Qi X. Guanxi, Social Capital Theory and beyond // British Journal of Sociology. 2013. Vol. 64. Is. 2. P. 308-324; Barbalet J. Guanxi as Social Exchange: Emotions, Power and Corruptions // Sociology. 2018. Vol. 52. Is. 5. P. 934-949.

уделяется такое пристальное внимание, отношения часто рассматриваются как самоцель, а не как средство достижения целей⁸¹.

Более точно развести отношения гуаньси и коррупцию помогают разработанные китайскими учеными разнообразные типологии, которые более четко демонстрируют грань между этическим и противоправным поведением на государственной службе. Первая по времени типология гуаньси принадлежит К. Хвану, который противопоставил долгосрочные эмоционально окрашенные отношения краткосрочным неэмоциональным, нацеленным на поиск выгоды:

1) экспрессивные связи, которые возникают между членами семьи, близкими друзьями и предполагают обмен чувственными привязанностями, характеризуются стабильностью, персонифицированы и ограничены в масштабе;

2) инструментальные связи, которые формируются людьми вне семейного круга, носят утилитарный характер, безличны, неэкспрессивны, служат достижению конкретных целей⁸².

Этого автора часто критикуют за то, что он игнорирует тот факт, что эмоциональные связи можно использовать для достижения утилитарных целей. И все же его подход получил развитие в других типологиях. К. Ян выделил три типа отношений гуаньси:

1) «цзя жэнь» (jiā rén) (отношения между членами семьи, основанный на кровнородственных связях и обязательствах);

2) «шоу жэнь» (shóu rén) (отношения между людьми, имеющими близкие отношения, но не состоящими в родстве);

3) «шэн жэнь» (sheng rén) (отношения с незнакомыми людьми)⁸³.

⁸¹ Черник Н. Гуанси как базовая составляющая деловых отношений в маркетинговых коммуникациях в Китае // Актуальные векторы белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества: сборник статей международной научно-практической конференции / отв. за вып. Ю. А. Шаврук. Минск: Издательский центр БГУ, 2022. С. 155–121.

⁸²Hwang K. Face and Favour: The Chinese Power Game // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 94. Is. 4. P. 944–974.

⁸³Yang K. S. Chinese Social Orientation: An Integrative Analysis // Lin T. Y., Tseng W. S., Yeh E. K. (eds.). Chinese Societies and Mental Health. Hong Kong: Oxford University Press, 1995. P. 19–39.

Этот автор различает отношения гуаньси по степени родства, при этом последний тип в наименьшей степени относится к классическому гуаньси и может быть вполне истолкован как потенциально коррупционное поведение.

Ю. Фань предложил типологию отношений гуаньси уже с учетом новых экономических реалий Китая:

- 1) «семья» (крепкие и стабильные отношения, основанные на кровнородственных связях, конфуцианской философии и эмоциональной привязанности);
- 2) «помощник» (отношения, ориентированные на обмен в утилитарных целях, носят нестабильный и временный характер);
- 3) «бизнес» (деловые отношения, ориентированные на реализацию конкретных задач, основанные на личных и неформальных контактах)⁸⁴.

Автор подчеркивает, что семейные отношения не включают в себя транзакционный компонент, второй и третий типы содержат транзакционный компонент. Однако принципиальная разница между вторым и третьим типом не очевидна, они описывают утилитарные отношения, которые могут быть также расценены на коррупционные, так как предполагают получение личной выгоды и получение доступа к эксклюзивным ресурсам.

Ю. Ло противопоставил сильную (отношения с людьми вне семейного круга) и слабую (отношения с родственниками) формы гуаньси⁸⁵. Сильная форма гуаньси формируется целенаправленно людьми для получения выгод и может рассматриваться как коррупция. Помимо разработки типологии гуаньси этот автор соотнес каждый из типов с риском вовлечения в коррупционные связи – см. Табл. 1.

⁸⁴Fan Y. Questioning Guanxi: Definition and Implications // International Business Review. 2002. Vol. 11. Is. 1. P. 543–561.

⁸⁵Luo Y. The Changing Chinese Culture and Business Behaviour: The Perspective of Intertwinement between Guanxi and Corruption // International Business Review. 2008. Vol. 17. Is. 2. P. 188-193.

Таблица 1.

Соотношение типов гуаньси с риском вовлечения в коррупцию

Риск злоупотребления властными полномочиями		Тип гуаньси	
		слабый	сильный
	высокий	члены семьи используют кровнородственные отношения для получения доступа к ресурсам	не члены семьи развивают неформальные отношения с целью получения доступа к ресурсам
	низкий	исключительно семейные отношения между участниками без стремления получить доступ к ресурсам	Отношения, формирующиеся не между членами семьи, но не нацеленные на получения доступа к ресурсам

К. Чэнь, Х. Чэнь, С. Хуан объединили все разработанные ранее типологии и выделили несколько критериев для типологии гуаньси:

- 1) на основе кровнородственных отношений: семейные – не семейные;
- 2) на основе формальности отношений: личные – безличные;
- 3) на основе психологической привязанности: эмоциональные – инструментальные⁸⁶.

Обобщая рассмотренные типологии, можно сделать вывод, что все авторы в той или иной степени сходятся во мнении, что эмоционально окрашенные отношения гуаньси являются приемлемыми и моральными в современном китайском обществе, а инструментальные отношения гуаньси ведут к распространению коррупционного поведения, находятся вне моральных и законодательных норм. В то же время существует серьезная проблема – использование, как уже фиксировалось ранее, гуаньси для сокрытия

⁸⁶Chen C., Chen X., Huang S. Chinese Guanxi: An Integrative Review and New Directions for Future Research // Management and Organizations Review. 2013. Vol. 9. Is. 1. P. 161-207.

коррупционных сделок. Коррупцированные чиновники и дающие взятки предприниматели прекрасно понимают, что при хорошо работающей антикоррупционной политике факты рыночного обмена ресурсами (деньги на услуги) несложно вскрыть. По этой причине по оценкам исследователей в Китае благодаря эффективно работающим методам противодействия коррупции злоупотребления властью на основе рыночного обмена практически отсутствуют, но заинтересованные лица прибегают к социальному обмену, на основе которого коррупция более безопасна⁸⁷.

Для социального обмена типично, что подарок и услуга предлагаются, а их возврат обычно происходит по прошествии времени. Китайцев отличает от европейцев более спокойное отношение к временному лагу, последние ориентируются на получение ответной услуги как можно скорее. Согласие на участие в обмене дается в момент принятия подарка, услуги, а условия обмена остаются открытыми до тех пор, пока не будет запрошено ответное действие по прошествии продолжительного времени. Эти две особенности социального обмена — временной лаг и негласность — создают благоприятную среду для злоупотреблений, потому что позволяют скрыть намерение совершить коррупционную сделку.

Таким образом, коррупционное поведение более безопасно, если совершается через социальный обмен. На эту практику опираются посредники гуаньси (чжун цзянь жэнь) (*zhōngjiān rén*), которые инвестируют значительные ресурсы в то, чтобы завоевать доверие и расположение чиновников, одаривая их подарками и безвозмездными услугами. Установление большого временного лага между дачей/получением взятки и оказанием ответной услуги позволяет скрыть факт коррупции, что важно для доказывания вины чиновника в суде. В итоге получается, что инструментальные гуаньси нейтрализуют коррупцию, переводят ее

⁸⁷Li L. The Production of Corruption in China's Courts: The Politics of Judicial Decision-Making and its Consequences // *Law and Society Inquiry*. 2012. Vol. 37. P. 848–877; Li L. The Chinese Communist Party and People's Courts: Judicial Dependence in China // *The American Journal of Comparative Law*. 2016. Vol. 65. P. 37-74.

в социальную среду, где обмен подарками и услугами не просто разрешен, а ожидаем⁸⁸.

Подводя итог, следует сказать, что укоренившиеся в китайской культуре отношения гуаньси даже по прошествии нескольких десятилетий с момента начала экономических реформ в Китае, продолжают конфликтовать с законодательно устанавливаемыми нормами и правилами организации и функционирования современной системы государственного управления. За это время написано много научных работ, объясняющих специфику гуаньси, значение этих отношений для китайского общества, что позволило сформировать у международного сообщества более адекватное понимание их природы. Вместе с тем стало также понятно, что гуаньси как особая форма социальный отношений не ведет к распространению коррупции в стране, но является важнейшим ее механизмом. В рыночных условиях возникает огромное количество поводов для взаимодействия бизнеса и представителей власти, поэтому неудивительно, что в целях получения конкурентных преимуществ предприниматели начали массово эксплуатировать общественно одобряемые отношения гуаньси для выстраивания неформальных долгосрочных контактов с чиновниками, привлекая посредников, специализирующихся на установлении и поддержании таких контактов. Прикрывая коррупционные сделки с помощью гуаньси, они создали проблемы для властей страны в противодействии коррупции. До сих очень проблематично вскрывать факты коррупции и доказывать в суде факты злоупотреблений властью в личных интересах.

Однако всплеск коррупционных сделок на основе социального обмена был очевиден в первые десятилетия экономических реформ. Совершенствование рыночных отношений, законодательства, антикоррупционной политики приводят

⁸⁸Li L. The Moral Economy of Guanxi and the Market of Corruption // International Political Science Review. 2018. Vol. 39. Is. 5. P. 634–646.

к тому, что востребованность гуаньси как коррупционного механизма будет снижаться по нескольким причинам. Во-первых, в разветвленных рыночных условиях предпринимателям необходимо развивать многообразные связи, не только от чиновников, но и от других контрагентов зависит их успех. Во-вторых, развивать многообразные связи с разными контрагентами на основе гуаньси очень затратно. В-третьих, большое количество контрагентов обостряет проблему гарантированной взаимности и скрытости договоренностей. В-четвертых, рост осведомленности граждан о фактах использования гуаньси в корыстных целях, наносящее ущерб обществу, облегчает раскрытие злоупотреблений. В-пятых, расширение контактов китайского бизнеса с международными компаниями способствует обмену полезным опытом в вопросах организации менее коррупционных отношений с государственными служащими. В итоге давление со стороны властей, проводящих масштабную антикоррупционную политику, общества, воспринимающего коррупцию как недопустимую практику, международного сообщества, интенсивно взаимодействующего предпринимателями, ведет к тому, что соблюдение формальных норм становится постепенно более выгодным и надёжным, чем опора на неформальные контракты, дискредитирующие традиционные для китайцев отношения гуаньси.

§3. Основные подходы к изучению антикоррупционной политики⁸⁹

Изучение источников коррупции, причин ее возникновения и особенностей коррупционного поведения должностных лиц, граждан, представителей бизнеса имеет важное прикладное значение, потому что на основе научных разработок становится возможным выработать антикоррупционную политику, которая будет соответствовать потребностям конкретного государства, учитывать специфику его режима, культурно-исторического контекста, установкам людей в отношении допустимости такого поведения.

В российской научной литературе авторы предлагают похожие определения содержания антикоррупционной политики, но расставляют разные акценты. Сатаров Г. А. с коллегами пишут, что антикоррупционная политика – «разработка и постоянное осуществление разносторонних и последовательных мер государства и общества в рамках принятых данным государством основ конституционного строя с целью устранения (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни»⁹⁰. Эти авторы считают важным не допустить коррупционные сделки государственных служащих с заинтересованными лицами, не включают в ее содержание меры, направленные на преследование тех чиновников, которые уже коррумпированы, и их действия

⁸⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Шiao Ц. Современные подходы к формированию антикоррупционной политики государства // Политконсультант. 2023. Том 3. №3. С. 1–8 (0,5 п.л.).

⁹⁰ Антикоррупционная политика: учебник для вузов / под ред. Г. А. Сатарова. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Юрайт, 2023.

требуют наказания за совершаемые правонарушения. Однако нельзя не согласиться с авторами в том, что важнейшим направлением в противодействии коррупции является разработка таких мер, которые превращают такое поведение в невыгодное, рискованное и общественно порицаемое.

Похожее определение предлагает другой автор, подчеркивая, что основные антикоррупционные усилия государства связаны как с партнерством между государством и обществом, которые должны действовать совместно в этом противостоянии, так и с разработкой нормативно-правовой базы, регламентирующей все виды деятельности. Антикоррупционная политика – это «последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества, направленная на разработку и постоянное осуществление разносторонних мер профилактического, предупредительного, ограничительного и ликвидирующего характера, с целью устранения, минимизации проявлений причин и условий, порождающих коррупцию»⁹¹. Заметно, что вопросы антикоррупционной политики в российской науке развиваются больше в правовой сфере⁹², а не политологической⁹³. Акцент делается на разработку нормативно-правовых актов, всесторонне регулирующих деятельность государственных служащих, организацию специализированных ведомств, координирующих антикоррупционную борьбу.

Доминирующим является понимание того, что главным актором в разработке и реализации антикоррупционной политики становится государство, так как располагает ресурсами для принятия соответствующего законодательства,

⁹¹ Цитата по Рыбакова О. Ю. Антикоррупционная правовая политика: понятие и структура // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1. С. 11–19.

⁹² См., например, Клюковская И.Н. Антикоррупционная политика как вид правовой политики // Современное право. 2004. №4. С. 16–21; Иванов С.Б., Хабриева Т.Я., Чиханчин Ю.А. Противодействие коррупции: новые вызовы. М.: Инфра-М, 2016; Нисневич Ю. А., Рожич П. Люстрация как инструмент противодействия коррупции // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 109–130; Абашина Л.А. Проблемы противодействия коррупции на государственной службе // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 83–84 и др.

⁹³ См., например, Нисневич Ю. А. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 165–176; Бусыгина И. М., Филиппов М. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивацию? // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 50–71; Михайлова О. В., Скоробогатова А.В. Общество против коррупции: взгляд через призму принципал-агентской модели // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 156–171 и др.

применения мер воздействия на коррупционеров, проведения контрольных и надзорных мероприятий, а также реализации специализированных просветительских проектов. Но успешность всех запланированных мероприятий не в последнюю очередь зависит от понимания людьми, что коррупция, злоупотребления должностными лицами своими полномочиями, наносит сильный ущерб их жизни, что выражается в падении качества государственных услуг и потом приводит к падению уровня жизни, так как ресурсы тратятся не на общественные блага, а на частные, в интересах конкретных людей. Непонимание этого является важнейшим фактором, влияющим на рост масштабов коррупции и превращению ее из эпизодического в системное явление, противодействовать которому какими-либо инструментами сложно.

У ученых присутствует понимание того, что самостоятельно государство даже при наличии значительных правовых и бюрократических ресурсов не может разработать и реализовать эффективную антикоррупционную политику. Однако в практике государственного управления можно встретить два разных подхода к ее проведению.

Подход «сверху-вниз», в соответствии с которым антикоррупционные меры применяются государством, которое внимательно следит за поведением должностных лиц и других агентов, вовлеченных в процесс принятия и исполнения различных решений. Основная проблема с реализацией такого подхода в противостоянии коррупции состоит в том, что, всегда одной из сторон коррупционной сделки является чиновник, или представитель государственного института. Находясь внутри системы властной вертикали, этот бюрократ хорошо знает особенности антикоррупционного противодействия, понимает, как можно снизить риски от злоупотребления полномочиями, избежать разоблачения и уголовного наказания. Этот чиновник понимает, как работает система, как можно ею манипулировать. Помимо этого, бюрократия может успешно противостоять разработке успешных антикоррупционных мер, опасаясь, что отлаженные каналы извлечения ренты из своих должностей будут перекрыты.

Подход «снизу-вверх», в соответствии с которым общество вовлекается в процесс противодействия коррупции. В данном подходе, как представляется, возможно несколько развилок. В первом случае государство занимает активную позицию в вопросе противодействия коррупции, оно заинтересовано в снижении ее масштабов и уровня. Для этого оно не только разрабатывает инструменты правового давления, но и реализует просветительские проекты, формирует у людей неприятие к коррупционному поведению, мотивирует их не давать взятки, поощряет их активность во вскрытии фактов коррупционного поведения должностных лиц, активного участия в управленческом процессе⁹⁴. Нежелание людей давать взятки за получение услуг от государства повышает риски при проведении коррупционных сделок для чиновников. Высокая рискованность коррупционного поведения в совокупности со строгим наказанием будет позитивно влиять на систему государственного управления.

Во втором случае гражданский контроль направляет деятельность государства в разработке антикоррупционных мер. Люди осознают, что коррупция приносит значительные издержки их жизни и заставляют политиков принимать меры, которые они, возможно, и не планировали принимать, потому что воспринимают коррупцию как способ получения ренты. В этой ситуации в качестве главных акторов антикоррупционной борьбы можно рассматривать политическую оппозицию, средства массовой информации, которые ведут просветительскую работу, проводят гражданские расследования, выявляют факты коррупции и делают их публичными. Такой способ давления важен не только для инициирования антикоррупционной борьбы, но и для закрепления ее успехов, когда репутационные издержки для политиков и чиновников приобретают важное значение.

⁹⁴ См., например, Schatz F. Fighting Corruption with Social Accountability: A Comparative Analysis of Social Accountability Mechanism Potential to Reduce Corruption in Public Administration // Public Administration Development. 2013. Vol. 33. Is. 3. P. 161–174.

В условиях экономической и политической глобализации значимым оказывается подход, когда международные организации, межгосударственные объединения в разных сферах оказывают давление на национальные правительства в разработке эффективной антикоррупционной политики. От успехов в этой области зависит не просто репутация государства, а возможность привлечения инвестиций, получения кредитов, включение в международные объединения. Такой подход типичен, как представляется, для развивающихся стран, которые ориентируются на ускорение темпов экономического развития, чувствительные к публично распространяемой информации о качестве их систем государственного управления, влияющей на получение международной помощи, открытие рынков сбыта продукции, привлечение иностранного капитала. Нередко внедрение антикоррупционных программ является ключевым требованием для таких государств, поэтому они очень восприимчивы к практикам антикоррупционной политики других стран, изучают успешные практики и внедряют их при поддержке международных организаций, которые их консультируют.

Международные организации не только могут оказывать давление на национальные государства, чтобы они проводили антикоррупционную политику, но и формируют своего рода антикоррупционную экосистему в мире, вовлекая все заинтересованные страны в совместное противодействие ей, поиск успешных решений, международный мониторинг этого явления, разработку международных правовых норм. Это происходит потому, что с развитием глобализации пришло понимание, что коррупция не только национальная проблема, но также трансграничная проблема, усложняющая международную торговлю. Благодаря этому появились, например, «Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих сделках»⁹⁵ (принята резолюцией 51/191 Генеральной ассамблеи 16 декабря 1996 г.), «Конвенция по борьбе с

⁹⁵ Декларация Организации Объединенных Наций по борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих сделках // Un.org [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bribery.shtml (дата обращения: 24.04.2023 г.).

подкупом иностранных публичных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок»⁹⁶ (ОЭСР, 17 декабря 1997 г., Париж). Государства присоединяются к конвенциям и декларациям, тем самым принимают на себя определенные обязательства по противодействию коррупции на национальном уровне.

Помимо подходов к разработке и реализации антикоррупционной политики, позволяющих определить ключевых акторов этого процесса и общее направление движения, характер взаимодействия, важное значение имеет поиск оптимального репертуара конкретных методов борьбы с коррупцией. Выбор методов зависит от направления противодействия коррупции, что именно акторы, разрабатывающие и реализующие политику считают самыми слабыми звеньями в системе. Если понимать коррупцию сквозь призму принципал-агентской модели, то противодействие ей должно быть направлено на сокращение возможностей обмена между государственными служащими и третьей стороной, на развитие механизмов контроля и институтов, имеющих право вести мониторинг, выявлять и пресекать любые попытки заключения коррупционных сделок. Этот подход очень распространен в мире, в соответствии с ним разработчики антикоррупционной политики должны принимать во внимание, чтобы повысить ответственность и подконтрольность агента принципалу:

- 1) систему рекрутирования кадров государственной службы;
- 2) избыточность государственного регулирования и государственной собственности;
- 3) доминирование государства при принятии решений в сфере государственного управления;
- 4) значительные дискреционные полномочия чиновников;
- 5) дублирование функций у государственных ведомств;

⁹⁶ Convention on combating bribery of foreign public officials in international business transactions // OECD.org [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0293> (дата обращения: 24.04.2023 г.).

б) степень прозрачности государственной службы.

Административные реформы 1980-х–1990-х гг. в западных странах привели к частичному уходу от бюрократической модели государственного управления и переходу к менеджеральной модели, описанной концепцией нового государственного управления⁹⁷. Системы государственного управления стали не только более открытыми, но они также приняли в практику многие управленческие методы корпоративного сектора, положительно зарекомендовавшие себя в бизнесе. Акцент был сделан на повышение эффективности государственной службы, переориентацию чиновников с процедур на результат и клиента, прозрачность и открытость, установление зависимости между вкладом в работу и результатом. В этой связи в фокус внимания попали также методы управления персоналом, связанные с мотивацией желаемого поведения, оплатой труда, карьерным ростом, развитием компетенций, проведением аттестации. Такие меры позволяют повысить честность и добросовестность чиновников, привлечь более профессиональных людей, ориентированных на построение карьеры в системе государственной службы, раскрытии своих талантов и внесении своего вклада в решение общественных проблем.

В этом контексте возникла дискуссия о влиянии размера оплаты труда чиновников на коррупцию. Есть сторонники позиции, что низкая зарплата негативно влияет на коррупцию, благоприятствует тому, что чиновники будут стремиться компенсировать недополученное. Есть те исследователи, которые считают, что даже высокооплачиваемые должностные лица могут быть коррумпированы, потому что их подталкивать будет сама возможность взять взятку и еще больше увеличить свой доход. Исследователи пишут о положительном влиянии не столько размера зарплаты чиновников, сколько о возможности получить социальный пакет (льготы, пенсия, премии, льготы для членов семьи). Этот подход получил широкое распространение в мировой практике

⁹⁷Лебедева Т. П., Михайлова О.В. Государственное управление в зарубежных странах: опыт административных реформ. М.: Издательство Московского университета, 2011.

разработки системы денежного поощрения чиновников. Как правило, чиновники получают небольшое вознаграждение и при этом ведут себя честно, потому что получаемые и полагающиеся в будущем льготы для них очень привлекательны и компенсируют большую часть возможных затрат.

Неоинституциональный взгляд на коррупцию ставит во главу угла качество работы институтов как залог успеха антикоррупционной политики. Институты должны быть стабильными и выполнять предписанную им общественно значимую функцию, потому что это означает, что они действуют не в частных интересах, а наоборот, обезличены, беспристрастны, застрахованы от непоследовательных и частых изменений правил. Если институты работают четко, то необходимость в коррупции исчезает, она перестает быть выгодным поведением для граждан, приносить им пользу, потому что правила понятные и исполняются. Кроме того, чтобы институты работали в интересах общества, необходимо развивать их прозрачность и открытость, чтобы у государственных служащих не было желания намеренно принимать решения, ухудшающие жизнь людей⁹⁸.

Накопленный теоретический и эмпирический багаж подходов в разработке основ антикоррупционной политики позволяет обобщить факторы, влияющие на рост коррупции в системе государственного управления, и требующие пристального внимания при разработке антикоррупционных мер – см. Табл. 2.

Таблица 2.

**Факторы, влияющие на рост коррупции
в системе государственного управления**

Внутренний контроль за деятельностью государственных служащих и институтов	Государственная система надзора и контроля Система рекрутирования персонала на государственной службе Система ведения отчетности Правила разрешения конфликта интересов
--	--

⁹⁸Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2022.

	Четкая кодификация коррупционных преступлений в законодательстве
Внешний контроль за деятельностью государственных служащих и институтов	Прозрачность и открытость для общества Независимые аудиторы Эффективная судебная система
Участие государства в экономике	Система налогообложения Система регулирования различных сфер (выдача лицензий, разрешений и пр.) Четкость законодательства
Стимулирующие меры для должностных лиц	Размер оплаты труда Социальный пакет
Санкции за коррупционное поведение	Строгость наказания
Социокультурные модели поведения чиновников	Этические кодексы

На первый взгляд создается впечатление, что основным препятствием на пути разработки и реализации эффективной антикоррупционной политики является только проблема понимания природы коррупционного поведения, которое можно предотвратить, используя те или иные меры. Если бы это было так, то в мире, скорее всего, большинство государств справились с этой проблемой. Однако этого не происходит. И в наиболее уязвимом положении находятся развивающиеся страны, для которых преодоление коррупции, снижение ее уровня необходимо для развития экономики в современном глобальном мире, но они еще далеки от успеха. В этом контексте важным является не только понимание природы коррупции, но и сам процесс выработки антикоррупционной политики, преодоление препятствий и ограничений, создаваемых внутри политических систем.

Антикоррупционная политика разрабатывается и реализуется государственными институтами при участии негосударственных структур и

международных организаций. При этом для каждого типа участников понятны как выгоды, так и потери от роста коррупции. Можно предположить, что чем выгоднее для каждого включенного в разработку антикоррупционной политики актора разрастание коррупции, тем большее сопротивление он будет оказывать принятию эффективных мер борьбы с ней. Преодолеть такое сопротивление можно только совместными усилиями тех акторов, которые понимают и ощущают потери и совместно готовы оказывать давление на государство.

Государство является центральным актором разработки антикоррупционной политики, потому что только в его силах установить определенный правовой и санкционный режим, заставляющий должностных лиц вести себя таким образом, чтобы пресекать все попытки должностных лиц злоупотреблять своими полномочиями, не создавать неоднозначных ситуаций, стимулирующих негосударственных участников идти на заключение коррупционных сделок. При этом акцент должен делаться не только на разработке антикоррупционного законодательства, но и на применении этих норм на практике, они должны работать, разоблачая коррупционеров, а не оставаться только на уровне деклараций. Иначе говоря, у реализуемых правовых норм должен быть сильный демонстрационный эффект для общества и мирового сообщества, подтверждающий реальность проводимой антикоррупционной политики.

Это зависит в первую очередь от наличия у ведущих политиков страны политической воли, решимости действовать в направлении достижения цели по сокращению уровня коррупции, преодолевая внутренние и внешние препятствия. Предсказуемо, что те политические лидеры, которые сами извлекают выгоды от коррупции, бороться с ней не будут, даже наоборот, будут создавать условия, в которых она будет только разрастаться. Такие политики приходят во власть исключительно для того, чтобы извлекать ренту, антикоррупционное законодательство окажется помехой для распространения в политической системе коррупционных сетей. Однако есть немало политических лидеров, которые приходят во власть для того, чтобы добиваться результата, своими усилиями

выводить возглавляемое государство на более высокий уровень развития, занимать ведущие или значимые позиции в мировой политике и экономике, преодолевать тяжелые последствия кризисов.

В мировой практике хрестоматийным стал пример Сингапура, правительство которого смогло на фоне очень сложного экономического и внешнеполитического положения добиться внушительных успехов в противодействии коррупции. Обобщая опыт Сингапура, исследователи сходятся во мнении, что ключевым фактором стало наличие политической воли у руководства Партии народного действия, которое в 1951-м г. осознало ошибочность ранее существовавшего подхода к противодействию коррупции на фоне громкого преступления. Так, ранее антикоррупционная борьба велась силами полиции, но в октябре 1951 г. разразился скандал с похищением опиума, когда было выявлено, что 1800 фунтов этого вещества на сумму 400 000 сингапурских долларов были украдены бандой грабителей, в которую входили три полицейских детектива. Позднее выяснилось, что некоторые старшие офицеры полиции были связаны с организованными преступными группами, которые занимались угоном самолетов и импортом опиума. В итоге после проведенного расследования наказаны были только два высокопоставленных офицера. Придя к власти в 1959 г., Партия народного действия поставила в повестку первостепенный вопрос о противодействии коррупции и инициировала комплексную стратегию борьбы с ней. Принятый в 1960-м г. Закон о предотвращении коррупции, в котором она получила очень точное концептуальное описание, ужесточилось наказание за коррупцию до тюремного заключения сроком до пяти лет и/или штраф до 10 000 сингапурских долларов (в 1989 г. размер штрафа увеличили до 100 000 сингапурских долларов), предусматривалась обязательная выплата коррупционером размера взятки в дополнение к наказанию, Государственный прокурор, директор Антикоррупционного агентства и его следователи получили право расследовать любой банковский счет и покупку лица, подозреваемого в получении взятки, а также любого государственного служащего и членов его семьи, офицеры полиции

и агентства получили право проводить обыски в любых помещениях, вызывающих подозрение, на основе ордера, выданного мировым судьей или директором Агентства.

Политическая воля Партии народного действия проявилась не в декларациях о намерениях, а в реальных действиях, которые сводились к реализации ряда принципов. Во-первых, выделение значительных бюджетных средств на финансирование независимого антикоррупционного агентства, что позволило проводить дорогостоящие расследования и привлекать высококвалифицированный персонал на должности офицеров и следователей. Во-вторых, была сделана ставка на беспристрастное применение законодательства в отношении коррупционеров, независимо от пола, возраста, расы, религии, языка. В-третьих, был принят тотальный подход к правоприменению, что означает пристальное внимание не только к крупным коррупционным делам, но и самым незначительным как в государственном, так и частном секторе, а также привлечение к ответственности не только взяточника, но и взяткодателя. В-четвертых, беспристрастно должны расследоваться коррупционные дела в отношении политиков и высокопоставленных чиновников. За несколько десятилетий десятки высокопоставленных чиновников, включая министров, и руководителей частных организаций были привлечены к ответственности за получение взяток и мошеннические схемы, члены Партии народного действия также подверглись преследованию⁹⁹.

Другим важным актором разработки антикоррупционной политики является бюрократия, которая может оказать серьезное сопротивление любым начинаниям политиков. Бюрократия влиятельна в тех политических системах, где велика доля государства в экономике, где она является основным механизмом государственного управления, где политики полагаются на нее как на эффективный

⁹⁹Quah J. Singapore's Success in Combating Corruption: Four Lessons for China // American Journal of Chinese Studies. 2016. Vol. 23. Is. 2. P. 187-209; Quah J. Combating Corruption in Asian Countries // Daedalus. 2018. Vol. 147. Is. 3. P. 202–215.

управленческий институт, благодаря которому достигается упорядоченность, вертикальная интегрированность, порядок и предсказуемость внутри политической системы. В таких условиях бюрократия превращается уже в особый институт, закрытый от общества, со своим пониманием реальности и осознанием своего особого привилегированного положения в системе государственного управления, у нее появляются свои корпоративные интересы, которые она готова отстаивать доступными методами. Предсказуемо она будет оказывать сопротивление принятию антикоррупционной политики, если видит в ней угрозу. В ситуации, когда политики полностью полагаются на бюрократию при осуществлении управления, они не будут принимать решения, способные посеять конфликт с ней.

Произошедшая технологическая революция позволила частично ослабить бюрократию во многих странах за счет перевода процедур оказания государственных услуг в цифровой формат, сократив тем самым масштабы низовой коррупции (в России используется портал «Госуслуги», в Китае – «WeChat»). Однако позиции бюрократии очень прочны в вопросах регулирования разных социальных сфер и областей экономики, что содействует развитию патрон-клиентских отношений. Сложность с бюрократией состоит еще и в том, что даже принятие правовых актов антикоррупционной направленности не гарантирует положительного результата. Как точно замечает В. Л. Римский, многие действия, оцениваемые как коррупционные, производятся без нарушения законодательства, в рамках предоставленных должностным лицам полномочий, не всегда юридически возможно доказать извлечение ими выгоды¹⁰⁰. Другим словами, бюрократия может манипулировать установленными законодательными рамками, извлекать выгоду и продолжать плести коррупционные сети уже в новых условиях, и уголовное преследование окажется малоэффективным.

Одним из способов преодоления сопротивления различных акторов разработке и проведению антикоррупционной политики стала практика создания

¹⁰⁰ Римский В. Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Полития. 2007. № 1. С. 65–84.

антикоррупционных агентств/комиссий. Это специально создаваемые органы для борьбы с коррупцией посредством превентивных и/или репрессивных мер. Их основная задача состоит в том, чтобы обеспечивать централизованное руководство в вопросах противодействия коррупции, исследования текущей политики и оказания помощи в борьбе, мониторинге, изучении информации о об этом явлении¹⁰¹. Некоторые авторы даже называют антикоррупционные агентства четвертой властью в силу их независимости и большого объема полномочий¹⁰². Впервые антикоррупционное ведомство появилось в Сингапуре как один из инструментов антикоррупционной борьбы в 1952 г. По оценкам исследователей его деятельность оказалась очень эффективной, поэтому эту практику взяли на вооружение впоследствии и другие страны.

На сегодняшний день существует несколько моделей антикоррупционных агентств¹⁰³.

Универсальная модель предполагает создание независимой комиссии по борьбе с коррупцией. Такая комиссия впервые была создана Гонконге во времена британского правления 1974 г. – Независимая комиссия по борьбе с коррупцией. За долгие годы работы она превратилась в успешный институт, выполняющий следственные, превентивные и коммуникативные функции в борьбе с коррупцией. Это ведомство насчитывает около 3000 сотрудников, и его деятельность основана особой трехсторонней стратегии. Оперативный отдел отвечает за расследование коррупционных преступлений, на его функционирование выделяется до трети бюджета комиссии. Департамент по предотвращению коррупции занимается профилактикой правонарушений в этой области, ему выделяются средства на организацию исследовательских мероприятий и разработку рекомендаций. Департамент по связям с общественностью выполняет просветительскую

¹⁰¹Meagher P. Anti-Corruption Agencies: Rhetoric versus Reality // Policy Reform. 2005. Vol. 8. Is. 1. P. 69–103.

¹⁰²Brown A., Bruerton M. Sufficient, Stable, and Secure? An Explanatory Comparative Analysis of Integrity Agency Financial Resourcing // Crime, Law, Social Change. 2017. Vol. 68. Is. 3. P. 341–358.

¹⁰³Heilbrunn J. Anti-Corruption Commissions: Panacea or Real Medicine to Fight Corruption? Washington: World Bank Institute, 2004.

функцию, повышая осведомленность граждан о коррупции, связанных с ней рисками и действующими мерами преследования.

Следственная модель характеризуется наличием подчиненной исполнительной власти небольшой, но очень серьезной комиссии по расследованию коррупционных преступлений. Впервые такая модель была использована в Сингапуре. Созданное в стране антикоррупционное агентство расследует правонарушения, пользуется функциональной независимостью, но ее директор подчиняется премьер-министру. Оно выполняет следующие функции:

- 1) расследование жалоб на коррупцию в государственном и частном секторах;
- 2) расследование случаев коррупции, в которые вовлечены государственные служащие;
- 3) предотвращение коррупции путем изучения действующих процедур и практики на государственной службе, чтобы свести к минимуму возможности для коррупции, ведение антикоррупционных переговоров с представителями государственного и частного секторов, высшими учебными заведениями;
- 4) отбор кандидатов на государственные должности с целью исключить назначение лиц с криминальным и коррупционным прошлым.

Сингапурское антикоррупционное агентство включает в себя большое количество отделов, каждый из которых занимается своим типом правонарушений (отдел специальных расследований, отдел финансовых расследований, отдел общих расследований, подразделение по обучению расследованиям). Агентство обладает полномочиями не просто по проведению расследований, но и проведению специальных операций, проведению арестов, проверке на детекторе лжи, занимается компьютерной криминалистикой. Не забывает также и о просветительской функции, информируя граждан об антикоррупционной борьбе.

Парламентская модель предполагает, что антикоррупционное агентство не зависит от исполнительной власти, а подотчетно парламентскому комитету. Она реализована в Австралии – Независимая комиссия Нового Южного Уэльса по

борьбе с коррупцией. Комиссия была учреждена в 1988 г., власти руководствовались опытом Гонконга, и состоит из четырех отделов, выполняет аналогичные функции.

Межведомственная модель распределяет усилия по противодействию коррупции между несколькими ведомствами, как например, Управление правительственной этики США. Такое ведомство не имеет следственных полномочий, но сотрудничает с многими институтами исполнительной власти в вопросах предотвращения коррупции. Иначе говоря, основная функция такого ведомства – профилактическая, создание особой этической экосистемы на государственной службе посредством межведомственного сотрудничества.

Современные развивающиеся страны при разработке антикоррупционной политики принимают во внимание положительный опыт работы специализированных агентств по борьбе с коррупцией и внедряют в свои системы государственного управления ту или иную модель. Однако совсем не у многих получается достичь таких же внушительных положительных результатов. Часто оказывается, что антикоррупционные агентства носят демонстрационный эффект, но при этом они не ведут реальной борьбы с коррупцией¹⁰⁴. Обобщая разные оценки, можно сказать, что основными причинами неудач антикоррупционных агентств являются следующие:

- 1) отсутствие политической воли в борьбе с коррупцией;
- 2) нехватки независимости от власти в реализации своих полномочий;
- 3) невозможность мобилизовать гражданскую поддержку бизнеса антикоррупционным инициативам;
- 4) фрагментарность усилий по противодействию коррупции;
- 5) дефицит доверия к применяемым санкциям.

В западных странах, которые идут по пути построения современной системы государственного управления, большое значение имеют и

¹⁰⁴См., например, Persson A., Rothstein B., Teorell J. Why Anti-Corruption Reforms Fail – Systemic Corruption as a Collective Action Problem // Governance. 2013. Vol. 26. Is. 3. P. 449–471.

социокультурные аспекты. Антикоррупционная политика, основанная на идеях западного государственного управления, предполагает акцент на рационализации деятельности чиновников, обезличивание контактов внутри государственной службы.

В незападных странах ситуация обстоит иначе, так как современные институты устанавливаются в иных социокультурных условиях, негативное влияние которых сложно преодолеть за короткий период времени. Правительства этих стран вынуждены разрабатывать антикоррупционную политику, в соответствии с которой они должны бороться с тем, что являлось нормой на протяжении веков. В итоге классических методов противостояния коррупции оказывается недостаточно, потому что следует преодолевать давление двух важных факторов: патрон-клиентских отношений и неопатримониализма. Патрон-клиентские отношения предполагают, что могущественные и влиятельные должностные лица в системе управления предоставляют менее статусным чиновникам доступ к материальным благам в обмен на лояльность и поддержку. Как следствие формируются патронажные сети внутри системы государственного управления, которые при слабости формальных институтов успешно манипулируют правилами и сопротивляются изменениям этих правил. В этой связи проявляет себя и второй фактор – неопатримониализм, который является комбинацией классического патримониализма и рационально-правового типа государства с акцентом на персонификацию власти. Иначе говоря, при такой системе отношений бюрократия используется как легальный способ извлечения ресурсов, благодаря чему коррумпированные чиновники обходят легальные ограничения.

Принимая во внимание наличие этих двух влиятельных факторов в незападных обществах, при разработке антикоррупционной политики следует принять не только идею о том, что важны формальные институты, создающие рамку для действий государственных служащих, но желание политических акторов

следовать этим правилам¹⁰⁵. В противном случае неформальные отношения окажутся сильнее и важнее. Неформальные отношения могут приспособиться к функционированию формальных институтов, которые еще не получили должного закрепления в архитектуре системы государственного управления, дополнить их для заполнения пустот, оставляемых ими по причине неэффективности и неразвитости¹⁰⁶. В краткосрочной перспективе такое взаимодополнение может позволить людям и системе адаптироваться к новым социально-политическим и экономическим условиям. Как пишет С. Роуз-Аккерман, некоторые антропологи отказываются признавать транзакции коррупционными, если они основаны на аффективных связях, и заявляют, что даже формально незаконные практики социально приемлемы, экономически выгодны и компенсируют ущерб¹⁰⁷.

В долгосрочной перспективе сохранение неэффективности официальных институтов приведет к появлению субститутов. Субституты предлагают альтернативный официальному механизм достижения целей в системе государственного управления. Коррупция становится субститутом, когда, как пишет С. Роуз-Аккерман, критерий заслуг и эффективности заменяется критерием готовности платить за получение доступа к определенным благам. Другим словами, происходит замена официального института неформальными отношениями¹⁰⁸. Чтобы этого не произошло при разработке и реализации антикоррупционной политики в ее основу должны закладываться меры, укрепляющие официальные институты власти, которые создают основу для предсказуемого регулирования поведения и служат барьером на пути бесконтрольного распространения неформальных отношений в системе власти¹⁰⁹.

¹⁰⁵Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. P. 51–65.

¹⁰⁶Hemke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research analysis // Perspective on Politics. 2004. Vol. 2. P. 725–740.

¹⁰⁷Rose-Ackerman S., Palifka J. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

¹⁰⁸См. Также Carden A., Verdon L. When is Corruption a Substitute for Economic Freedom? // The Law and Developments Review. 2010. P. 1–35.

¹⁰⁹Treisman D. The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Главное преимущество официальных институтов перед неформальными практиками – беспристрастность и предсказуемость. Благодаря усилению официальных институтов происходит изменение установки в сознании чиновников и тех людей, которые хотели бы заключить с ними коррупционную сделку. Они должны понять и получить реальное подтверждение тому, что использование коррупции – это очень рискованный путь к достижению цели, это нелегальный, наказуемый и осуждаемый способ ведения дел, а следование официальным правилам – более надежный, безопасный, не затратный и гарантированный способ. По этой причине укрепление официальных институтов должно быть важнейшим направлением антикоррупционной политики государства. В частности, требуется сосредоточить пристальное внимание на: повышении прозрачности государственных институтов, усилении правоприменения и повышении эффективности деятельности бюрократии.

Антикоррупционная политика, как и любой другой тип государственной политики, предполагает не только глубокое и всестороннее знание и понимание области регулирования, но и набор конкретных структурных компонентов, на основе которых можно детально исследовать реализуемую политику в той или иной стране. Так, А. И. Соловьев выделяет несколько таких параметров¹¹⁰:

- 1) политический блок, в рамках которого определяются приоритеты, принципы и подходы, на которые необходимо ориентироваться при выработке государственной политики;
- 2) управленческий блок предполагает перевод приоритетов и целей в конкретные количественные и качественные показатели целедостижения, определение круга управленческих методов;
- 3) финансово-экономический блок связан с определением порядка использования материальных ресурсов, обеспечивающих реализацию целей;

¹¹⁰ Соловьев А. И. Принятие и исполнение государственных решений: Учебное пособие для студентов ВУЗов. М.: Аспект-Пресс, 2015.

4) организационно-кадровый блок отражает особенности распределения функций между государственными ведомствами, модели и правила взаимодействия между основными участниками, кадровая политика;

5) экстраординарный блок раскрывает значение социокультурных факторов в реализации поставленных целей.

Успех реализации антикоррупционной политики будет во многом зависеть от того, насколько внимательно и полно будет проработан каждый из этих блоков. Политическая воля противодействовать коррупции должна получить идейное, концептуальное, управленческое и ресурсное обрамление в текущих социокультурных, внутри- и внешнеполитических условиях.

Антикоррупционная политика – это комплекс взаимосвязанных целей и мероприятий, направленных на преодоление проблемы высокого уровня коррупции, осуществляемых государственными институтами при поддержке негосударственных национальных и международных структур на основе приоритетов политического и экономического развития страны. За многие десятилетия в мире накоплен богатый опыт подходов и конкретных методов противостояния коррупции, однако до сих пор ни одна страна не разработала универсального сценария. Результативность и эффективность антикоррупционной политики государства зависит от нескольких фактор:

1) политической воли руководителей государства, признающих факт того, что в стране коррупция достигла высокого уровня и является серьезным препятствием общественного и экономического развития;

2) понимания руководителями государства того, что собой содержательно представляет коррупция и каковы ее причины, какие формы отношений должны считаться недопустимыми;

3) качества официальных институтов, способных стать преградой на пути распространения коррупции;

4) объема выделяемых на реализацию политики ресурсов;

- 5) профессионального уровня специалистов, вовлекаемых в разработку и реализацию политики;
- 6) социокультурного контекста.

Учет этих факторов позволяет разработать антикоррупционную стратегию, ориентированную на специфику конкретной системы государственного управления с опорой, в том числе, на успешные и неуспешные практики в этой области других стран. Некритическое копирование подходов и конкретных методов, показавших свою эффективность в других странах, при игнорировании вышеперечисленных факторов, вероятно, приведет к тому, что антикоррупционная политика будет выполнять символическую функцию, носить декларативный характер, имитировать противодействие коррупции. К этому часто в итоге приходят развивающиеся страны, потому что этот вид государственной политики можно назвать одним самых рискованных и опасных для политиков. Им приходится устанавливать серьезные ограничения, лишать привилегий влиятельных стейкхолдеров, преодолевать их сопротивление, применять в отдельных случаях радикальные меры преследования коррупционеров. Это не может не вызвать желания со стороны преследуемых положить конец антикоррупционной политике. В этой связи политический лидер должен не только иметь волю к антикоррупционной борьбе, но и обладать авторитетом в обществе и в бюрократии, быть способным консолидировать вокруг себя поддержку, сломить сопротивление и не пострадать. Необходимым дополнением к волевому лидеру должна быть квалифицированная команда управленцев, которая сможет реализовать на практике стратегические замыслы, подобрать оптимальные методы профилактики и борьбы с коррупцией, которые будут адекватны сложившейся системе государственного управления и приоритетам политики.

ГЛАВА II. СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ

§1. История становления и развития антикоррупционной политики¹¹¹

Коррупция как проблема, негативно влияющая на общественно-политическое развитие, известна руководителям Китайской Народной Республики с момента ее образования в 1949 г. Однако на разных этапах развития страны она приобретала различные формы, масштабы, к ней менялось отношение властей, а значит менялись и подходы к антикоррупционной политике. Гун Мин и Ван Сипэн обоснованно полагают, что на современном этапе борьба с коррупцией является важной частью «модернизации национального управления и потенциала управления» и она должна использоваться как «важный инструмент для поддержания эффективности национального управления»¹¹².

Интересно, что некоторые исследователи считают, что коррупция в развивающихся, модернизирующихся странах не ухудшает, а наоборот

¹¹¹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Михайлова О. В., Шао Ц. Эволюция антикоррупционной политики Китая: проблемы и решения // Вестник Московского университета. Серия: 12. Политические науки. 2023. №4. С. 68–80 (объем 0,8 п.л., личный вклад – 0,5 п.л.).

Шао Ц. Противодействие коррупции как основное направление административной деятельности в современном Китае // Вопросы политологии. 2023. Том 13. №1 (89). С. 1–15 (объем 0,9 п.л.).

¹¹² 宫铭,王希鹏. 巩固和推进反腐败斗争新格局, 红旗文稿. 2018. 4. Р. 4. (Гун Мин, Ван Сипэн. Закрепление и продвижение новой модели борьбы с коррупцией // Рукопись красного флага 2018. № 4. С. 4.).

способствует экономическому развитию, помогает формированию капитала и снижению бюрократизации¹¹³:

1) в развивающихся странах административные структуры отличаются высоким уровнем бюрократизации, неповоротливостью и медлительностью, а коррупция рассматривается как стимул к развитию бизнеса, облегчающая получение лицензий и необходимых разрешений;

2) в развивающихся странах бюрократические структуры централизованы и характеризуются размытостью границ власти, а также низкой квалификацией государственных служащих, а коррупция в этой ситуации может служить укреплению административного потенциала посредством неформальных отношений и процедур;

3) потенциально в таких странах коррупция может стать эффективным средством привлечения и удержания в государственных структурах талантливых и квалифицированных сотрудников;

4) в развивающихся странах коррупция может снизить неопределенность и способствовать повышению уровня инвестиций.

Однако с такой позицией авторов сложно согласиться, потому что коррупция влечет за собой разрушительные экономические, политические и социальные последствия, которые в полной мере испытал на себе Китай. Во-первых, коррупция не способствует, а препятствует экономическому развитию, потому что накапливаемый капитал не инвестируется, а оседает на банковских счетах и направляется на покупку предметов роскоши, вкладывается в зарубежные объекты недвижимости. В Китае негативные последствия от коррупции проявились в больших потерях бюджета и росте расточительстве. По приблизительным оценкам общая стоимость коррупции в Китае составила от 4% от 17% ВВП, а прямые экономические потери – в среднем 987,5–1257 млрд юаней в год. Только в 2009 г.

¹¹³См., например, Nye J. Corruption and Political Development: A Cross-Benefit Analysis / In A.J. Heidenheimer (eds.) Political Corruption Handbook. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989; Bayley D. The Effect of Corruption in a Developing Nation / In A.J. Heidenheimer (eds.) Political Corruption Handbook. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989.

присвоенные средства государственного бюджета составили 234,7 млрд юаней и 335 млрд юаней – бегство капитала за границу. Фактически коррупция является неэффективным налогообложением бизнеса. Выплачиваемые чиновникам взятки учитываются в общих производственных или эксплуатационных издержках и в конечном счете увеличивают цены на товары и услуги для конечного потребителя. Таким образом, в экономическом плане коррупция приносит пользу тем, кто включен в коррупционные сети, а не наиболее эффективным, помогает создавать монопольное преимущество для привилегированных групп. Как следствие, растущая коррупция приводит к безрассудным инвестициям, искажению решений, повышает стоимость торгов, неправильно распределяет ресурсы на проекты, снижает качество конечного продукта, стимулирует не инвестиции, а расточительство. Китай с момента начала реформ испытал все эти тяжелые экономические последствия коррупции, когда конкуренция на рынке превратилась в конкуренцию за отношения с чиновниками и в конкуренцию за доступ к властному ресурсу.

Коррупция ведет также к политической нестабильности в стране из-за того, что обостряется конкуренция за власть, что в итоге становится причиной резкого падения общественного доверия правительству. В отдельных ситуациях политическая дестабилизация может привести к росту репрессивных мер государственного управления¹¹⁴. В Китае на первых этапах реформ уровень доверия к власти заметно снизился, и партия и правительство оказались перед серьезной дилеммой: с одной стороны, если не будут предприняты меры по борьбе с коррупцией, это поставит под угрозу существование режима; с другой – если начать активную борьбу с коррупцией в партийных рядах, то это пошатнет партию. Иначе говоря, публичное разоблачение коррупции негативно повлияет на легитимность партии. Чиновники под влиянием коррупции рассматривают свои должности как привилегию и инструмент извлечения ренты, а не как обязательство

¹¹⁴ Caiden G. Toward a General Theory of Official Corruption // Asian Journal of Public Administration. 1988. Vol. 10. Is.1. P. 3-26.

служить людям. По этой причине коррумпированные чиновники часто усложняют процессы и процедуры в надежде получить взамен что-то ценное, что усиливает социальную напряженность. Также коррупция подрывает справедливость при найме и продвижении на должность, потому что она становится способом получения арендной платы высокопоставленными чиновниками (они покупают должности, а потом используют купленную должность для возвращения вложенных денег и получения прибыли).

И не менее значимое последствие роста коррупции в системе государственного управления – это изменение социальной морали, увеличение эгоизма, цинизма в обществе, это снижает консолидацию людей для достижения общих целей. Для Коммунистической партии Китая эта проблема очень важна, поэтому социальным последствиям коррупции уделяется особое внимание в антикоррупционной политике. Также проблемной является рост несправедливости в распределении богатства в обществе, а справедливость распределения богатства является важным принципом китайской традиционной культуры и считается важной частью традиционных социальных норм и ценностей. Например, по некоторым оценкам до начала реформ, в 1978 г., коэффициент Джини составлял 0,15, в 1986–0,19, в 2001 г. – 0,458, 0,491 – в 2008 г.

В современном Китае под коррупцией понимается не только использование государственными служащими своих полномочий в личных интересах, но и нездоровые тенденции внутри партийных и государственных структур. По этой причине проводимая правительством антикоррупционная политика нацелена на сдерживание коррупции, в том числе посредством формирования этической модели поведения чиновников.

Основная проблема состоит в том, что в отношении совсем не всех форм коррупции существует консенсус в обществе. Например, взяточничество однозначно трактуется как преступление с целью получения личной выгоды чиновником. Но, например, действия руководителя государственного ведомства, использующего свои полномочия для увеличения доходов своего учреждения и

улучшения благосостояния своих сотрудников посредством легальных, полулегальных и даже нелегальных способов, рассматриваются как действия, увеличивающие издержки общества, но не как действия в личных интересах. А практики развития сетей межличностных связей, фаворитизм и кумовство считаются «общей практикой», глубоко проникшей также и в государственную жизнь страны.

Важной особенностью Китая является и то, что антикоррупционная политика на всех этапах ее развития и в текущем моменте значительно отличается от подходов, принятых в западных странах, которые делают ставку на модель «снизу-вверх», предполагающую вовлечение в этот процесс большого числа негосударственных акторов, заинтересованных в содействии сокращению масштабов коррупции в стране. В Китае принята нисходящая модель, когда правящая партия принимает на себя серьезные обязательства по решению значимых социально-политических проблем и мобилизует финансовые и управленческие ресурсы для достижения поставленных целей. С одной стороны, централизация усилий позволяет контролировать антикоррупционную политику, с другой – устойчивость и легитимность власти сильно зависит от достигнутых результатов, потому что общество возлагает большие надежды на управленческие способности руководства партии.

В академической литературе можно найти разные подходы к изложению истории антикоррупционной политики в Китае. Например, У. Цзяньсюн выделяет несколько этапов в становлении противодействия коррупции:

- 1) 1949–1978 гг. – «Движение против коррупции»;
- 2) 1978–1997 гг. – «Сильная борьба с коррупцией»;
- 3) 1997–2002 гг. – «Институциональная борьба с коррупцией»;
- 4) 2003–2012 гг. – «Систематическая борьба с коррупцией»;

5) 2012–2019 гг. – «Борьба с коррупцией в рамках верховенства права»¹¹⁵.

В целом придерживаясь предлагаемой многими авторами логики рассмотрения эволюции антикоррупционной политики в Китае, будут охарактеризованы следующие этапы:

- 1) 1950-е – 1970-е гг.: период антикоррупционных кампаний;
- 2) 1970-е – 1980-е гг.: период создания основ антикоррупционной политики на фоне начавшихся реформ;
- 3) 1980-е – 1990-е гг.: период институционализации антикоррупционной политики на фоне изменения экономической системы;
- 4) 2000-е – 2012 г.: период совершенствования основ антикоррупционной политики;
- 5) 2012 г. – настоящее время: период формирования всеобъемлющей системы антикоррупционной политики.

На первом этапе, 1950-е – 1970-е гг., начиная с правления Мао Цзэдуна, в Китае отсутствовал системный подход к противодействию коррупции. Борьба разворачивалась в форме отдельных кампаний под общим названием «Движение за исправление», которые должны были мобилизовать общество для тотального выявления коррупции, а также для обеспечения внутрипартийной лояльности руководству. Самыми известными и масштабными стали: «кампания против трех зол» (1951 г.), «кампания против пяти зол» (1952 г.), «новая кампания против трех зол» (1953 г.). В период действия этих кампаний гонениям подверглись многие тысячи чиновников, в отношении них практиковались самые жесткие меры наказания, что вызвало серьезный стресс в партийных кругах. В отношении нескольких партийных чиновников была применена высшая мера наказания¹¹⁶.

¹¹⁵ 吴建雄. 中国反腐:迈向法治化的新征程– 新中国成立 70 周年反腐败斗争, 中国党政干部论坛. 2019. Р. 10. (У Цзяньсюн. Противодействие коррупции в Китае: новый путь к верховенству закона – Борьба с коррупцией к 70-летию основания Нового Китая // Китайский форум партийных и государственных кадров. 2019. №10. С. 10.).

¹¹⁶ Румянцев Е. Н. Борьба с коррупцией в Китае в годы правления Си Цзиньпина (2012–2022) // Российское китаеведение. 2023. № 1(2). С. 167–184.

Ключевой характеристикой первого этапа был разрыв амбициозных целей по решению проблемы коррупции в стране существовавшему на тот момент уровню формализации отношений в политической системе, уровню развития правовой и судебной систем. Антикоррупционное преследование чиновников и членов партии осуществлялись не на основе обезличено действующих нормативно-правовых актов, а на основе более интуитивной оценки обществом того, что считается, а что не считается злоупотреблением коррупционного характера. Это стало причиной некорректной оценки многих возбужденных дел. Например, на пике «кампании против трех зол» было выявлено 292 000 коррупционеров, присвоивших себе более 10 млн юаней (старой валюты), но только 105 000 дел (примерно 60%) было доведено до осуждения. Отсутствие единого понимания коррупции привело к тому, что сложно было однозначно оценить, какой объем хищений превращает мелкого коррупционера в крупного, а 15% преследуемых за коррупцию составили те, кто на самом деле занимался другими видами нарушений, а 5% подозреваемых оказались обвинены в коррупции ошибочно, только 20,7% подозреваемых чиновников были привлечены к административной ответственности¹¹⁷. В итоге можно заключить, что на этом этапе разработанные правительством программы реализовывались в ситуации отсутствия антикоррупционного законодательства, однозначного понимания содержания коррупционных отношений, их разновидностей и форм, правил преследования коррупционеров и привлечения их к ответственности, а также несовершенства правоприменения и судебной системы, акцента на массовость в выявлении фактов коррупции.

Следующий этап в развитии антикоррупционной политики в Китае начинается в 1970-е гг. В этот период происходит переход от массовых кампаний по борьбе с коррупцией к выстраиванию системы противодействия коррупции, основанной на законодательном оформлении политической системы, создании ее

¹¹⁷ “三反”、“五反”运动-中国中央电视台 [Кампания трех противников и кампания пяти анти] // Центральное телевидение Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://sports.cctv.com/specials/80zhounian/sanji/lssk060725.html> (дата обращения: 30.04.2023 г.)

институционального каркаса и разработке бюрократических подходов к борьбе. В частности, в институциональном плане в 1978 г. создается Центральная комиссия по проверке дисциплины, которая в будущем станет ключевым актором антикоррупционной борьбы. Всенародное собрание народных представителей Китая активизирует законотворческую деятельность по оформлению области антикоррупционной политики¹¹⁸.

Антикоррупционные усилия, предпринятые в первое десятилетие еще не дали позитивных результатов, так как установление правил и институтов должно поддерживаться соблюдением принципа неотвратимости наказания для всех коррупционеров, но противодействие коррупции шло только в тех направлениях, которые считало важным политическое руководство, поэтому не носило тотального характера. И все же с 1979 г. по 1981 г. отделами по проверке дисциплины по стране было расследовано и рассмотрено 358 тыс. дисциплинарных дел, и наказано в общей сложности 295 тыс. членов партии¹¹⁹. Если на первом этапе правительство сделало ставку на массовость в выявлении фактов коррупционного поведения, то на этом этапе оформляется важный принцип антикоррупционной политики – государство опирается на бюрократические методы и процедуры контроля и надзора, закладываются основы модели борьбы «сверху вниз», в которой государство занимает центральную позицию в выработке и реализации поставленных целей по противодействию коррупции.

Самым важным и ключевым этапом в антикоррупционной борьбе стал период углубления политики реформ, 1980-е–1990-е гг. Стремительное развитие частно-рыночных отношений остро поставило проблему коррупции, она стала расти стремительными темпами, приобрела новые формы, что требовало принятия системных, комплексных мер противодействия. По оценкам исследователей,

¹¹⁸ 金姗姗. 中央纪律检查委员会的历史沿革和现实功能, 金色年华: 下. 2020. 10. (Цзинь Шаньшань. Историческая эволюция и практические функции Центральной комиссии по проверке дисциплины. Золотые годы. 2020. № 10. С. 64–68.).

¹¹⁹ 中国共产党第十二次全国代表大会文件汇编, 北京: 人民出版社. 1982. Р.139. (Сборник документов XII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Народное издательство. – 1982. – С.139.).

начали расти количество и масштабы взяточничества: если в 1980-е гг. крупной считалась взятка в размере 10 000 юаней, то в 1993 г. – 100 000 юаней, удвоилось количество дел о взятках на сумму более 500 000 юаней, а на сумму более 1 000 000 юаней – утроилось. Если в 1988 г. к тюремному заключению приговорили 190 высокопоставленных чиновников, то в 1993 г. – 504 человека¹²⁰.

К этому времени сохранили актуальность традиционные для китайского общества сети межличностных отношений, но и они приобрели новое содержание в период экономической трансформации. Гуаньси коммерциализировалась, превратилась в способ получения личной выгоды, установления сложно выявляемых контактов на основе взаимных обязательств между бизнесменами и чиновниками для извлечения личной выгоды. Бизнесмены целенаправленно инвестировали средства в проекты по развитию межличностных сетей, полагая, что они более эффективны, чем обычная коррупция. Помимо этого, стали появляться новые уникальные формы коррупции. Например, «дань вэй син хуэй» (*dānwèi xíng huì*), или подкуп должностного лица другим чиновником, но не в личных интересах, а интересах организации. Например, руководитель государственного предприятия подкупает соответствующего чиновника в системе государственного управления, чтобы получить возможность продавать продукцию этого предприятия и получить большую прибыль, либо для того, чтобы избежать давления регулирующих деятельность этого предприятия правил. Новое содержание приобрели патрон-клиентские отношения, когда государственные служащие стали обеспечивать политическую защиту коммерческим предприятиям, защищать их как от неопределенности в постоянно меняющихся правилах, так и от вымогательств со стороны чиновником более низкого ранга и организованной преступности. В обмен на эти услуги предприниматели обеспечивали чиновникам шикарную жизнь.

¹²⁰He Z. Corruption and Anti-Corruption in Reform China // *Communist and Post-Communist Studies*. 2000. Vol. 33. Is. 2. P. 243–270.

В этот период можно говорить о трех сменявших друг друга волнах экономических преступлений, ставших основой коррупции:

- 1) начало 1980-х гг., когда начинаются рыночные преобразования при сохранении планового распределения ресурсов и дефицита качественных потребительских товаров, что приводит к появлению спекуляции и контрабанды;
- 2) середина 1980-х гг., когда на фоне роста предложения потребительских товаров и отмены официальных цен на них, происходит разрыв между спросом и предложением на товары производственного назначения при высоких темпах экономического роста, сохраняется двойная система цен и становится источником злоупотреблений;
- 3) 1993 г., когда начался формироваться фондовый рынок, рынок недвижимости, где чиновники имели преференциальное положение.

По оценкам исследователей источниками коррупции в этот период стали следующие условия¹²¹:

- 1) сложившееся неравенство в доходах между занятыми в частном секторе и в государственном секторе экономики (доход предпринимателей был существенно выше, что порождало у чиновников чувство несправедливости и желание воспользоваться своими полномочиями для увеличения своего дохода);
- 2) проведенная в 1980-е гг. фискальная реформа, в соответствии с которой полномочия по сбору налогов и распоряжению расходами на нужды региональной экономики были переданы провинциальным властям, которые обязаны были отчислять зафиксированную часть дохода на национальный уровень (без соответствующей системы надзора и контроля такая децентрализация привела к значительным хищениям);
- 3) «двухколейная система ценообразования», которая была особой формой перехода от плановой экономики к рыночной, существовавшая в стране до

¹²¹ См., например, Мозиас М. Коррупция в Китае: причины, формы, тенденции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Востоковедение и африканистика. 2019 № 1. С. 35–62; Ko K., Weng C. Structural Changes in Chinese Corruption // The China Quarterly. 2012. No. 218. P. 718-740.

1992 г., позволяла чиновникам извлекать прибыль для себя на разнице между фиксированными и свободными рыночными ценами на одни и те же товары¹²² (в первые годы реформ товары делились на запланированные (продаваемые по более низкой цене) и незапланированные (продаваемые по рыночной цене вне плана), некоторые чиновники продавали запланированную продукцию на «черном рынке», зарабатывая таким образом на разнице в цене, в результате чего помимо новой формы коррупции появилось понятие «дао е» (dǎoyé), или спекулянт, а впоследствии сформировался первый в Ките «клановый капитал»¹²³);

4) неэффективность государственной службы, которая унаследовала из дореформенного периода чрезмерную бюрократизацию, где до 1993 г. не действовал меритократический принцип назначения на должности, и процветало кумовство.

Помимо этих факторов, повлиявших на резкий рост уровня коррупции в стране, следует также обратить внимание на следующие:

1) изменение идеологических ориентиров в стране на фоне проведения экономических преобразований, потому что акцент был сделан на рост благосостояния, поощрялось накопление капитала, а правовые и моральные вопросы стали уходить на второй план (например, по карьерной лестнице стали быстро продвигаться те государственные служащие, которые способствовали экономическому развитию, а методы его достижения не имели большого значения);

2) историческое прошлое страны, когда на протяжении многих столетий правители относились к государству как к своей собственности, личная воля играла большее значение, чем верховенство закона, что не сошло на нет в период реформ,

¹²² Gong T. Managing Government Integrity under Hierarchy: Anti-Corruption Efforts in Local China // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. Is. 94. P. 684–700.

¹²³ 价格双轨制 - 百度百科 [Двойная система цен] // Энциклопедия Baidu [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BB%B7%E6%A0%BC%E5%8F%8C%E8%BD%A8%E5%88%B6/9629521?fr=aladdin> (дата обращения: 30.04.2023 г.).

когда бюрократия всеми силами стремилась сохранить привилегированное положения, пользуясь своим полномочиями для извлечения личной выгоды;

3) сохранению традиционных для китайского общества практик фаворитизма и кумовства способствовало то, что значительная часть чиновников на государственной службе явилась выходцами их сельскохозяйственных регионов страны.

Таким образом, радикальные трансформации экономической системы страны заложили основы дальнейшего развития рыночных принципов, а также поставили систему государственного управления перед новыми вызовами. Если до начала реформ в стране отсутствовали крупные активы, и доминировало преимущественно мелкое взяточничество среди чиновников, то с момента начала реформ благодаря установлению права собственности в стране появляются новые активы. До сих пор недвижимость в Китае приносит очень большую прибыль, которая образуется от разницы между низкой ценой на землю и последующей продажи ее по рыночной цене. Неудивительно, что предпринимателей привлекает низкая цена земли, которую продает государство, но им необходимо получить доступ к должностным лицам, которые принимают такие решения, не запутаться в бюрократических лабиринтах, что становится возможным через развитие связей гуаньси и дачу взяток. Рыночные реформы предоставили местным органам власти значительную свободу действий и полномочия в отношении продажи земельных участков¹²⁴.

Другим источником всплеска коррупции в этот период стало начало приватизации государственных предприятий, постепенная распродажа государственной собственности, что привело также к появлению новых, очень крупных активов. Непрозрачность процедур приватизации стала причиной того, что в выигрыше остались чиновники и руководители крупных государственных предприятий, получивших привилегированный доступ к этим активам. Коррупция

¹²⁴Bakken B., Wang J. The Changing Forms of Corruption in China // Crime, Law and Social Change. 2021. Vol. 75. P. 247–265.

из мелкого взяточничества переросла в новую форму – «доступа к крупным капиталам». Однако если взяточничество мелкого и среднего уровня легко вскрывались, пресекались и его объемы сокращались, то более крупная форма требовала поиска новых подходов к противодействию.

Быстрые темпы роста коррупции в новых экономических условиях стали серьезным вызовом для китайского правительства, которое в итоге пришло к выводу о том, что эффективная антикоррупционная политика должна строиться не только на разработанных правилах и процедурах, но и на эффективно функционирующей системе наказания за совершенные коррупционные преступления. Иначе говоря, правовое регулирование в сочетании со строгим надзором должно сократить стимулы к проведению чиновниками коррупционных сделок, а судебное преследование и строгое наказание окажут сдерживающее воздействие на их поведение. При этом борьба с коррупцией должна вестись повсеместно, а не выборочно, и быть свободной от влияния политиков.

В 1989 г. в стране создается первое антикоррупционное бюро (Бюро по борьбе с коррупцией Народной прокуратуры провинции Гуандун), этот опыт потом распространится на весь Китай¹²⁵. К концу 1990-х гг. поднимается вопрос о разработке не просто отдельных законов и мер по борьбе с коррупцией, а согласованной антикоррупционной политики, частью которой становится административная реформа с целью сокращения бюрократии, введения квалификационного экзамена при принятии на государственную службу, укрепления административного контроля за использованием государственных средств.

Партия продолжает вести активное противодействие коррупции не только на государственной службе, но и в своих рядах. С 1987 г. по 1992 г. внутри партии было расследовано более 874 тыс. дисциплинарных дел, наказаны более 733 тыс.

¹²⁵崔瑾月. "第一反贪局长"陆成景:贪官排队自首, 中国故事:专栏版. 2021. (Цуй Цзиньюэ. Лу Чэньцзин – возглавил борьбу с коррупцией: коррумпированные чиновники выстраиваются в очередь, чтобы сдаться. Китайские истории. – 2021.).

членов партии¹²⁶. С октября 1992 г. по июнь 1997 г. органами контроля и надзора за дисциплиной по всей стране было возбуждено более 731 тыс. дел, привлечено к партийным и государственным дисциплинарным взысканиям более 669 тыс. чел.¹²⁷.

На этом этапе экономическая реформа принесла серьезные изменения. Переход к рыночным принципам, с одной стороны, ослабил контроль государства над обществом, потому что появлялись новые независимые акторы (частные предприятия, иностранные компании и совместные бизнесы), с другой стороны, гибридность экономики, сохранение у государства серьезных возможностей для регулирования и контроля за деятельностью рыночных субъектов, создало для бюрократии привилегированные возможности извлекать личную выгоду, пользуясь своими полномочиями.

Как пишет ряд исследователей, в Китае сложился парадокс: разрастающаяся коррупция не ухудшила экономическую ситуацию, а улучшала ее¹²⁸. Политики и бюрократы воспринимали коррупцию как неизбежную цену экономического роста в переходный период, поэтому антикоррупционная борьба велась, но в основном символически, для демонстрации добрых намерений. Власти на всех уровнях государственного управления оказывались избирательно терпимы к коррупции, полагая, что чрезмерное антикоррупционное давление может затормозить рост благополучия страны, а подготовка новых кадров для государственной службы займет много времени. По этой причине, если чиновник эффективен в достижении поставленных перед ним государством целей, то он скорее всего не будет наказан

¹²⁶中国共产党第十四次全国代表大会文件汇编, 北京: 人民出版社. 2022. P. 70. [Сборник документов XIV Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Народное издательство. – 2022. С. 70].

¹²⁷中华人民共和国简史, 人民出版社. 2021. P. 263. [Краткая история Китайской Народной Республики. Народное издательство. – 2021.].

¹²⁸См., например, Fan Ch., Grossman H. Incentives and Corruption in China Economic Reform // Policy Reform. 2001. P. 195-206; Gong T. The Politics of Corruption in Contemporary China. L.: Praeger, 1994; Wedeman A. Double Paradox: Rapid Growth and Rising Corruption in China. Ithaca: Cornell University Press, 2012; Chan W. Considering the System: The Search for the Effective Anti-Corruption Policy in China // Sanford Journal of East Asia. 2004. Vol. 4. Is. 1. P. 29-34; Chen Y. Transition and Development in China: Toward Shared Growth. Burlington VT: Ashgate, 2009; Ang Y. China's Gilded Age: The Paradox of Economic Boom and Vast Corruption. Cambridge: Cambridge University Press, 2020; Ang Y. Unbundling Corruption: Revisiting Six questions on Corruption // Global Perspectives. 2020. Vol. 1. Is. 1. P. 1-19.

за коррупционное поведение. Следовательно, экономика косвенно получала выгоду от игнорирования коррупции среди бюрократии и партийных чиновников, для которых важен выраженный в цифрах результат, свидетельствующий об их вкладе в экономический рост страны. Однако при этом нельзя не заметить, что при таком отношении к коррупции возникают благоприятные условия для того, чтобы она стала системным явлением, когда чиновники стремятся не к максимизации краткосрочной выгоды, а обеспечивают себе долгосрочный поток доходов при одновременном «врастании» в систему государственного управления.

В период между 2000-ми гг. и 2012 г. продолжается интенсивная реализация идей предыдущего периода. Однако происходит очередное переосмысление основ антикоррупционной политики, акцент переносится на предупреждение и профилактику коррупционного поведения. Несколько десятилетий интенсивной разработки правил и законодательных ограничений привели к пониманию, что они не являются панацеей в решении задачи по снижению уровня коррупции. В частности, исследователи справедливо отмечают, что, с одной стороны, правила учат поступать правильно, но, с другой – они навязываются сверху и не способствуют формированию желаемого осознанного этического поведения государственных служащих. Кроме того, законодатель не может предусмотреть и предвидеть все возможные формы злоупотреблений служебным положением, и разработать исчерпывающий набор правил, регулирующих поведение чиновников. А значит крайне сложно, если возможно, избежать серых зон, неоднозначностей трактовки правил, что открывает возможности для манипулирования правилами. И наконец, практика показывает, что формальные правила и ограничения можно обойти с помощью неформальных практик¹²⁹. Неформальные социальные отношения, типичные для китайского общества, продолжают существовать в современных политико-правовых условиях, остаются важным инструментом разрешения ситуаций, связанных в том числе с получением неправомерного

¹²⁹Gong T., Tu W. Fighting Corruption in China // China Review. 2022. Vol. 22. Is. 2. P. 1–19.

доступа к государственным ресурсам, вызывают дискуссию о допустимости использования, например, межличностных сетей гуаньси в отношениях с представителями бюрократии¹³⁰.

Успешное движение по пути реализации целей реформ и борьбы с коррупцией дало свои плоды, потому что стремительное разрастание частно-рыночных отношений привело к тому, что сократилось монопольное влияние государства на экономику, исчезла основная причина коррупции. По данным исследователей, по состоянию на 2006 г. доля частных компаний в экономике увеличилась до 53,7%. Благодаря членству в ВТО предприниматели стали усваивать и внедрять новые «глобальные стандарты» ведения бизнеса, присоединение Китая к Конвенции ООН о противодействии коррупции также открыло доступ к новым стандартам и практикам борьбы.

На современном этапе с момента прихода к власти Си Цзиньпина поставлена амбициозная задача по кардинальному сокращению уровня коррупции. Действующий политический лидер Китая в первый год своего правления назвал коррупцию экзистенциальной угрозой для правящей партии и государства, констатировав тем самым, что ранее предпринятые усилия внесли вклад в решение проблемы, но не добились искоренения этого порока. Несмотря на тот факт, что на фоне роста коррупции в переходный период Китаю удалось достичь внушительных экономических результатов, в этот период ее масштабы со всей очевидностью стали создавать серьезные проблемы для дальнейшего развития.

С 2012 г. в Китае начинает развиваться самая крупная и амбициозная антикоррупционная кампания, ужесточающая подход к борьбе с коррупцией. Эта политика фундаментально меняет акценты в противодействии коррупции, в новых реалиях необходимо преследовать за коррупционные преступления:

1) не только высокопоставленных чиновников («тигров»), но и рядовых государственных служащих низкого уровня («мух»);

¹³⁰ О роли межличностных сетей гуаньси см. Михайлова О.В., Шао Ц. Социально-культурные аспекты культурного поведения. Опыт Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 178–190.

- 2) чиновников независимо от их должности, выслуги лет, нахождения на пенсии;
- 3) независимо от масштаба злоупотреблений;
- 4) не только должностных лиц, но и членов партии любого уровня.

Одним из лозунгов текущей антикоррупционной политики стал призыв к нулевой терпимости в отношении коррупции, необходимо принимать во внимание не только сами факты коррупции, но и следить за поведением, которое потенциально коррупционное. Эта идея заложена в основу «Кодекса восьми пунктов» (zhōngyāng bā xiàng guīdìng) в целях борьбы с «четырьмя манерами» (sìfēng wèntí). К этим манерам, провоцирующими коррупционное поведение, относятся: формализм, бюрократия, гедонизм и расточительность. Другими словами, граждане часто жалуются на то, что чиновники чрезмерно следуют процедурам, не выполняют свои функции, а имитируют деятельность, они малоэффективны, их устраивает имеющаяся у них должностная позиция, что лишает их новаторского духа и позволяет наслаждаться статус-кво, делает их сумасбродными и расточительными. В итоге по состоянию на октябрь 2022 г., за десять лет действия «Кодекса восьми пунктов»¹³¹, национальные органы по проверке и надзору за дисциплиной рассмотрели 769 000 случаев, нарушающих этот регламент, а также провели просветительскую работу в этих вопросах среди 1097 тыс. чел. 690 000 человек были подвергнуты партийным дисциплинарным и административным взысканиям¹³².

Антикоррупционная политика в этот период движется по следующим основным направлениям.

¹³¹ 中共中央八项规定 (2012) – 中共耒阳市纪律检查委员会、耒阳市监察委员会 [Восемь положений Центрального комитета КПК (2012)] // Комитет по проверке дисциплины и Комитет по надзору г. Лэйян пров. Хунань [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/zhuanli/2022-12/18/content_5732642.htm (дата обращения: 30.04.2023 г.).

¹³² 政观察 | 八项规定实施十年, 69 万人被给予党纪政务处分-正观新闻 [690 000 человек были привлечены к партийной дисциплине и правительственным санкциям за последний десять лет] // Информационный портал "Чжэнгуань синьвэнь" [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1751371600384132320&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.04.2023 г.).

1. Реформирование системы надзора в соответствии с актуальными проблемами системы государственного управления. Например, в 2016 г. проведена реформа национальной системы надзора, которая первоначально была протестирована в разных провинциях, а затем распространена на всю страну. Первоначально, ЦК КПК выпустил инициативу «О пилотном плане реформы национальной системы надзора в Пекине, провинциях Шаньси и Чжэцзян» и создал наблюдательные комитеты для накопления и обобщения опыта. Реформа имеет несколько направлений: (1) объединение в единый Наблюдательный комитет двух ранее действовавших институтов – Народного правительственного бюро по надзору и Бюро по предупреждению коррупции – с передачей функций Народной прокуратуры по расследованию и борьбе с коррупцией и предупреждению преступлений этой направленности; (2) совершенствование внутриорганизационного механизма в пилотных областях, и недопущение роста числа задействованного персонала и объема функций при увеличении необходимых ресурсов на надзор и правоохранные органы; 3) совершенствование регламентов по реализации практических мероприятий по борьбе с коррупционными преступлениями¹³³.

2. Наложение обязанности на членов Коммунистической партии по борьбе с коррупцией в стране. Так, «Положение о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая» предусматривает, что «невыполнение основной обязанности всестороннего и строгого управления партией» или «неэффективное выполнение основной обязанности всестороннего и строгого управления партией» является нарушением политической дисциплины и оформлено в практическую систему ответственности.

3. Руководящая роль в борьбе с коррупцией отводится партийным комитетам. Реализация этого принципа потребовала принятия на XVIII

¹³³ 田坤.党的十八大以来我国反腐败政策措施调整及动因, 马克思主义研究. 2022. Р. 6. [Тянь Кунь. Корректировка и мотивация антикоррупционной политики и мер Китая после 18-го Национального съезда Коммунистической партии моей страны. Марксистские исследования. – 2022. – №6. С. 6–15.].

Всекитайском съезде КП Китая ряда положений о работе дисциплинарной инспекционной комиссии партии, надзоре за дисциплинарными органами партии, о надзоре и обеспечении соблюдения законов надзорными органами и пр. регламенты.

4. Расследование в комплексе фактов получения и дачи взятки, или активной и пассивной форм коррупции.

5. Ужесточение преследования чиновников, сбежавших за границу и вывезших в другие страны капитал, нажитый коррупционным путем. В 2015 г. власти совместно с Интерполом развернули операцию «Скайнет», выпустив предписания на преследование чиновников, бежавших из страны и причастных к серьезным коррупционным правонарушениям. С 2014 г. по 2020 г. было найдено за границей 2 268 членов партии и 21, 531 млрд юаней выведенных денег. В 2021 г. – возвращено 16,740 млрд юаней¹³⁴.

6. Усиление трансграничного контроля за коррупцией. Комиссия Государственного совета по надзору за государственными активами и управлению ими издала Меры по надзору и управлению зарубежными инвестициями центральных предприятий и других систем.

7. Содействие установлению нового международного антикоррупционного порядка. Китай поддерживает Конвенцию ООН против коррупции¹³⁵ как основного института глобального антикоррупционного управления, стимулирует АТЭС к принятию Пекинской декларации о борьбе с коррупцией, Группу двадцати – к принятию «Высших принципов борьбы с коррупцией, преследования беглецов и активов». Китай также запустил «Пекинскую инициативу по Чистому Шелковому пути» для содействия свободной от коррупции инициативе «Пояс и путь». В 2021 г. Чжао Лэцзи, секретарь

¹³⁴ “天网 2021”行动追回外逃人员 1273 人、追回赃款 167.4 亿元-中国新闻网 [Операция «Скайнет2021» вернула 1273 беглеца и 16,74 млрд юаней украденных денег] // Китайская новостная сеть [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1725654640408925219&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 02.05.2023 г.).

¹³⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Un.org [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 30.04.2023 г.).

Центральной комиссии по проверке дисциплины, выдвинул на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по борьбе с коррупцией «Четыре предложения» по международному антикоррупционному сотрудничеству, и получил положительный отклик со стороны международного сообщества.

8. Акцент на развитии и укреплении потенциала институтов по противодействию коррупции. В частности, имеются ввиду следующие направления работы: (1) построение авторитетной и эффективной в вопросах координации системы всеохватного партийного и государственного надзора с китайской спецификой, (2) совершенствование внутрипартийной правовой системы, отвечающей требованиям честности, дисциплины и антикоррупционной практики в новую эпоху (4 декабря 2012 г. Политбюро ЦК КПК провело заседание, на котором были рассмотрены и утверждены «Восемь положений Политбюро ЦК по совершенствованию стиля работы и установлению тесных связей с народом»); (3) обеспечение адекватных правовых положений для борьбы с коррупцией. В 2015 г. поправки к уголовному кодексу повысили стандарты к осуществлению наказания за коррупционные преступления.

9. Совершенствование и укрепление партийной дисциплины. В «Положении о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая»¹³⁶, пересмотренном в 2015 г., отмечены особенности партийной дисциплины и установлены более высокие требования к членам партии. Партийные организации всех уровней управления требуют от ведущих кадров укреплять воспитание и дисциплину не только своих членов, но и уделяют пристальное внимание их родственникам. Укрепление в сознании членов партии посредством формирования семейной этики установки на нежелание быть коррумпированными является одной из главных характеристик противодействия коррупции с китайской спецификой.

10. Усиление антикоррупционного просвещения среди государственных служащих и рядовых граждан. Например, производство художественных фильмов,

¹³⁶ Положение о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая// En.Clfg.com [Электронный ресурс]. URL:<http://en.clfg.com/news/66.html> (дата обращения: 30.04.2023 г.).

играющих воспитательную роль и снижающую уровень терпимости к коррупции (среди зрителей в Китае имели успех фильмы «Красная карточка» и «Нулевая терпимость»).

Среди направлений деятельности по разработке и реализации антикоррупционной политики в современном Китае следует отметить появившийся акцент на разработку философских оснований противодействия. Например, Ван Шоулинь полагает, что важно при проведении антикоррупционной политики соблюдать принцип «не смеет коррумпировать – не может коррумпировать – не желает коррумпировать»¹³⁷. Чжу Фуэнь соглашается, что обозначенный принцип составляет философскую основу китайской антикоррупционной политики¹³⁸.

На современном этапе развития антикоррупционной политики китайское правительство опирается не только на опыт предыдущих лет, но и принимает во внимание успехи в других странах. Один из важных выводов и ориентиров для партии в противодействии коррупции состоит в том, что ключевую роль играет политическая воля руководства страны, понимание того, что без неуклонной готовности противостоять этому пороку государственного управления невозможно получить результат.

Политическая воля важна, потому что антикоррупционная борьба стоит очень дорого, на содержание соответствующих структур, задействованных в выявлении и преследовании коррупционеров необходимо выделять значительные финансовые средства, чтобы в том числе привлекать квалифицированный персонал, закупать современное оборудование. Кроме того, совершенно очевидно, что чиновники, составляя основу систему государственного управления, имеют привилегированное положение, могут манипулировать правилами для извлечения

¹³⁷ 王寿林. 坚定不移推进反腐败斗争 – 新时期我国反腐败斗争发展的历程, 新视野. 2020. [Ван Шоулинь. Неуклонное продвижение борьбы с коррупцией – процесс развития борьбы моей страны с коррупцией в новую эпоху // Новые горизонты. – 2020. №2. С. 45–52.].

¹³⁸ 祝福恩, 石银, 杨恩泽. 巩固发展反腐败斗争压倒性胜利的对策, 理论探讨. 2019. (Чжу Фуэнь, Ши Инь, Ян Эньцзе. Контрмеры по закреплению и развитию убедительной победы в борьбе с коррупцией // Теоретическая дискуссия. – 2019. – № 5. – С.12-20.).

личной выгоды. Бюрократия может оказывать и оказывает серьезное сопротивление любым антикоррупционным инициативам, преодолеть это сопротивление можно только руководствуясь политической волей, воспринимая коррупцию как экзистенциальную проблему. И наконец, борьба с коррупцией – это длительный и сложный процесс, который требует постоянно внимания и усилий со стороны власти, удержать которые возможно только при наличии политической воли.

За годы реформ в Китае не только экономика, но и политика претерпела серьезные изменения. С 1978 г. государство сделало своим приоритетом развитие экономики, в поддержку его оно предоставило провинциальным чиновникам значительную автономию в решении экономических вопросов, так оно стимулировало конкуренцию за получение наиболее впечатляющих результатов роста. Эту модель политико-экономической договоренности описывают, например, как «федерализм, сохраняющий рынок»¹³⁹. Ч. Сюй описывает ее как «сочетание политической централизации и экономической децентрализации» и назвал ее «региональной децентрализованной системой власти»: центральное правительство контролирует кадровые вопросы местных органов власти и управляет ключевыми секторами экономики (банки, энергетика, железнодорожное сообщение и пр.) и передает чиновникам на субнациональном уровне власти управлять большей частью экономики¹⁴⁰.

С конца 2012 г. начался процесс усиления централизации власти. Акцент был сделан на политическое лидерство Коммунистической партии Китая в ее отношении с правительством и системой государственного управления в целом. Если в 1987 г. был выдвинут лозунг о «разделении партии и правительства», который предполагал, что они выполняют разные функции, то в докладе XIX Съезда отмечается, что партия осуществляет всестороннее руководство всеми

¹³⁹ Montinola G., Qian Y., Weingast R. Federalism Chinese style: the Political Basis for Economic Success // World Politics. 1995. Vol. 48. Is. 1. P. 50-81.

¹⁴⁰ Xu Ch. The Fundamental Institutions of China's Reforms and Development // Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49. Is. 4. P. 1076-1151.

делами во всей стране¹⁴¹. Доклад на XX Съезде подтвердил, что руководство КПК определяющей характеристикой социализма с китайской спецификой, и поддержание централизованного и единого руководства ЦК партии является высшим политическим преимуществом¹⁴². Таким образом произошло углубление партийного контроля над государственными структурами.

¹⁴¹ Full text of Xi Jinping's Report at 19th CPC National Congress. October 18. 2017 http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (дата обращения: 20.08.2023)

¹⁴² Full text of the report to the 20th National Congress of Communist Party of China. October 25. [Электронный ресурс]. – 2022. –URL: <https://english.news.cn/20221025/8eb6f5239f984f01a2bc45b5b5db0c51/c.html> (дата обращения: 20.08.2023 г.).

§2. Механизмы и способы противодействия коррупции¹⁴³

Динамика антикоррупционной политики и предпринимаемые меры противодействия ей в разные годы отличались. По точному замечанию российского эксперта, Директора антикоррупционного Центра НИУ ВШЭ А. Конова, «удачные решения в сфере коррупции быстро устаревают»¹⁴⁴.

В целом характеризуя эту динамику, следует отметить, что:

1) в 1980-х гг. – 1990-х гг. несмотря на высокий уровень единства центральной власти, дисциплинарные меры в отношении коррумпированных должностных лиц не были очень строгими, потому что основное внимание уделялось экономике;

2) с середины 1990-х гг. до октября 2012 г. центральное правительство стало полагаться на институты для наказания коррумпированных чиновников, а также продолжило разрабатывать всеобъемлющие правила и регламентации поведения;

3) с конца 2012 г. последовала централизация, которая изменила механизмы и способы антикоррупционной борьбы, был сделан выбор в сторону

¹⁴³При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Михайлова О. В., Шао Ц. Механизмы и технологии противодействия коррупции в современном Китае // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2024. №1. С. 82–87 (объем 0,6 п.л., личный вклад – 0,4 п.л.).

Шао Ц. Приоритеты и направления развития антикоррупционной работы Китая в ближайшие пять лет // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Том 14. №3. С. 909–914 (объем 0,5 п.л.).

¹⁴⁴Удачные решения в сфере коррупции быстро устаревают // Научный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL:<https://www.hse.ru/news/communication/540067377.html> (дата обращения: 10.07.2023 г.).

единоличного руководства партией, которая взяла на себя ответственность за поведение всех должностных лиц в системе государственного управления.

С этого момента по настоящее время курс взят не просто на противодействие коррупции, а на внутрипартийное очищение, искоренение коррупции как аморального поведения, что и объясняет то, что основным механизмом стала дисциплина и надзор за ней. Это очень точно сформулировал ответственный за дисциплину в КПК Ван Цишань, который сказал, что для того, чтобы реализовать китайскую мечту, необходимо предпринять три шага, чтобы скорректировать внутрипартийные отношения: во-первых, чиновники не должны осмеливаться вступать в коррупционные отношения, во-вторых, предотвратить возможности коррупционного поведения, в-третьих, они не хотят быть коррупционерами, чтобы мы смогли реализовать китайскую мечту.

Антикоррупционная политика в Китае разрабатывается и реализуется при активной позиции государства, типичная для западных политических система институциональных сдержек и противовесов отсутствует. Она полагается на политическую волю руководства правящей партии, которая ведет ее по двум направлениям: в отношении государственной службы и в отношении партийных функционеров. При доминировании модели «сверху вниз» противодействие коррупции опирается на нормотворчество, ограничивающее поведение чиновников и партийцев, а также централизованную систему надзора за дисциплиной.

Кроме этого, в системе государственного управления широкое распространение получила практика проведения пилотных проектов при реализации государственной политики в разных сферах, в том числе и в вопросах противостояния коррупции. Крупные нововведения руководство КПК тестирует в отдельных провинциях, получает обратную связь, после чего принимает решение о расширении до территории всей страны. В то же время руководство КПК поощряет инициативу на местном уровне, чтобы власти на уровне провинций также включались в процесс поиска успешных механизмов и способов решения актуальных задач. Благодаря экономическим реформам и административной

децентрализации высокопоставленные чиновники на местном уровне включаются активно даже не в процесс разработки предложений, а в проведение экспериментов с новыми решениями. Двигателем внедрения новых практик является в том числе и поощряемая властями горизонтальная конкуренция между руководителями на уровне провинций¹⁴⁵. Свидетельством успехов китайских руководителей регионального уровня в вопросе реализации инновационных управленческих проектов является повышенное внимание академического сообщества к этому аспекту их деятельности¹⁴⁶.

Предпринимая серьезные усилия по повышению эффективности антикоррупционной политики, руководство КПК приветствует инициативу местных властей предлагать новые способы, потому что понимает важность усиления борьбы на низовом управленческом уровне. Исходя из этого, противодействие коррупции на местном уровне стало одним из самых значимых направлений деятельности руководителей, важным критерием оценки эффективности их деятельности. Однако поощрение инновационных управленческих решений даже в области антикоррупционной деятельности не означает, что все даже успешные решения будут приняты на национальном уровне как решение для других регионов и местных властей. Новые подходы, как правило, вызывают сопротивление у влиятельных групп, если угрожают им значительными потерями, они могут оказаться преждевременными, несоответствующими специфике политической системы, непонятными для широкой общественности и ключевых политических акторов, могут быть очень финансово и административно затратными, могут быть некорректно реализованными.

¹⁴⁵Zhu X. Inter-regional Diffusion of Policy Innovation in China: A Comparative Case Study // *Asian Journal of Political Science*. 2017. Vol. 25. Is. 3. P. 266-286.

¹⁴⁶См., например, Wei L., Li W. Divergence and Convergence in the Diffusion of Performance Management in China // *Public Performance & Management Review*. 2016. Vol. 39. Is. 3. P. 630–654; Liang M. The Diffusion of Public Service Innovation: An Empirical Analysis of Public Bicycle Programs in Chinese Cities // *Journal of Public Administration*. 2016. Vol. 8. Is. 3. P. 51–78; Mei C., Liu Zh. Experiment-Based Policy Making or Conscious Policy Design? The Case of Urban Housing Reform in China // *Policy Sciences*. 2014. Vol. 47. Is. 3. P. 321–337. Wu J., Ma L., Yang Y. Innovation in the Chinese Public Sector: Typology and Distribution // *Public Administration*. 2013. Vol. 91. Is. 2. P. 347–365; Zhu X., Zhang Y. Political Mobility and Dynamic Diffusion of Innovation: The Spread of Municipal Pro-business Administrative Reform in China // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2015. Vol. 26. Is. 3. P. 535–551.

В Китае используются два подхода к поиску новых управленческих решений:

1) новые управленческие подходы инициирует центральное правительство и первоначально реализует их в форме пилотных проектов в выбранных провинциях или городах, по итогам оценивает успешность нового подхода и принимает решение о распространении его на всю страну;

2) новые управленческие подходы инициируют местные власти для адаптации проводимой государственной политики к локальным условиям.

Серьезная антикоррупционная реформа в Китае началась с пилотных проектов, инициированных по модели «сверху вниз». В 2016 г. ЦК КПК начала преобразование системы государственного надзора с целью укрепления антикоррупционных органов и наделения их достаточными полномочиями. Новая система надзора должна быть направлена не только на государственных служащих, но и на всех сотрудников государственных учреждений (больницы, школы, учреждения культуры, государственные предприятия). Содержательно предполагалось объединение всех институтов, занимавшихся борьбой с коррупцией, в одно крупное государственное ведомство, учреждение надзорных комитетов на всех управленческих уровнях. Таким образом предполагалось создание единой эффективной системы борьбы с коррупцией.

В качестве «контрольных точек» власти выбрали три провинции – Пекин, Шаньси и Чжэцзян. В 2017 г. в провинции Шаньси создана первая провинциальная Надзорная Комиссия, потом аналогичная Комиссия создана в Пекине и Чжэцзяне. В течение года число поднадзорных государственных служащих в Пекине увеличилось с 210 000 чел. до 9 920 000 чел., в Шаньси выросла на 18,74%, в Чжэцзяне – на 83,02%, по сравнению с тем же периодом предыдущего года¹⁴⁷.

Как отмечают исследователи, Комиссия в Чжэцзяне по собственной инициативе решали легализовать практику задержания «лючжи» (liúzhì), заменяющую используемую китайскими властями практику «шуангуй»

¹⁴⁷Подробно кейс описан Gong T., Yang S. Why Do Innovations Succeed or Fail? Local Anti-Corruption Reform in China // China Review. 2020. Vol. 20. Is. 4. P. 69-94.

(shuāngguī). Новаторство этой практики задержания состояло в том, что она распространялась как на партийных функционеров, так и беспартийных государственных служащих, подозреваемых в коррупции, а доказательства, собранные в ходе внутреннего расследования, могли быть переданы в прокуратуру. Эта инициатива была быстро принята на национальном уровне, ее одобрило Всекитайское собрание народных представителей, что совпало с заявлением Си Цзиньпина о необходимости отказаться от нелегальной практики шуангуи.

Власти Китая оценили пилотные проекты как успешные и в 2018 г. Си Цзиньпин провел серьезную реформу антикоррупционных учреждений, создал новый механизм противостояния коррупции посредством бюрократических методов.

До этого момента власти Китая в антикоррупционной борьбе опирались на децентрализованную модель, которая предполагала разделение сфер антикоррупционной борьбы между партийными и государственными структурами («контроль озера с большим количеством драконов»). Со стороны Коммунистической партии функционировала Центральная комиссия по проверке дисциплины, которая является высшим органом внутривластного контроля за действиями ее членов. При этом надо понимать, что членами КПК являются 80% государственных служащих и 95% ведущих должностных лиц системы государственного управления. Принимая во внимание охват, Комиссию можно с уверенностью было называть основным антикоррупционным институтом в стране. Со стороны государственных структур антикоррупционная система была представлена тремя институтами:

1. Министерство контроля КНР, отвечающее за эффективность и транспарентность действий правительства и противодействие коррупции в рядах большой группы государственных служащих, не являющихся членами КПК.

2. Национальное бюро по предупреждению коррупции, сотрудники которого разрабатывали меры по совершенствованию антикоррупционной политики и занимались координацией международного сотрудничества в этой

области, осуществляли превентивные меры. В отличие от аналогичных антикоррупционных агентств в других странах, китайское бюро не обладало независимостью, поэтому влияние на борьбу со злоупотреблениями незначительно.

3. Специализированные подразделения Верховной народной прокуратуры, которые отвечали за ведение расследований различных видов коррупционных преступлений.

4. Полицейские департаменты всех управленческих уровней, отвечающие за расследование коррупционных преступлений, совершенных негосударственными работниками в частных организациях.

Центральная комиссия Коммунистической партии по проверке дисциплины обоснованно всегда считалась не только самым влиятельным антикоррупционным институтом, но и наводящих страх на партийцев-коррупционеров ¹⁴⁸. Организационно Комиссия состоит из 27 департаментов с численностью сотрудников более 1000 чел., которые собирают информацию о злоупотреблениях из самых разных источников, начиная от классических жалоб, заканчивая сообщениями в интернете. Комиссию часто критикуют внешние наблюдатели за внеправовой характер ее деятельности, так как она выдает уличенных в коррупции партийных чиновников органам прокуратуры и для дальнейшего судебного преследования только после проведения собственного расследования и сбора доказательств, а может этого не делать, ограничиваясь внутрипартийными взысканиями (предупреждение, исключение из партии с испытательным сроком, исключение из партии навсегда).

Несмотря на значительные возможности Комиссии противостоять коррупции в партии, она не является независимой от руководства КПК, поэтому не может завести дело без предварительного согласования. Первоначально на члена партии поступает жалоба с обоснование достоверности излагаемых фактов, но

¹⁴⁸См. подробнее Guo X. Controlling Discipline in the Party: China's Central Discipline Inspection Commission // The China Quarterly. 2014. No. 209. P. 597-624.

формальное принятие жалобы к рассмотрению происходит, исходя из партийного и правительственного статуса подозреваемого. Если предполагается возбудить дело в отношении чиновников уровня вице-министра или заместителя губернатора, то оно должно получить одобрение со стороны Постоянного комитета Комиссии. Отдельные дела Постоянный комитет Комиссии должен согласовывать и заручаться поддержкой всех членов Постоянного комитета Политбюро. Существует также категория дел, затрагивающих членов Политбюро, тогда согласование необходимо получать от ветеранов и почетных членов Коммунистической партии, сохраняющими влияние на партийное руководство.

После одобрения возбуждения дела против коррумпированного члена партии он попадает в полное распоряжение Комиссии, а не передается правоохранным органам. В отношении обвиняемого ранее применялась система задержания и заключения «шуангуй» (shuāngguī), которая критиковалась в том числе правозащитными организациями, о ее отмене заявил в одном из выступлений Си Цзиньпин, впоследствии ее заменил другой подход к задержанию. Использование этой системы производило на партийных чиновников устрашающий эффект, потому что в соответствии с внутренними регламентами Комиссия после официального принятия дела вызывала подозреваемого и заключала под стражу на неопределенное время в неизвестном ни для кого месте без права общения с родственниками и адвокатом.

Иначе говоря, шуангуй – это форма задержания и одиночного заключения подозреваемого, применяемая органами, не имеющими полномочий арестовывать или задерживать. В действующем законодательстве эта форма не упоминается, она была введена в середине 1990-х гг. административным положением, касающемся дисциплины государственных служащих. В 1994 г. эта практика была введена для членов партии¹⁴⁹. Шуангуй может использоваться только в случае, если Комиссия собрала достаточно доказательств, подтверждающих факты коррупции партийным

¹⁴⁹Sopio F. Shuanggui and Extra-legal Detention in China // China Information. 2008. Vol. 22. Is. 1. P. 7-37.

чиновником, наказуемые внутрипартийными санкциями. Подозреваемый может содержаться от двух дней до шести месяцев в любом месте (больничная палата, гостиничный номер и пр.), его могут вывезти в другой город, чтобы избежать вмешательства в разбирательство «местного протекционизма» и влияния сетей гуаньси. О применении такой меры не сообщают родственникам, запрещают участвовать в расследовании, встречаться с адвокатом, а также он на время изоляции лишается своей должности, за подозреваемым следят, чтобы он не совершил самоубийства. Задержанный оказывается под сильным психологическим прессингом, потому что он изолирован от общения, не знает о содержании собранных против него доказательств.

Если по итогам расследования и слушаний подозреваемый признается виновным, то в отношении него применяются меры дисциплинарного воздействия внутрипартийного характера: внутрипартийное предупреждение, исключение из партии с отсрочкой на два года, исключение из партии навсегда. При необходимости дело передается в прокуратору для расследования и привлечения к ответственности по уголовному законодательству. В этом случае обвиняемому может быть вынесено наказание, в том числе тюремное заключение, пожизненный срок или даже смертная казнь. Чж. Линь обобщил данные, исследовал 2429 кейсов в период с 1993 по 2010 г. и выявил, что 83% чиновников были приговорены к тюремному заключению, 8,52% – к пожизненному заключению, к смертной казни с отсрочкой исполнения – 5,56%, к смертной казни – 2,88%¹⁵⁰.

Главная особенность статуса Центральной комиссии Коммунистической партии по проверке дисциплины состоит в том, что она работает вне действующей судебной системы, самостоятельно решает, какое наказание будет вынесено подозреваемому в коррупции партийному чиновнику. Наказание напрямую зависит от тяжести коррупционного преступления. Прокураторе и судебной системе подозреваемый выдается, если он взял взятку в размере свыше 5000 юаней.

¹⁵⁰Lin Zh. Punishing Corrupt Officials in China // China Quarterly. 2015. No. 223. P. 595-617.

При этом исследователи фиксируют, что преследованию подвергаются прежде всего чиновники низших рангов, а высокопоставленные чиновники и партийные функционеры уходят от ответственности. По данным Чж. Линь из 2854 привлеченных к ответственности 42% – уровень мэра и ниже, 3% – заместитель губернатора и выше¹⁵¹. Однако верно и то, что чиновники высшего уровня подвергаются более суровому наказанию для усиления сдерживающего эффекта. Исследователи отмечают, что руководство КПК прекрасно понимает, что от его легитимность сильно связана с успехами по борьбе с коррупцией, которая вызывает разрежение и возмущение у общества. По этой причине, с одной стороны, важно демонстрировать, что высокопоставленные должностные лица, уличенные в коррупции, сурово наказываются. Например, в течение 25 лет, предшествовавших 2012 г., дисциплинарным мерам было подвергнуто 100 чиновников, занимающих должности заместителей губернатора и выше. 6 из 90 чиновников были приговорены к смертной казни, 26 – к смертной казни с условным сроком исполнения, 16 – к пожизненному заключению, 42 – к тюремному заключению¹⁵². Лю Фанжэнь (Liú Fānggrén), бывший секретарь провинциального комитета Гуйчжоу был приговорен к пожизненному заключению в 2004 г. за получение взятки¹⁵³. В 2005 г. бывший министр земель и ресурсов Тянь Фэншань (Tián Fèngshān) был приговорен к тому же заключению за взяточничество в размере 4 млн юаней¹⁵⁴. В 2003 г. бывший губернатор провинции Юньнань Ли Цзятин, осужденный за получение взятки, был приговорен к смертной казни¹⁵⁵, Генерального секретаря провинциального комитета КПК Хэбэй Ли Чжэнь (Lǐ Zhēn) был осужден в 2002 г.

¹⁵¹ Lin Z. Punishing Corrupt Officials in China // China Quarterly. 2015. No. 223. P. 595-617.

¹⁵²一百多名部级官员腐败案-中新网 [The corruption of more than 100 ministry-level officials] // China News Network [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/legal/2012-03/29/c_122906150.htm (дата обращения: 15.06.2023 г.).

¹⁵³ 刘方仁 [Лю Фанжэнь] // Байду Байкэ [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/刘方仁/5525297> (дата обращения: 10.10.2025 г.).

¹⁵⁴ 田凤山 [Тянь Фэншань] // Байду Байкэ [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/田凤山/4856699> (дата обращения: 10.10.2025 г.).

¹⁵⁵ 李嘉廷 [Ли Цзятин] // Байду Байкэ [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/李嘉廷/5525698> (дата обращения: 10.10.2025 г.).

за получение взятки и также приговорен к смертной казни¹⁵⁶. Бывший заместитель министра общественной безопасности Ли Цзичжоу также был приговорен к смертной казни в 2001 г. за получение взятки¹⁵⁷.

Применение сурового наказания в отношении коррупционеров высокого государственного статуса обладает сдерживающим эффектом, но также существует традиция не налагать юридического наказания на партийных чиновников такого уровня, чтобы сохранить благоприятный имидж партии в глазах общества и предотвратить падение доверия. По этой причине благодаря действия Комиссии КПК ограничивается внутрипартийными расследованиями и привлечением к ответственности при условии, что подозреваемый соглашается сотрудничать со следствием и возвращает доходы, полученные в результате коррупционных действий.

В 2018 г. проводится реформа антикоррупционных институтов, предполагающая переход от децентрализованной к централизованной модели реализации антикоррупционной политики. В частности, принимается важная поправка к Конституцию от 11 марта 2018 года на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва о создании Государственного контрольного комитета¹⁵⁸, а также принимается Закон о национальном надзоре¹⁵⁹. Государственный контрольный комитет¹⁶⁰ возглавляет все местные комитеты на провинциальном, городском и окружном уровнях и осуществляет надзор за всеми государственными служащими, независимо от партийной принадлежности и государственного института, в котором они

¹⁵⁶ 李真 [Ли Чжэнь] // Байду Байкэ [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/李真/1030533> (дата обращения: 10.10.2025 г.).

¹⁵⁷ 李纪周 [Ли Цзичжоу] // 百度百科 [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/李纪周/3908357> (дата обращения: 10.10.2025 г.).

¹⁵⁸ 中华人民共和国宪法修正案 (2018) — 中国人大网 [Поправка к Конституции Китайской Народной Республики (2018) — Китайская народная сеть] [Электронный ресурс]. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-03/12/content_2049190.htm (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁵⁹ 中华人民共和国监察法 - 中华人民共和国最高人民检察院 [Закон Китайской Народной Республики о надзоре - Верховная народная прокуратура Китайской Народной Республики] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/202502/t20250205_700641.shtml (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁶⁰ 中共中央纪律检查委员会、中华人民共和国国家监察委员会官方网站 [Официальный сайт Центрального комитета партии по проверке дисциплины и Государственный контрольный комитет Китайской Народной Республики] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ccdi.gov.cn> (дата обращения: 30.04.2023 г.).

работают (КПК, правительство, народные собрания, прокуратуры, государственные предприятия, учреждения образования, науки и культуры и пр.)¹⁶¹. Главная особенность этого Комитета состоит в том, что он имеет конституционный статус, стоит в одном ряду с Верховной прокуратурой и Верховным народным судом. При этом прокуратуру лишили полномочий по расследованию дел о коррупции. В итоге получилось, что институциональную основу Комитета составили Центральная комиссия по проверке дисциплины КПК и Министерство контроля КНР. Новая Комиссия регулируется формальными правилами и процедурами, охватывающими деятельность по ведению расследований, задержанию подозреваемых в коррупции и возможного судебного преследования.

По оценкам исследователей, новая система может эффективно консолидировать антикоррупционные силы, сократить дублирование функций по ведению расследований и разрешить существовавшие конфликты¹⁶². Создание этого Комитета не только обещает повысить число антикоррупционных расследований, но и прозрачность этого процесса благодаря конституционному статусу Комитета¹⁶³. Комитету предоставляются новые следственные полномочия, похожие на шуангуй, по содержанию под стражей в течение шести месяцев с информированием родственников о факте заключения, но без права на адвоката (лючжи), впервые примененная в период пилотного проекта в провинции Чжэцзян.

Ожидается, что созданная централизованная институциональная система реализации антикоррупционной политики, позволит повысить эффективность работы в вопросах сдерживания коррупционного поведения должностных лиц в системе государственного управления. Способствовать этому должен также и

¹⁶¹ 中华人民共和国宪法 (2018 年修订全文)- 中国人大网 [Конституция Китайской Народной Республики (пересмотренная в 2018 году)] // Китайская народная сеть [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-03/22/content_2052489.htm (дата обращения: 02.05.2023 г.).

¹⁶² Li L., Wang P. From Institutional Interaction to Institutional Integration: The National Supervisory Commission and China's New Anti-Corruption Model // *The China Quarterly*. 2019. No. 240. P. 967-989.

¹⁶³ Zhang T., Ginsburg T. China's Turn Toward Law // *Virginia Journal of International Law*. 2019. Vol. 59. Is. 2. P. 306-389.

более высокий уровень независимости Комитета в свои действиях.

Помимо усилий КПК в национальном масштабе на уровне провинций с разной степенью успешности внедрялись и другие практики антикоррупционной борьбы. Удачным, но не получившим широкого распространения в стране стал проект, реализованный в Цяньхай, или Цяньхай Шэньчжэнь-Гонконгской зоне сотрудничества в области современной сферы услуг¹⁶⁴. Создавая в начале 2010-х гг. эту зону, власти Цяньхай прекрасно понимали, что она уязвима для коррупции и необходимо предусмотреть эффективную антикоррупционную систему, так как в ней планировалось реализовывать грандиозные финансовые проекты. Будучи вдохновленными успешным антикоррупционным опытом Гонконга, руководство Цяньхай учредило Антикоррупционное бюро. Эта структура, объединила в себе функции проверки партийной дисциплины, надзора за государственными служащими, судебного преследования. Для материкового Китая такая практика считалась самой настоящей инновацией и очень нестандартным антикоррупционным шагом. В Бюро действует отдел, который занимается расследованиями жалоб на факты коррупции и обеспечением соблюдения законности, другой отдел ориентирован в своей работе на профилактику коррупционных правонарушений, его сотрудники разрабатывают правила и рекомендации по предупреждению злоупотреблений, ведут работу с общественностью, повышают уровень ее осведомленности о негативных последствиях коррупции.

Бюро уполномочено вести расследование коррупционных действий чиновников, уполномочено получать всю необходимую информацию о подозреваемых в коррупции лицах (финансовые операции, документы на недвижимость, совершение поездок), после сбора достаточных доказательств в совершении преступления задерживать и допрашивать подозреваемых. Профилактическая работа проводится, например, а части урегулирования

¹⁶⁴Подробно кейс описан Gong T., Yang S. Why Do Innovations Succeed or Fail? Local Anti-Corruption Reform in China // China Review. 2020. Vol. 20. Is. 4. P. 69-94.

конфликта интересов. Для этого было разработано специальное Положение о предотвращении конфликта интересов, более 700 государственных служащих подписали согласие на раскрытие информации об имеющемся у них конфликте интересов. Главная особенность Бюро состоит в том, что оно не является полностью независимым, а контролируется Дисциплинарной Инспекцией г. Шэньчжэнь, финансируется из городского бюджета, а большинство сотрудников ранее работали в прокуратуре, инспекциях и ревизионных комиссиях.

Этот опыт признан успешным, чему благоприятствует географическая близость к Гонконгу, где достигнуты большие успехи в противодействии коррупции, однако на материковый Китай она не распространяется, в силу своей несовместимости с общенациональным подходом в этой сфере.

Если в Пекине, Шанси и Чжэцзяне пилотный проект по централизации антикоррупционной системы институтов проходил под патронажем ЦК КПК, то аналогичный процесс самостоятельно запустили в районе Хэнцзинь, расположенном в южной части г. Чжухай, который находится рядом с Макао и Гонконгом и является точкой пересечения «одной страны, двух систем», коммерческим центром, соединяющим материковый Китай с Макао и Гонконгом. В 1990-е гг. этот город превратился в зону свободной торговли провинции Гуандун¹⁶⁵. В этом районе местные власти в 2011 г. объединили четыре антикоррупционных органа в комплексное Управление добросовестности. Однако оно просуществовало недолго, так как возникли проблемы с его юрисдикцией, интеграцией в действующее китайское законодательство, конфликт с общим антикоррупционным подходом страны.

В 2010 г. в городском округе Цзянмынь провинции Гуандун местные власти провели необычную реформу по созданию специального пенсионного фонда, финансируемого частично самими государственными служащими (50%), частично

¹⁶⁵ Подробно кейс описан Gong T., Yang S. Why Do Innovations Succeed or Fail? Local Anti-Corruption Reform in China // China Review. 2020. Vol. 20. Is. 4. P. 69-94.

из бюджета (50%)¹⁶⁶. Предполагалось, что не коррумпированным чиновникам будет разрешено снимать 70% накопленных средств каждые 5 лет, а оставшуюся сумму получить после выхода на пенсию. Если же чиновник окажется уличенным в коррупции, то в зависимости от тяжести вынесенного приговора, он лишается части средств. Например, ему вынесли предупреждение, то есть было совершено незначительное нарушение, то уровень снизится до 50%, а если исключили из партии, то есть было совершено крупное нарушение, то чиновник лишается доступа к своим взносам навсегда. В случае, если факт коррупции будет вскрыт уже после выхода чиновника на пенсию, то в зависимости от тяжести преступления будут вычитаться средства из его пенсионного обеспечения. На подготовку этой реформы ушло два года, власти старались тщательно подойти к ее позиционированию, но в итоге эта система действовала несколько месяцев. Общество посчитала, что это скрытая форма увеличения заработной платы бюрократии. Хотя в отличие от других методов антикоррупционной борьбы, этот способ был ориентирован на самоорганизацию, мотивацию добросовестного и честного поведения на государственной службе.

Антикоррупционная политика Китая направлена на преследование не только чиновников, которые получают взятки и злоупотребляют своими должностными полномочиями в личных целях, но и без внимания не оказываются взяткодатели, а именно частные компании, которые очень часто инициируют коррупционные сделки с чиновниками. И в случае с взяткополучателями, и в случае с взяткодателями существуют серьезные проблемы и ограничения в ведении борьбы с коррупцией. В первом случае власти понимают, что невозможно привлечь к ответственности всех чиновников, уличенных в коррупции. Это разрушит систему государственного управления, так как на подготовку новых специалистов уходят многие годы, а превращение их в профессионалов занимает десятилетия. По этой причине власти ищут более тонкие подходы, которые позволяют не разрушить

¹⁶⁶Подробно кейс описан Gong T., Yang S. Why Do Innovations Succeed or Fail? Local Anti-Corruption Reform in China // China Review. 2020. Vol. 20. Is. 4. P. 69–94.

систему и при этом наказывать коррупционеров. В этом плане накоплен большой административный и бюрократический опыт. Во втором случае риски привлечения частных компаний к уголовной ответственности также очень велики, потому что она влечет за собой ущерб для невиновных в коррупции сотрудников этих компании в случае ее ликвидации и другие экономические и финансовые последствия. Иначе говоря, цена привлечения компании, которая дает взятки, может быть очень высока для общества, тем более при таких серьезных масштабах коррупции. Следовательно, необходимо также искать более тонкие механизмы для преследования взяткодателей в лице частных компаний.

Основываясь на опыте США, Великобритании и Франции, китайский власти начали постепенно внедрять совершенно новый антикоррупционный механизм – корпоративный комплаенс без судебного преследования. В 2020 г. в шести прокуратурах был запущен пилотный проект по использованию этого механизма. Предусмотрено два режима реализации, один из которых носит рекомендательный характер, а второй – обязательный): режим прокурорского предписания и режим условного отказа от уголовного преследования. Применение механизма корпоративного комплаенса распространяется только на компании, которые совершили незначительное коррупционное преступление, требующее уголовного наказания.

Режим прокурорского предписания запускается, когда компания совершила незначительное коррупционное преступление, признала свою вину и готова принять соответствующее наказание. В этом случае прокурор принимает решение отказаться от уголовного преследования и выдвигает компании конкретные требования-рекомендации, которым она должна соответствовать и придерживаться в дальнейшей своей деятельности.

Режим отказа от уголовного преследования предполагает, что прокуратура принимает решение отложить преследование частной компании, которая совершила незначительное коррупционное преступление, установить условно-досрочное освобождение для нее, а окончательное решение об освобождении от

уголовного преследования или снятия обвинения принимается в зависимости от того, насколько успешно компания будет выполнять возложенные на нее требования по ведению деятельности, свободной от коррупции.

Процедурно для реализации этого режима требуется проведение специальных прокурорских слушаний. Иногда проводятся два заседания: на первом слушании экспертами выдвигаются требования для корпоративного комплаенса, на втором – проверяется соответствия в срок от одного до двенадцати месяцев, а иногда и до двух лет. В слушаниях принимают участия все заинтересованные и вовлеченные стороны, включая адвокатов и следственные органы. По итогам за компанией устанавливается надзор третьей стороной, которая может быть представлена юридической или бухгалтерской фирмой, случайно отобранной из заранее подготовленного списка организаций, которые могут осуществлять такой надзор. Именно этот режим считается специалистами более действенным, потому что носит обязательный характер, стимулирует компании следовать требованиям и отказываться от коррупционных практик.

Таким образом, суть корпоративного комплаенса без судебного преследования – декриминализировать кампании, совершившие незначительные коррупционные преступления, предполагающие уголовное преследование. Благодаря этому достигается два важных эффекта: снижается нагрузка на систему и соблюдается общественный интерес, так как компании не ликвидируются, а наоборот принимают на себя обязательство повысить стандарты своей деятельности, что в перспективе должно продемонстрировать позитивный результат в виде снижения количества и масштабов коррупционных сделок. Чем меньше частные компании будут инициировать таких сделок, следуя стандартам, тем меньше будет источников коррупции и меньше чиновников, вовлеченных в эти преступления¹⁶⁷.

¹⁶⁷陈瑞华. 刑事诉讼的合规激励模式. 2020. 6. [Чэнь Жуйхуа. Способы поощрения корпоративного комплаенса в уголовных делах // Журнал. 2020. № 6. С.227-245]; An Overview of Pilot Reform on Corporate Compliance Non-prosecution in Criminal Cases // Rplawyers [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rplawyers.com/> (дата обращения: 10.08.2023 г.); 李玉华. 企业合规本土化中的“双不起诉” [Li Y. Non-prosecution: their digitization of Corporate

Новым вызовом для государства становится быстрая цифровизация, одним из важных последствий которой стало появление метавселенных, которые представляют собой миры в виртуальном пространстве, которые действуют в режиме реального времени, не зависят от внешних факторов, при этом его участники могут создавать, владеть, инвестировать, продавать и получать вознаграждение за широкий спектр виртуальных услуг. Иначе говоря, метавселенные представляют собой новые способы взаимодействия между людьми, перенесенные в цифровую форму.

Метавселенная построена на Web 3.0, последней версии всемирной паутины, основана на блокчейн-технологиях, децентрализованном управлении и данных, крипто активах и искусственном интеллекте, расширяет реальность интернет вещей¹⁶⁸. При этом в метавселенной люди взаимодействуют не непосредственно друг с другом, а через свои аватары через технологии виртуальной реальности, они могут быть анонимными, что является серьезным вызовом для правоохранительных органов и в борьбе с коррупцией. По оценкам экспертов метавселенные становятся быстро растущей площадкой для зарабатывания денег, а к 2030 г. объем их экономики может составить \$13 млрд.

В связи с этим в эпоху цифровизации правительства разных стран проявляют интерес к цифровой валюте, в которой видят большой потенциал для решения, в том числе и проблемы коррупции. В Китае в апреле 2020 г. правительство

Compliance in China // Legal System and Social Development. 2022. №. 1. P. 26–39]; 李勇. 检察视角下中国刑事合规之构建. [Yong Li. Constructing Corporate Compliance in Chinese Criminal Proceedings: A Prosecutorial Perspective // Journal of National Prosecutors College. 2020. Vol. 4. P. 106–112]; 李奋飞. 论企业合规检察建议. [Fenfei Li. On Prosecutorial Suggestions on Corporate Compliance // The Chinese Journal of Criminal Law. – 2021. – Vol. 3. P. 103–110]; 陈瑞华. 企业合规视野下的暂缓起诉协议制度 [Chen R. On the Deferred Prosecution Agreement Institution: A Perspective of Corporate Compliance // Journal of Comparative Legal Studies. 2020. Vol. 1. P. 10–18.]; 刘少军. 企业合规不起诉制度本土化的可能及限度 [Liu Sh. The Possibility and Limitation of the Indigenization of Corporate Compliance Non-prosecution // The Journal of Legal Science. 2021. Vol. 1. P. 54–57]; 卫跃宁. 由“国家在场”到“社会在场”:合规不起诉实践中的法益结构研究 [Wei Yu. From State-present to Society-present: Research on the Structure of Legal Interest in Corporate Compliance Non-Prosecutions // Journal Legal Sciences. 2021. Vol. 1. P. 42–50]; 欧阳本祺. 我国建立企业犯罪附条件不起诉制度的探讨 [Ouyang B. Establishing Conditional Non-Prosecution for Corporate Crimes in China // Journal of Chinese Criminal Law. 2020. Vol. 3. P. 65–69.].

¹⁶⁸См., например, Dwivedi Y. et. All Metaverse Beyond the Hype: Multidisciplinary Perspectives on Emerging Challenges, Opportunities, and Agenda for Research, Practice, Policy // International Journal of Information Management. 2022. Vol. 66. P. 2–55.

запустило четыре пилотных проекта по внедрению в практику цифрового юаня (Сучжоу, Чэнду, Шэньчжэнь и Сюнган). В частности, в 2020–2021 гг. правительство протестировало бета-версию цифровой валюты с помощью технологии «вертолетных денег» – прямого распределения капитала среди широкой публики. Во время празднования лунного Нового года в феврале 2021 г. в некоторых магазинах Сучжоу прошли лотереи. Жители могли использовать номер своего удостоверения личности, чтобы скачать приложение для цифрового кошелька и получить 200 юаней. Аналогичная программа реализовывалась и в других городах¹⁶⁹.

Спустя три года (в апреле 2023 г.) пилотная программа была расширена, охватив более 20 городов в 17 провинциях¹⁷⁰. Одновременно в 2021 г. власти Китая официально запретили добычу и торговлю криптовалютой с целью предотвратить финансовые риски. Стало невозможно использовать биткоин и другие виды криптовалют в китайской метавселенной, их заменил полностью цифровой юань, который контролирует центральный банк страны.

Цифровая валюта стала использоваться для разнообразных платежей, а в апреле 2023 г. город Чаншу объявил, что оплата труда государственных служащих будет осуществляться в цифровых юанях¹⁷¹.

Цифровой юань – это законное платежное средство в цифровой форме, выпущенное Народным банком Китая, которое эквивалентно банкнотам и монетам¹⁷². Предполагается, что цифровые юани будут находиться в обороте с

¹⁶⁹ Lanteigne M. “e-breakout”? Weaponized Interdependence and the Strategic Dimensions of China’s Digital Currency // *The Chinese Journal of International Politics*. 2022. Vol. 15. P. 140-162.

¹⁷⁰ 数字人民币试点范围扩容:粤苏冀川四省全覆盖另有 5 城新晋入选-财联社 [Расширение масштаба пилотного проекта цифрового юаня] // Финансовое Ассошиэйтед Пресс [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1752360646886242041&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 16.04.2023 г.); 数字人民币试点再扩围, 新试点地区居民可领红包-北京日报 [Пилотный проект цифрового юаня: жители пилотных районов могут получать красные конверты] // Пекинская ежедневная газета [Электронный ресурс]. URL: <https://bj.bjd.com.cn/a/202212/18/AP639eb89be4b0450519f66fe1.html> (дата обращения: 16.04.2023 г.).

¹⁷¹ 常熟市宣布:公务员用数字人民币发工资-南充政法 [Город Чаншу объявил, что государственным служащим будут платить в цифровых юанях] // Политика и право Наньчуна [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764039200120448892&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 05.01.2023 г.).

¹⁷² 什么是数字人民币?看完这篇文章你肯定就懂了-腾讯 [Что такое цифровой юань? Коротко о главном] // Tencent [Электронный ресурс]. – URL: <https://new.qq.com/rain/a/20230308A082AP00> (дата обращения: 23.04.2023 г.).

физическими юанями в течение длительного времени и в основном они будут использоваться для удовлетворения спроса населения на цифровые деньги и содействовать инклюзивному финансированию¹⁷³. 6 марта 2023 г. «Платежи WeChat» были добавлены в приложение Digital RMBAPP (пилотная версия). Это также вторая по величине платежная платформа, которую можно открыть в цифровом приложении в юанях после Alipay¹⁷⁴. По состоянию на октябрь 2021 г. реализовано более 3,5 млн пилотных сценариев цифровых юаней, в общей сложности открыто 123 млн личных кошельков, а сумма транзакций составила около 56 млрд юаней¹⁷⁵. По состоянию на ноябрь 2021 г. 140 миллионов человек в Китае зарегистрировали цифровые счета в юанях¹⁷⁶. По состоянию на август 2022 г. совокупное количество транзакций в цифровых юанях в экспериментальных районах в 15 провинциях (городах) составило 360 млн, а количество торговых точек, поддерживающих цифровые юани, превысило 5,6 млн¹⁷⁷. По состоянию на июнь 2023 г. Шэньчжэнь принял более 2,1 млн продавцов и открыл более 35,94 млн цифровых кошельков в юанях, что на 7,6 млн больше, чем в начале года¹⁷⁸.

В отличие от виртуальной валюты, биткойна, который не имеет стоимостной основы и суверенной кредитной гарантии, цифровая валюта стабильна и эффективна при осуществлении платежей, а также отслеживании финансовых транзакций. Цифровой юань выпускается Народным банком страны и передается

¹⁷³服贸连连看——朋友，数字人民币了解一下-新华全媒+ [Платформа услуг Lianliankan – Давайте познакомимся с цифровым юанем] // Информационное агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1710048857069039659&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 23.04.2023 г.).

¹⁷⁴微信小程序上可用数字人民币结账了-湖南日报 [Цифровой юань можно использовать при оформлении заказа в WeChat] // Хунань Дейли [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759787006184270257&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 23.04.2023 г.).

¹⁷⁵数字人民币发行规模有多大？现金还会存在多久？来听权威回应-信 网陕西 [Насколько велик масштаб эмиссии цифрового юаня? Как долго будут существовать наличные?] // Информационное агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. – URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_15348822 (дата обращения: 24.04.2023 г.).

¹⁷⁶外媒关注:数字人民币试水北京冬奥会-参考消息 [Цифровой юань тестируется на зимних Олимпийских играх в Пекине] // Справочное сообщение [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1721720362169279700&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 24.04.2023 г.).

¹⁷⁷数字人民币累计交易金额破千亿元-财新 [Совокупная сумма транзакций в цифровых юанях превысила 100 миллиардов юаней] // Caixin Media [Электронный ресурс]. – URL: <https://finance.caixin.com/2022-10-12/101950980.html> (дата обращения: 24.04.2023 г.).

¹⁷⁸深圳:开立数字人民币钱包超 3594 万个-中国网资讯 [Шэньчжэнь: открыто более чем 35 миллионов цифровых кошельков в юанях] // Китайская чистая информация [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1771810670144294422&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 18.08.2023 г.).

назначенным операционным учреждениям по обменному курсу 1:1, потом они предоставляют их в пользование гражданам. Эта двухуровневая операционная система в целом аналогична выпуску банкнот, поэтому она не окажет серьезного влияния на существующую финансовую систему, а также не окажет серьезного влияния на реальную экономику или финансовую стабильность.

Концептуально техническую основу для выпуска и обращения цифрового юаня можно описать формулой «одна валюта, два юаня и три цента». «Одна валюта» означает, что цифровой юань выпускается Народным банком Китая, как и монеты и банкноты, и представляет собой зашифрованную цифровую строку с определенной суммой. «Два юаня» означает, что двухуровневая операционная система ввода их в оборот. «три центра» включают в себя центры аутентификации (создает закрытый ключ для учетной записи в цифровом юане на основе информации), регистрации (отвечает за запись информации о транзакции пользователя в цифровом юане) и анализа больших данных (доступ ко всем данным и контроль рисков, борьба с отмыванием денег и пр.)¹⁷⁹.

Использование цифрового юаня для выплаты зарплат государственным служащим вносит важный вклад в противодействие коррупции. Цифровой кошелек открывается без привязки к банковскому счету, поэтому финансовые средства можно напрямую отправлять физическим лицам, при этом цифровой юань будет следовать политике KYC (know your customer), то есть понимать своего владельца, что создает институциональную основу для борьбы с отмыванием денег и других экономических преступлений. Конечно, цифровой юань будет учитывать принцип конфиденциальности пользователей, но не в отношении тех, кто может быть задействован в коррупции и других преступлениях, связанных с оборотом финансовых средств. По этой причине, чтобы сохранить способность бороться с преступлениями, для крупных платежей или переводов средств, пользователи

¹⁷⁹数字人民币与法律体系革新-中国社会科学网 [Цифровой юань и инновации в правовой системе] // Китайские социальные науки [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1709586560974989462&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 11.09.2023 г.).

должны подавать заявки на кошельки с реальными именами для совершения крупных платежей¹⁸⁰. Центральный банк делит цифровые кошельки на несколько типов в зависимости от полноты информации о клиенте. Если клиент собирается переводить крупные суммы, то подает заявку на кошелек на свое настоящее имя, что в случае совершения коррупционной сделки поможет быстро провести расследование и отследить движение средств на основе достоверной информации.

Кроме того, использование цифрового юаня позволит избежать хищения чиновниками денежных средств, предназначенных для социальных и иных выплат населению. С помощью таргетинга цифровая валюта будет напрямую поступать получателям помощи, минуя промежуточные бюрократические звенья, избегая незаконного присвоения. «Нам необходимо найти баланс между защитой личной жизни и предотвращением преступлений, — сказал Му Чанчунь. В цифровом юане используется множество технических средств для обеспечения того, чтобы личные данные пользователей и информационная безопасность не нарушались, но нельзя мириться с коррупцией, отмыванием денег и другими незаконными и преступными действиями. Когда компетентный орган выдает соответствующие юридические документы в строгом соответствии с процедурами, он должен сотрудничать, проводить соответствующую проверку данных и перекрестное сравнение, а также обеспечивать информационную поддержку для пресечения преступлений»¹⁸¹.

Благодаря тому, что цифровой юань использует технологию блокчейн, каждый платеж будет автоматически регистрироваться системой и храниться постоянно. Таким образом, антикоррупционное управление может отслеживать движение средств государственных служащих, государственных учреждений и сотрудников государственных предприятий на основе записей о транзакциях цифровых юаней, тем самым предотвращая их подозрительные операции и коррупцию. Специалисты

¹⁸⁰央行数字货币如何助力治理腐败?深度了解数字人民币-中央纪 委网 [Как цифровая валюта центрального банка помогает бороться с коррупцией?] // Сайт Центральной комиссии Китая [Электронный ресурс]. — URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/qDUk-Tg9EVvvKhLr1yhEPg> (дата обращения: 11.08.2023 г.).

¹⁸¹观察 | 央行数字货币如何影响你我?-中央纪委国家监委网站 [Как цифровая валюта центрального банка влияет на нас с вами?] // Сайт Центральной комиссии по проверке дисциплины [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ccdi.gov.cn/yaowen/202006/t20200607_219642.html (дата обращения: 25.04.2023 г.).

по борьбе с коррупцией будут анализировать массивы данных на основе бизнес-процессов и характеристик рисков, выявлять необычные транзакции и выявлять незаконные действия коррумпированных чиновников по сокрытию доходов. Ожидается, что система «большого центра обработки данных», построенная с использованием «цифрового юаня» в качестве ядра, в будущем полностью выявит нынешнее явление коррупции в моей стране и окажет мощную поддержку борьбе с коррупцией. Следовательно, коррупционерам будет очень сложно избежать контроля и надзора. Логика очень простая: пока государство может понять финансовые транзакции государственных служащих, оно может определить, существует коррупция или нет. Если государственный служащий получает заработную плату в цифровых юанях, и совершаемые им транзакции более или менее стабильны, то в случае внезапного роста объемов денежных средств в его кошельке отдел по проверке дисциплины усиливает за ним надзор.

В то же время следует понимать, что цифровой юань является лишь одним из инструментов антикоррупционной борьбы. Он не способен исправить природу людей, которые хотят использовать систему государственного управления для собственного обогащения, он не может искоренить коррупцию полностью, потому что чиновники, желающие извлекать ренту, будут находить постоянно способы обхода действующих ограничений. Конечно, многие транзакции можно будет отслеживать и фиксировать, но до тех пор, пока будут в обороте бумажные банкноты, для коррупционеров будут оставаться возможности для проведения мошеннических схем. Однако есть и другая серьезная опасность – систему управления цифровым юанем также контролируют люди, которые могут оказаться неблагонадежными и склонными к коррупционному поведению.

§3. Оценивание антикоррупционной политики

Оценивание является важнейшим этапом реализации государственной политики любого типа. Оно осуществляется государственными и негосударственными институтами, которые с помощью различных методов собирают данные, на основе которых делают выводы о степени успешности выполнения поставленных задач, достижения целевых параметров, а также о том, каким образом изменился объект управления после применения различных способов воздействия на него. Оценивание сопряжено с различными трудностями объективного характера. Например, внешние агенты, проводящие экспертизу, часто оказываются более радикальными и непримиримыми в своих выводах, а государственные структуры, наоборот, более консервативны и оптимистичны, так как не хотят демонстрировать обществу даже незначительные неудачи. В вопросе оценки эффективности антикоррупционной государственной политики эта проблема проявляется наиболее ярко. Очевидно, что китайское общество ждет от властей стремительного сокращения масштаба злоупотреблений полномочиями, внешние наблюдатели, специализирующиеся на этой тематике, соотносят принимаемые меры и получаемые результаты с успешными мировыми практиками и строят свои прогнозы, а правительство и партия действуют в институционально ограниченных условиях, которые задают для них коридор возможностей, продвижение по которому может быть не стремительным, но верным в имеющихся обстоятельствах.

Содержательно оценивание представляет собой проведение экспертизы проводимой политики с целью выявить произведенный эффект, соотнести достигнутые результаты с определенными критериями, заданными параметрами, определить адекватность используемых механизмов и способов реализации поставленных целей текущим политическим, административным, экономическим условиям. Оценивание необходимо для повышения общественной осведомленности и прозрачности в отношении государственной политики для того, чтобы убедиться, что бюджетные средства, выделяемые на ее проведение, способствуют достижению поставленных целей¹⁸².

В отношении оценивания антикоррупционной политики существует серьезная проблема, затрудняющая получение объективных данных, – по общепринятому мнению специалистов в этой области, коррупция неизмерима из-за ее скрытой природы. Значит нужно искать косвенные свидетельства, индикаторы, которые позволят дать более или менее достоверную оценку. По этой причине неизбежно в экспертной среде возникают споры относительно выделения индикаторов, помощью которых можно измерить уровень коррупции в системе государственного управления. Например, самая авторитетная в мире международная организация, занимающаяся регулярными замерами, оценивает восприятие коррупции гражданами страны, бизнесменами, а также собирает данные количестве судебных преследований должностных лиц за коррупционные преступления.

Принимая во внимание тот факт, что международные исследовательские организации регулярно публикуют отчеты об уровне коррупции в той или иной стране, их данные можно рассматривать как значимый количественный ориентир для правительства страны при оценивании антикоррупционных усилий (чем выше поднимается страна в рейтинге, тем более эффективна ее политика в этой области). Однако коррупция принимает разные формы, некоторые из которых не

¹⁸² Туронок С.Г. Оценка государственной политики и задачи реформ: уроки зарубежного опыта // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2005. № 3. С. 111–133.

воспринимаются в качестве преступных жителями, например, западных стран. Каждая форма коррупции имеет свои масштабы распространения и принятия комплекса мер, направленных точно на нее, поэтому, как представляется, при оценивании необходимо принимать во внимание не общемировые усредненные тренды, а коррупционный профиль каждой конкретной страны, выявлять уникальные для нее индикаторы для выводов о качестве антикоррупционной политики.

В Китае на государственном уровне об эффективности мер антикоррупционной борьбы чаще всего свидетельствуют отчеты официальных органов власти о количестве выявленных коррупционных преступлений, о количестве наказанных чиновников и бизнесменов, о полученных ими сроках тюремного заключения. Эти цифры обычно впечатляют воображение, создается впечатление, что размах преследования очень велик, однако всегда неизвестным остается один параметр – какой это процент от существующего уровня коррупции. Ситуацию осложняет и тот факт, что отнюдь не все дела в отношении партийных чиновников и частных компаний попадают в судебную статистику, потому что власти ориентируются на урегулирование незначительных коррупционных преступлений другим способами, несвязанными с уголовным преследованием.

До объявления Си Цзиньпином коррупции как экзистенциальной проблемы страны, к антикоррупционной политике было приковано не столь пристальное внимание, с момента же начала активного противодействия этому пороку системы государственного управления, в научной литературе стало появляться все больше и больше статей, авторы которых предпринимают попытки оценить качество применяемых мер и успех результатов¹⁸³. В англоязычной литературе по-разному

¹⁸³См., например, Manion M. Taking China's Anticorruption Campaign Seriously // *Economic and Political Studies*. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 3–18; Wedeman A. Xi Jinping's Tiger Hunt: Anti-corruption Campaign or Political Purge? // *Modern China Studies*. 2017. Vol. 24. No. 2. P. 35–82; Jiangnan Z., Huang H., Dong Z. Big Tigers, Big Data: Learning Social Reactions to China's Anticorruption Campaign through Online Feedback // *Public Administration Review*. 2017. Vol. 79. No. 4. P. 500–513; Hualing F. *Wielding the Sword: President Xi's New Anti-Corruption Campaign*. Cheltenham: Edward Elgar, 2015; Yuhua W, Dickson B. How Corruption Investigations Undermine Regime Support: Evidence from China // *Political Science Research and Methods*. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 33–48; Hanyu X., Ting G., Chilik Y., Wen-Jong J., Baishun Y. Citizens' Confidence in Government Control of Corruption: An Empirical Analysis // *Social Indicators Research*. 2020. Vol. 152. No.

оцениваются результаты антикоррупционной борьбы. Например, одни исследователи считают, что предпринимаемые правительством меры прикрывают борьбу за власть, подчеркивая, что членство в неформальных сетях высшего руководства Коммунистической партии может снизить вероятность того, что коррумпированный чиновник станет объектом преследования¹⁸⁴. Однако в этой же литературе есть и весьма убедительные доказательства того, эта кампания привела к серьезным изменениям в дисциплинарной системе и политической культуре Китая, сформировалась приверженность идеям качественного государственного управления¹⁸⁵.

В соответствии с международными оценками уровень коррупции в Китае начал стремительно расти с середины 1990-х гг., потом он стабилизировался, но с момента начала текущей масштабной кампании опять резко возрос, что связано участвующимся упоминанием проблемы коррупции в политическом дискурсе. Обсуждение этой проблемы государственного управления привело к тому, что выросло внимание со стороны общественности и как следствие увеличилось восприятие людьми коррупции. В средствах массовой информации появилось больше сообщений о планах и результатах антикоррупционной политики, стали выявляться все больше и больше фактов коррупции и привлекаться больше чиновников к ответственности.

Коммунистическая партия высоко оценивает результаты противостояния коррупции за этот период. Так, Си Цзиньпин говорит, что «со времени 18-го съезда КПК мы исследовали путь решения вопроса о долгосрочном правлении партии, избежали исторического цикла подъема и падения, создали эффективную систему надзора за властью и осуществления партийной дисциплины и государственных

3. P. 877–897; Siqin K., Jiangnan Z. Do People Trust the Government More? Unpacking the Distinct Impacts of Anticorruption Policies on Political Trust // *Political Research Quarterly*. 2021. Vol. 74. No. 2. P. 424–449.

¹⁸⁴ См., например, Liu J. Supreme Leaders, Provincial Leaders, and Factional Competition in China's Anti-Corruption Enforcement: Regional and City-Level Evidence // *Journal of Chinese Political Science*. 2022. Vol. 27. Is. 1. P. 133–153.

¹⁸⁵ См., например, Keliher M., Wu H. Corruption, Anticorruption and the Transformation of Political Culture in Contemporary China // *Journal of Asian Studies*. 2016. Vol. 75. Is. 1. P. 5–18; Manion M. Taking Beijing's Anti-Corruption Campaign Seriously // *Economic and Political Studies*. 2016. Vol. 4. Is. 1. P. 3–18.

законов»¹⁸⁶. В качестве главного достижения считается исправление ошибок в антикоррупционной борьбе, допущенными предыдущими руководителями КПК: «за последние пять лет мы смело столкнулись с серьезными рисками и испытаниями, стоящими перед партией, и решили нерешенные вопросы внутри партии. С твердой решимостью, серьезной дисциплиной, улучшением стиля работы партии, борьбой с коррупцией и наказанием зла мы устранили серьезные скрытые опасности внутри партии и государства»¹⁸⁷. До начала XX съезда партии в 2022 г. за коррупционное поведение были наказаны 4,7 млн чиновников¹⁸⁸.

Самого начала Си Цзиньпин принял на себя роль сильного и волевого политического лидера, готового проводить не только радикальную борьбу с коррупцией, а что очень важно долгосрочную борьбу, чего не хватало лидерам партии до него. При этом масштабная антикоррупционная политика опирается на иерархию и дисциплину. По словам Си Цзиньпина: «В общем, что включает партийная дисциплина? Во-первых, устав партии, это высший закон, который должны соблюдать все члены партии. Во-вторых, все члены партии должны соблюдать обязательную партийную дисциплину, особенно политическую дисциплину, в политической ориентации, позициях, словах и делах. В-третьих, все члены партии должны быть связаны национальным законодательством. Национальные законы были разработаны народом под руководством нашей партии, и наша партия должна показать пример их соблюдения. В-четвертых, традиции и практика работы, сформированные нашей партией на протяжении многих лет»¹⁸⁹.

¹⁸⁶ Xi J. Strengthen Discipline and Scrutiny over the Exercise of Power. In Xi Jinping: The Governance of China III, 632–637. Main points of the speech at the Fourth Plenary Session of the 19th CPC Central Commission for Discipline Inspection. January 13, 2020. Beijing: Foreign Languages Press, 2020 P. 633.

¹⁸⁷ Xi J. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era [Электронный ресурс]: Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China, October 18, 2017 // Qiushi Theory. – 24 Dec. 2021. – URL: http://en.qstheory.cn/2021-12/24/c_692748.htm (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁸⁸ Zhang H. China Punishes 4.7 million People in Decade-Long Anti- Graft Campaign // Global Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1269498.shtml> (дата обращения: 20.11.2023 г.).

¹⁸⁹ Xi J. Observe Discipline and Rules. In Xi Jinping: The Governance of China II, 164–171. Part of a speech at the Fifth Plenary Session of the 18th CPC Central Commission for Discipline Inspection, January 13, 2015. Beijing: Foreign Languages Press. 2017. P. 164.

Реализации антикоррупционной политики невозможна без обеспечения единства партии, на чем также был сделан акцент: «После 18-го съезда КПК в 2012 г. мы решили давнюю проблему поддержки ослабления, слабости и маргинализации руководства партии и потребовали, чтобы вся партия взяла на себя ответственность за поддержание централизованного единства партии. При непрерывном совершенствовании системы партийного руководства идея всей партии становится более единой. Единство требует абсолютной лояльности всех членов партии. Лояльность к партии является основным политическим характером китайских коммунистов. Он должен быть искренним, безоговорочным и абсолютным и не допускать возможности для маневра»¹⁹⁰. Восстановление политической лояльности имеет решающее значение для реализации партийных реформ, достижения целей антикоррупционного движения и запуска новых приоритетов партийного строительства в партии, армии, государственном аппарате и даже в частных компаниях.

В совокупности усилия властей должны привести к нулевой терпимости к коррупции в государстве и обществе, что требует больших затрат и терпения: «Как отметил один древний врач, «устранять риски для здоровья до того, как они появляются, лечить до того, как болезнь становится тяжелой, и тем самым предотвращать болезнь до того, как она возникнет». Для развития верховенства права мы должны уделять первоочередное внимание профилактике и устранению потенциальных рисков, а также лечению симптомов и решению существующих проблем»¹⁹¹. Предпринятые усилия в борьбе с коррупцией Си Цзиньпин оценил высоко: ««Бескорыстие в управлении создает социальную справедливость». У нашей партии нет собственных интересов, это источник мужества и силы для наших собственных реформ. Именно поэтому мы часто рассматриваем наше

¹⁹⁰Xi J. Reinforce Our Party's Political Foundations for Unity and Solidarity. In Xi Jinping: The Governance of China IV, 56–57. Part of a speech at the second full assembly of the Sixth Plenary Session of the 19th CPC Central Committee, November 11, 2021. Beijing: Foreign Languages Press, 2022. P. 57.

¹⁹¹ Xi J. Provide Sound Legal Guarantees for Socialist Modernization. Part of a speech at the Central Conference on Law-based Governance, November 16, 2020. In Xi Jinping: The Governance of China IV, 329–346. Beijing: Foreign Languages Press, 2022. P. 340.

поведение с чисто материалистической точки зрения и размышляем об ошибках. Именно благодаря этому мы смогли преодолеть попытки отдельных групп интересов, влиятельных кругов и привилегированных слоев коррумпировать нас. Мы смогли найти и наказать членов партии, которые делают что-то не так под влиянием этих групп»¹⁹².

Э. Уэйдман в своем последнем по времени исследовании констатирует, что к моменту прихода Си Цзиньпина к власти число чиновников низового уровня («мухи»), обвиненных в коррупции, увеличилось на более, чем на 13%, число чиновников нижнего звена («крысы») – на 90%, число чиновников среднего звена («волки») – более, чем в 4 раза, число чиновников высшего звена («тигры») – в 8 раз¹⁹³.

Руководство КПК взяло курс на борьбу с «тиграми», чего предыдущие руководители избегали. Внешние наблюдатели расценили этот шаг как борьбу с политическими конкурентами, но тем не менее благодаря этому начинанию в Китае была признана новая форма коррупции – «политическая коррупция». Ван Цишань (Wáng Qíshān) в 2016 г. тогдашний секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины определил ее следующим образом: «Политическая коррупция является самой серьезной коррупцией, которая включает: во-первых, создание клик для личных интересов; во-вторых, формирование группировок; в-третьих, неподчинение центральной власти; в-четвертых, неподобающие высказывания о Центральном комитете.»¹⁹⁴. К таким политическим олигархам в Китае относят Чжоу Юнкан (Zhōu Yǒngkāng), Бо Силай (Bó Xīlái), Го Босюн (Gō Bóxióng), Сюй Цайхоу (Xú Cáihòu), Сунь Чжэнцай (Sūn Zhèngcái) и Лин Цзихуа (Lín Jìhuà)

¹⁹² Xi J. Self-Reform: The Second Answer to Breaking the Cycle of Rise and Fall. In Xi Jinping: The Governance of China IV, 629–633. Part of the speech at the second full assembly of the Sixth Plenary Session of the 19th CPC Central Committee. Beijing: Foreign Languages Press, 2022. P. 630.

¹⁹³ Wedeman A. The Dynamics and Trajectory of Corruption in Contemporary China // China Review. 2022. Vol. 22. Is. 2. P. 21–48.

¹⁹⁴ 王岐山. 全面从严治党，承载起当在新时代的使命-央视网 [Всестороннее управление партией для выполнения миссии в новую эпоху] // Сеть CCTV [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.cctv.com/2016/11/08/ARTIC7IzyzTsI89RGIGhXmqW161108.shtml> (дата обращения: 05.04.2023 г.).

Источником политической коррупции считается китайская экономика, которую часто определяют как государственный капитализм, когда государство сохраняет доминирующее положение на рынке, стратегические отрасли находятся под контролем властей через государственные предприятия. Властные ресурсы китайских «тигров» представляют собой сочетание официальной должности и богатства. В своей коррупционной деятельности они расширяют свою власть и защищают богатство от других олигархов. Для этого им необходимо как можно дольше занимать ключевые посты в системе власти, создавать широкую базу последователей в различных секторах, или, иначе говоря, формировать и сохранять свой политический клан. Ж. Чжу подробно описывает в своей исследовательской работе, каким образом вырастали «тигры», или олигархи, в китайской политической системе, каким образом они преумножали свой экономический и политический капитал. По сути, это портрет основного объекта антикоррупционной борьбы Си Цзиньпина¹⁹⁵.

В связи с повышенным вниманием к «тиграм» в китайской политике и наличием кланов, исследователи, рассуждая об эффективности принимаемых антикоррупционных мер, обращаются к изучению влияния принадлежности подозреваемого в коррупции чиновника к действующим внутри политической системы политическими сетям.

Например, К. Гао и М. Пирсон собрали базу данных, содержащую антикоррупционные дела 425 членов КПК (102 «тигра» и 323 «мухи»), за период с 2012 г. по 2016 г. с целью определить, как политические связи влияют на отношение к подозреваемым должностным лицам в ходе расследования. Обвинения в отношении должностных лиц становятся публичными после того, как Центральная комиссия по проверке дисциплины проводит внутрипартийное расследование и передает дело в судебные органы. После это проводится публичное расследование и выносится приговор. Промежуток времени от

¹⁹⁵ Zhu J. The Rise and Fall of Ruling Oligarchs // China Review. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 49-79.

опубликования обвинения до вынесения приговора исследователи рассматривали как зависимую переменную, на которую влияют политические связи обвиняемых. В их базе 268 подозреваемых были «одинокими волками», не имеющие значимых связей, 70 – входили немногочисленные локальные сети, 53 – были включены в сети Чжоу Юнкана или Бо Силая, 34 – связаны с другими высокопоставленными чиновниками на уровне провинции и выше. Исследователи целенаправленно выделили сети двух «тигров», потому что они были основными политическими конкурентами Си Цзиньпина. 352 человека в итоге были приговорены к срокам тюремного заключения (от 18 мес. до 21 года, в среднем к 11 годам), оставшиеся – к пожизненному заключению или смертной казни с отсрочкой исполнения, один человек – к смертной казни без отсрочки, а руководители кланов, главные «тигры» Чжоу Юнкан и Бо Силай не были казнены.

По результатам исследования они пришли к выводу о том, что принадлежность к тем или иным политическим сетям влияет на продолжительность расследования коррупционного преступления, то есть к разным типам коррупционеров режим относится с разной степенью чувствительности. Имея дело с «одинокими волками» и высокопоставленными лицами, система действует быстро и сокрушительно, чтобы продемонстрировать свою решимость». Однако, как считают исследователи, система более осторожна и осмотрительна в работе с «тиграми», связанными с потенциальными конкурирующими сетями, чтобы не спровоцировать ответ, угрожающий легитимности партии¹⁹⁶.

С 2000 г. более трехсот высокопоставленных чиновников всех уровней и сфер государственного управления были привлечены к ответственности¹⁹⁷. В табл. 3 содержатся фамилии и должности наиболее заметных должностных лиц национального и регионального уровня.

¹⁹⁶Gao K., Pearson M. The Role of Political Networks in Anti-Corruption Investigations // China Review. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 81-111.

¹⁹⁷Jiahong H. An Assessment of the Current Status of Corruption and Public-Office Related Crimes in China (in Chinese) // Modern Law Science. 2014. No. 6. P. 3-14.

Таблица 3.

**Осужденные за коррупцию высокопоставленные
должностные лица Китая**

Должностное лицо	Занимаемая должность
Национальный уровень государственного управления	
Чжоу Юнкан	Член Постоянного комитета Политбюро Коммунистической партии
Сунь Чжэнцай	Член Политбюро, секретарь Чунцинского городского комитета
Бо Силай	Член Политбюро, секретарь Чунцинского городского комитета
Чэнь Ляна	Член Политбюро ЦК КПК, секретарь Шанхайского городского комитета
Су Жун	Заместитель председателя Высшего комитета Народного политического консультативного совета Китая

Э. Уэйдман, исходя из того, что коррупция – это скрытое явление, в качестве косвенного свидетельства эффективности антикоррупционной политики использовал индикатор риска быть пойманным за коррупцию. Если риск близок к абсолютному показателю (100%), то все вступившие в коррупционную сделку акторы будут выявлены и привлечены к ответственности. Если, наоборот, риск быть изобличённым незначительный, то большинство взяточполучателей и взяточдателей будут вести себя коррупционно и оставаться безнаказанными длительное время. А это означает, что в такой ситуации коррупционер не только успешно продвинется по карьерной лестнице, но и благополучно выйдет на пенсию.

Таким образом, если система разоблачает и наказывает большинство чиновников сразу же, с их первых коррупционных сделок, то она дает сигнал бюрократии о высоком уровне риска коррупционного поведения, а также это означает, что выбранные механизмы и способы противостояния коррупции

работают эффективно, решают поставленную задачу. В этот момент возникает главная проблема невозможности адекватно оценить, какой процент коррумпированных чиновников и на каком этапе их коррупционного пути выявляется, так как общий уровень коррупции достоверно неизвестен.

Э. Уэйдман, понимая эту проблему, предлагает для повышения эффективности сфокусироваться на «мухах» и «крысах», потому что, если их вовремя не остановить, но они успешно продвинутся на более высокие должности, превратятся в «волков», а потом и в «тигров». Эти две категории коррупционеров преследовать гораздо сложнее благодаря их вовлеченности в сети политических связей и межличностных отношений гуаньси, защищающих их от разоблачения, умению манипулировать системой, пользоваться ее изъянами и несовершенствами.

В итоге он приходит к очень интересному и содержательному выводу о том, что большое количество «тигров», против которых развернута антикоррупционная политика Си Цзиньпина, есть результат неэффективной антикоррупционной политики предыдущих поколений руководителей, при которых не было поймано большое количество «мух» и «крыс», сумевших дорасти до высоких должностных позиций на государственной службе.

Принимая, что невозможно выявить реальный уровень коррупции, для анализа эффективности государственной политики он обращается к публичным данным. Им собрана база данных за период с 1995 г. по 2021 г. коррупционных преступлений размером в 19000 дел, из них 40% преступлений приходится на период до 2013 г., до начала реформ Си Цзиньпина¹⁹⁸.

По итогам обработки данных он приходит к ряду важных выводов о качестве антикоррупционной политики. Во-первых, высокопоставленные лица могут скрываться от правосудия дольше, чем чиновники более низших звеньев, сотрудники государственных предприятий и бизнесмены в частном секторе. Во-вторых, высокопоставленные чиновники гораздо больше лет могут избегать

¹⁹⁸Wedman A. The Dynamics and Trajectory of Corruption in Contemporary China // China Review. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 21–48.

наказания («мухи» – 6 лет, «крысы» – 8 лет, «волки» – 10 лет, «тигры» – 14 лет). В-третьих, с момента начала масштабной кампании 2013 г. было поймано гораздо больше «тигров», чем до этого периода. Эти «тигры» начали свой коррупционный путь еще «мухами», а значит увеличение числа «тигров» в системе есть результат неэффективной антикоррупционной политики предшествующих правительств, не сумевших разоблачить коррупционеров низкого порядка. В этом отношении на период самой значительной антикоррупционной борьбы пришелся пик количества коррупционеров среди чиновников высшего ранга как следствие пренебрежения противодействия коррупции в 1990-е гг. В-четвертых, при таком положении дел отлов всех «тигров» не приведет к качественному улучшению ситуации с коррупцией в стране, потому что на их место придут «волки», достигшие своих позиций, используя политические контакты и коррупцию. В-пятых, Си Цзиньпину благодаря проводимой политике удалось навести страх на бюрократическую систему, чиновники действительно стали опасаться, что риски коррупционного поведения выросли.

Один из важных факторов усиления страха среди чиновников – увеличение количества выявляемых фактов коррупции и рост жесткости наказания. Наглядно это демонстрирует приведенная автором табл. 4.

Таблица 4.

Сроки тюремного заключения за коррупционные преступления

Вид наказания	Все года	%%	2013–2021	%%
меньше года	437	2,7	343	4,1
от 1 до 2 лет	3504	21,3	2357	28,2
от 3 до 5 лет	4407	26,8	2452	29,3
от 6 до 10 лет	3633	22,1	1698	20,3
от 11 до 21 года	3418	20,8	1286	15,4
21 год и более	27	0,2	21	0,3
пожизненное	619	3,8	161	1,9

смертная казнь	123	0,7	14	0,2
Всего	16434		8370	

Таким образом, можно заключить, что оценивание результативности и эффективности антикоррупционной политики – очень сложная проблема, которая связана с выбором основного критерия. Китайские аналитики и западные эксперты отличаются в своих оценках проводимой политики, что объясняется разницей в стандартах государственного управления, ожидаемых моделях поведения чиновников, доступности достоверных данных. Многие свидетельства указывают на то, что за последние годы достигнуты ощутимые положительные изменения в борьбе с коррупцией, но это процесс протяженный во времени, конечной точки не существует, нужно постоянно заниматься мониторингом уровня коррупции, чтобы не упустить момент, когда ситуация изменится в негативную сторону и достигнутые результаты окажутся под угрозой.

При разработке и реализации антикоррупционной политики власти Китая столкнулись с серьезными вызовами, которые необходимо было преодолевать в короткие сроки. Прежде всего, был упущен момент начала серьезной работы по противодействию коррупции, потому что на первом месте стояли вопросы быстрого экономического развития. В итоге действующая власть столкнулась со значительным масштабом коррупции, достигшей критического уровня и необходимости принятия радикальных мер. Потребовалось не совершенствование, а реформирование системы антикоррупционных институтов, законодательства, мер преследования и наказания, чтобы результат стал заметен в краткосрочной перспективе. В основу антикоррупционного сценария заложена установка на недостойность коррупционного поведения чиновников с морально-этической точки зрения, что продолжает традицию трактовать коррупцию очень широко, включая в нее широкий список неприемлемых действий. Кроме того, Коммунистическая партия как системообразующая берет на себя ответственность

за надзор за поведением представителей партии на государственных постах, что составляет суть партийно-политического подхода. Внутрипартийное давление на государственных служащих в сочетании с жестким законодательством и ориентацией на внедрение современных технологий борьбы создает благоприятную основу для успеха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной политической науке сформировалось множество подходов к изучению коррупции, включающих её природу, движущие мотивы злоупотребления должностными полномочиями и механизмы противодействия. Несмотря на накопленные значительные теоретические результаты, до сих пор не существует единого консенсуса относительно эффективных мер антикоррупционной политики. Западные модели ограниченно применимы в незападных странах из-за различий в политических системах, социально-культурных условиях и институциональных принципах организации государственного управления. Это подчёркивает необходимость адаптации подходов к конкретной национальной среде с учётом исторических, культурных и политических особенностей государства.

Для интенсивно развивающихся обществ объяснение широкой распространённости коррупции представляется наиболее убедительным через призму неоинституционального подхода, который учитывает историческое развитие государства и сложившиеся ранее институты, замедляющие процессы модернизации государственного управления. Важным является также применение теории коллективного действия, позволяющей понять мотивацию участников коррупционных схем и трудности координации действий в обществе. Международные рекомендации и стандарты, разработанные в западных странах, ограниченно применимы в незападных условиях, поскольку не учитывают локальные историко-культурные и политико-экономические особенности. В этой

связи детальное изучение и обобщение национального опыта становится ключевым условием формирования эффективных антикоррупционных мер, способных учитывать специфику политической системы, состав правящей коалиции и приоритеты действующего руководства.

В КНР на фоне интенсивного экономического роста наблюдался резкий рост уровня коррупции, с которым Коммунистическая партия начала активно бороться со второй половины 2010-х годов. Китайская практика антикоррупционной политики характеризуется сочетанием культурных и институциональных факторов. С одной стороны, сохраняется значительное влияние укоренившихся в культуре отношений гуаньси, которые вступают в противоречие с законодательными нормами и принципами современной системы государственного управления. С другой стороны, политическая система Китая характеризуется централизованной ответственностью Коммунистической партии за все управленческие и политические процессы, что составляет основу партийно-политического подхода к антикоррупционной деятельности.

Применяемая в КНР стратегия сочетает жёсткие меры преследования коррупционеров с внутрипартийным контролем, профилактическими инструментами и косвенным воздействием на участников коррупционных сделок. Особое внимание уделяется национальному контексту: реализуются пилотные проекты, тестируются различные механизмы и технологии, что обеспечивает адаптацию антикоррупционной политики к практической среде и повышает её эффективность.

Политика Си Цзиньпина демонстрирует системность и комплексность. Высшее партийное руководство проявляет политическую волю, признавая коррупцию серьёзным препятствием общественному и экономическому развитию. Меры базируются на понимании историко-культурной специфики коррупции в Китае, включают институциональную перестройку, выделение значительных ресурсов, внедрение современных цифровых технологий, а также повышение

профессионального уровня специалистов, занимающихся антикоррупционной деятельностью.

Антикоррупционная стратегия Китая строится на централизации институтов, усилении партийного надзора за деятельностью чиновников, уточнении и регламентации коррупционных преступлений, а также использовании современных управленческих инструментов с учётом процессов цифровизации и международной открытости. Применение пилотных проектов, комплаенса и цифрового юаня в сочетании с традиционными методами позволило достичь ощутимых положительных результатов, признанных и зарубежными исследователями.

Китайский опыт демонстрирует, что успешная антикоррупционная политика возможна при сочетании партийно-политического подхода с учётом национальной социокультурной специфики. Он показывает, что системное взаимодействие политической воли, институциональных реформ, технологических инструментов и культурно обусловленных механизмов может служить ориентиром для стран с аналогичной социально-политической средой и высокой степенью концентрации политической ответственности.

Важным выводом является то, что эффективность антикоррупционной политики зависит не только от внедрения формальных институтов, но и от адаптации мер к культурным, историческим и политическим особенностям государства. Успех Китая подтверждает необходимость комплексного подхода, включающего институциональные, технологические и социокультурные компоненты, а также постоянный мониторинг и корректировку мер в соответствии с изменениями в экономике, цифровизации и международной среде.

Таким образом, китайская практика противодействия коррупции может служить не только источником знаний для научного анализа, но и ориентиром для разработки адаптированных антикоррупционных стратегий в других странах с аналогичной социально-политической спецификой.

БИБЛИОГРАФИЯ

Международные правовые акты

1. Декларация Организации Объединенных Наций по борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих сделках // Un.org [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bribery.shtml (дата обращения: 24.04.2023 г.).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Un.org [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 30.04.2023 г.).
3. Convention on combating bribery of foreign public officials in international business transactions // OECD.org [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0293> (дата обращения: 24.04.2023 г.).

Национальные правовые акты

- 4.中央八项规定 (2012 年) – 中共耒阳市纪律检查委员会、耒阳市监察委员会 [Восемь положений Центрального комитета КПК (2012 г.)] // Комитет по проверке дисциплины и Комитет по надзору г. Лэйян пров. Хунань [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2022-12/18/content_5732642.htm (дата обращения: 30.04.2023 г.).

5. 中华人民共和国公职人员政务处分法 (2020 年) – 中华人民共和国最高人民检察院 [Закон КНР о дисциплинарных взысканиях в отношении государственных служащих (2020 г.)] – Верховная народная прокуратура КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/202006/t20200620_466985.shtml (дата обращения: 18.06.2024 г.).
6. 中华人民共和国刑法 (1997 年修订) – 中华人民共和国最高人民检察院 [Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (редакция 1997 г.)] // Верховная народная прокуратура КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180206_364975.shtml (дата обращения: 30.04.2023 г.).
7. 中华人民共和国反洗钱法 (2024 年修订) – 中华人民共和国中央人民政府 [Закон КНР о противодействии отмыванию денег (редакция 2024 г.)] // Центральное народное правительство КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202411/content_6985765.htm (дата обращения: 10.10.2025 г.).
8. 中华人民共和国宪法(2018 年修订全文)-中国人大网 [Конституция Китайской Народной Республики (пересмотренная в 2018 г.)] // Китайская народная сеть [Электронный ресурс]. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-03/22/content_2052489.htm (дата обращения: 02.05.2023 г.).
9. 中华人民共和国宪法修正案 (2018 年) — 中国人大网 [Поправка к Конституции Китайской Народной Республики (2018 г.) — Китайская народная сеть] [Электронный ресурс]. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-03/12/content_2049190.htm (дата обращения: 23.05.2024).
10. 中华人民共和国监察官法 (2021 年) – 中华人民共和国最高人民检察院 [Закон КНР о надзорных прокурорах (2021 г.)] – Верховная народная прокуратура КНР [Электронный ресурс]. –

- URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/202108/t20210820_527249.shtml (дата обращения: 12.04.2023 г.).
11. 中华人民共和国监察法 - 中华人民共和国最高人民检察院 [Закон Китайской Народной Республики о надзоре] // Верховная народная прокуратура Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/202502/t20250205_700641.shtml (дата обращения: 23.05.2024).
 12. 中华人民共和国监察法 (2024 年修订) – 中华人民共和国中央人民政府 [Закон КНР о надзоре (редакция 2024 г.)] // Центральное народное правительство КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202412/content_6994559.htm (дата обращения: 02.06.2023 г.).
 13. 中华人民共和国监察法实施条例 (2021 年) – 中共党员网 [Правила реализации Закона КНР о надзоре (2021 г.)] // Портал членов Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.12371.cn/2021/09/20/ARTI1632129321756718.shtml> (дата обращения: 30.05.2023 г.).
 14. 中华人民共和国行政监察法 (2010 年修订) – 国家信访局 [Закон КНР об административном надзоре (редакция 2010 г.)] // Государственное бюро жалоб и обращений КНР [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gjxfj.gov.cn/gjxfj/xxgk/fgwj/flfg/webinfo/2016/03/1460585589909610.htm> (дата обращения: 07.04.2023 г.).
 15. 中华惩治贪污条例 (1952 年) [Положение КНР о наказании за коррупцию (1952 г.)] // Портал "Фалифэйганьшуочэн" [Электронный ресурс]. – URL: <https://flfgsc.cn/law/中華人民共和國懲治貪污條例-1952年> (дата обращения: 28.04.2023 г.).
 16. 中国共产党党内监督条例 (2016 年) – 中华人民共和国国家互联网信息办公室 [Положение о внутреннем надзоре Коммунистической партии Китая (2016 г.)]

- // Государственное управление по вопросам киберпространства КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cac.gov.cn/2016-11/02/c_1119838565.htm (дата обращения: 29.07.2023 г.).
17. 中国共产党党员领导干部廉洁从政若干准则（试行）（1997 年）– 中华人民共和国教育部 [Нормы добросовестного осуществления служебной деятельности руководящими кадровыми работниками-членами КПК (Временные) (1997 г.)] // Министерство образования КНР [Электронный ресурс]. – URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A25/s8364/moe_1434/moe_1440/tnull_20392.html (дата обращения: 23.03.2023 г.).
 18. 中国共产党第十二次全国代表大会文件汇编，北京：人民出版社．1982．（Сборник документов XII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Народное издательство. – 1982. – 282 с.).
 19. 中国共产党第十四次全国代表大会文件汇编，北京：人民出版社．1992．（Сборник документов XIV Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Народное издательство. – 1992. – 199 с.).
 20. 中国共产党纪律处分条例（2023 修订）– 中华人民共和国中央人民政府 [Положение о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая (редакция 2023 г.)] // Центральное народное правительство КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/202312/content_6922758.htm (дата обращения: 30.04.2023 г.).
 21. 中国共产党纪律处分条例（2023 修订）– 中华人民共和国中央人民政府 [Положение о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая (редакция 2023 г.)] // Центральное народное правительство КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/202312/content_6922758.htm (дата обращения: 30.04.2023 г.).
 22. 中国共产党纪律检查委员会工作条例（2021 年）– 中华人民共和国中央人民政府 [Положение о работе комиссий по проверке дисциплины

Коммунистической партии Китая (2021 г.)) // Центральное народное правительство КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-01/05/content_5666601.htm (дата обращения: 25.04.2022 г.).

23. 关于严惩严重破坏经济的罪犯的决定 (1982 年) – 中华人民共和国国务院公报, 1982 年第 8 号 [Решение о суровом наказании преступников, наносящих серьезный ущерб экономике (1982 г.)] // Официальный вестник Государственного совета КНР, 1982, №8 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1982/gwyb198208.pdf> (дата обращения: 27.04.2023 г.).
24. 关于惩治贪污罪贿赂罪的补充规定 (1988 年) – 中华人民共和国国务院公报, 1988 年第 3 号 [Дополнительные положения о наказании за взяточничество и коррупцию (1988 г.)] // Официальный вестник Государственного совета КНР, 1988, №3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1988/gwyb198803.pdf> (дата обращения: 27.04.2023 г.).

Доклады и выступления

25. Full text of the report to the 20th National Congress of Communist Party of China. October 25. [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://english.news.cn/20221025/8eb6f5239f984f01a2bc45b5b5db0c51/c.html> (дата обращения: 20.08.2023 г.).
26. Full text of Xi Jinping's Report at 19th CPC National Congress. October 18. 2017. http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (дата обращения: 20.08.2023)
27. Xi J. Provide Sound Legal Guarantees for Socialist Modernization. Part of a speech at the Central Conference on Law-based Governance, November 16, 2020 // In Xi Jinping: The Governance of China IV, pp. 329–346. – Beijing: Foreign Languages Press, 2022. – 658 p.

28. Xi J. Reinforce Our Party's Political Foundations for Unity and Solidarity // In: Xi Jinping: The Governance of China IV, pp. 56–57. Part of a speech at the second full assembly of the Sixth Plenary Session of the 19th CPC Central Committee, November 11, 2021. – Beijing: Foreign Languages Press, 2022. – 658 p.
29. Xi J. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China, October 18, 2017. [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (дата обращения: 20.11.2023).
30. Xi J. Self-Reform: The Second Answer to Breaking the Cycle of Rise and Fall // In Xi Jinping: The Governance of China IV, pp. 629–633. Part of the speech at the second full assembly of the Sixth Plenary Session of the 19th CPC Central Committee. – Beijing: Foreign Languages Press, 2022. – 658 p.
31. Xi J. Strengthen Discipline and Scrutiny over the Exercise of Power // In: Xi Jinping: The Governance of China III, pp. 632–637. Main points of the speech at the Fourth Plenary Session of the 19th CPC Central Commission for Discipline Inspection. January 13, 2020. – Beijing: Foreign Languages Press, 2020. – 666 p.
32. Xi J. Observe Discipline and Rules // In: Xi Jinping: The Governance of China II, 164–171. Part of a speech at the Fifth Plenary Session of the 18th CPC Central Commission for Discipline Inspection, January 13, 2015. – Beijing: Foreign Languages Press. 2017. – 617 p.

Монографии

33. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Д. Робинсон. – М.: АСТ, 2022. – 672 с.
34. Антикоррупционная политика: учебник для вузов / под ред. Г. А. Сатарова. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Юрайт, 2023. – 396 с.
35. Добренъков В.И. Коррупция. Современные подходы к исследованию / В.И. Добренъков, Н. Р. Исправникова. – М.: Академический проект, 2009. – 207 с.

36. Иванов С. Б. Противодействие коррупции: новые вызовы / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин. – М.: Инфра-М, 2016. – 376 с.
37. Лебедева Т. П. Государственное управление в зарубежных странах: опыт административных реформ / Т. П. Лебедева, О. В. Михайлова. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 232 с.
38. Нисневич Ю. А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса / Ю. А. Нисневич. – М.: Юрайт, 2017. – 240 с.
39. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
40. Переломов Л. С. Конфуций. «Лунь Юй» / Л. С. Переломов. – М.: Восточная литература, 2001. – 180 с.
41. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство / С. Роуз-Аккерман. – М.: Логос, 2010. – 356 с.
42. Соловьев А. И. Принятие и исполнение государственных решений: Учебное пособие для студентов ВУЗов / А. И. Соловьев. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 496 с.
43. Фалина А.С. Взаимодействие государства и бизнеса в разработке и реализации антикоррупционной политики Российской Федерации / А.С. Фалина. – М.: РАГС, 2010. – 106 с.
44. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 730 с.
45. Хабриева Т. Я. Коррупция. Природа, проявления, противодействие / Т. Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2014. – 641 с.
46. Amundsen I. Political Corruption: An Introduction to the Issues / I. Amundsen. – Bergen: Chr. Michelsen Institute, 1999. – 32 p.
47. Ang Y. China's Gilded Age: The Paradox of Economic Boom and Vast Corruption / Y. Ang. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 257 p.
48. Butterfield F. China: Alive in Better Sea / F. Butterfield. – N.Y.: Coronet Books, 1983. – 624 p.

49. Chen Y. Transition and Development in China: Toward Shared Growth / Y Chen. – Burlington VT: Ashgate, 2009. – 407 p.
50. De Mesquita B., Smith A., Morrow J., Siverson R. The Logic of Political Survival / B. De Mesquita, A. Smith, J. Morrow, R. Siverson. – Cambridge: MIT Press, 2005. – 550 p.
51. DeLeon P. Thinking about Political Corruption / P. DeLeon. – N.Y.: Sharpe, 1993. – 241 p.
52. Elliott K. Corruption as an International Policy Problem: Overview and Recommendations / K. Elliott. – Washington: Institute for International Economics, 1997. – 256 p.
53. Fredrich C. Political Corruption / C. Fredrich; ed. by. A. Heidenheimer and M. Johnston, editors. 3-d edition. – New Brunswick: Transaction Publisher, 2005. – 970 p.
54. Gong T. The Politics of Corruption in Contemporary China / T. Gong. – L.: Praeger, 1994. – 193 p.
55. Heidenheimer A., Johnston M., Levine V. Political Corruption. A Handbook / A. Heidenheimer, M. Johnston, V. Levine. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1989. – 1017 p.
56. Heilbrunn J. Anti-Corruption Commissions: Panacea or Real Medicine to Fight Corruption? / J. Heilbrunn. – Washington: World Bank Institute, 2004. – 33 p.
57. Hofstede G. Culture's Consequences International Differences in Work-Related Values / G. Hofstede. – N.Y.: Sage, 1980. – 475 p.
58. Hualing F. Wielding the Sword: President Xi's New Anti-Corruption Campaign / F. Hualing. – Cheltenham: Edward Elgar, 2015. – 512 p.
59. Huntington S. Modernisation and Corruption: Political Order in Changing Societies / S. Huntington. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 488 p.
60. Huntington S. Modernisation and Corruption: Political Order in Changing Societies / S. Huntington. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 488 p.

61. Jacobson L. *A Million Truth: A Decade in China* / L. Jacobson. – N.Y.: Evans and Co, 1999. – 400 p.
62. Johnston M. *Syndromes of Corruption. Wealth, Power, and Democracy* / M. Johnston. – N.Y.: Cambridge University Press, 2005. – 282 p.
63. Pellegrini L. *Corruption, Development and the Environment* / L Putnam. – N.Y.: Springer Science and Business Media, 2011. – 157 p.
64. Pye L. *Chinese Commercial Negotiating Style* / L. Pye. – Cambridge: Rand Corp., 1982. – 109 p.
65. Rose-Ackerman S. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform* / S. Rose-Ackerman. – N.Y.: Cambridge University Press, 1999. – 266 p.
66. Rose-Ackerman S. *Corruption: A Study in Political Economy* / S. Rose-Ackerman. – N.Y.: Academic Press, 1978. – 258 p.
67. Rose-Ackerman S., Palifka J. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform* / S. Rose-Ackerman, J. Palifka. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 618 p.
68. Shah A. *Performance Accountability and Combating Corruption* / A. Shah. – Washington: The World Bank, 2007. – 148 p.
69. Tiihonen S. *The History of Corruption in Central Government* / S. Tiihonen. – Amsterdam: IOS Press, 2003. – 228 p.
70. Treisman D. *The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralisation* / D. Treisman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 348 p.
71. Wedeman A. *Double Paradox: Rapid Growth and Rising Corruption in China* / A. Wedeman. – Ithaca: Cornell University Press, 2012. – 272 p.
72. Widmalm S. *Decentralization, corruption, and social Capital* / S. Widmalm. – California: SAGE publications, 2008. – 229 p.
73. Williams R. *Party finance and political Corruption: Problems and Prospects* / R. Williams. – N.Y.: St. Martin's Press, 2000. – 214 p.
74. Yang M. *Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relations in China* / M. Yang. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 384 p.

75. 中华人民共和国简史，人民出版社. 2021. (Краткая история Китайской Народной Республики. Народное издательство. – 2021. – 320 с.).
76. 任建明、杜治洲：腐败与反腐败：理论、模型和方法，清华大学出版社. 2009. (Жэнь Ц., Ду Ч. Коррупция и борьба с коррупцией: теория, модели и методы / Ц. Жэнь, Ч. Ду. – Пекин: Издательство университета Циньхуа, 2009. – 334 с.
77. 徐家林等：中国共产党反腐倡廉建设史论，中国方正出版社. 2009. (Сю Ц. и др. Исторический очерк по строительству борьбы с коррупцией Коммунистической партии Китая / Ц. Сю. – Пекин: Издательство Чжун Фанчжэн, 2009. – 402 с.)
78. 胡鞍钢：中国：挑战腐败，浙江人民出版社. 2001. (Ху А. Китай: противостояние коррупции / А. Ху. – Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2001. – 384 с.).
79. 费孝通. 乡土中国，天津人民出版社. 2022. (Фэй Сяотун. Сельский Китай / Фэй Сяотун. – Тяньцзынь: Тяньцзиньское народное издательство. – 2022. – 160 с.).
80. 邵景均：新中国反腐简史，中共党史出版社. 2009. (ШАО Ц. Краткая история борьбы с коррупцией в Новом Китае / Ц. ШАО. – Пекин: Издательство истории КПК, 2009. – 203 с.).
81. 金耀基. 中国社会与文化，牛津大学出版社(香港). 2017. (Цзинь Яоцзи. Китайское общество и культура / Цзинь Яоцзи. – Гонконг: Изд-во Оксфордского университета (Гонконг). – 2017. – 448 с.).
82. 阎云翔. 礼物的流动——一个中国村庄中的互惠原则与社会网络，上海人民出版社. 2021. (Янь Юньсян. Поток подарков – принцип взаимности и социальные сети в китайской деревне / Янь Юньсян. – Шанхай: Шанхайский народный издательский дом. – 2021. – 336 с.).

Диссертации

83. Скоробогатова А. В. Институциональная коррупция в системе государственного управления: пути и механизмы противодействия в современном российском обществе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А. В. Скоробогатова. – М.: 2019. – 181 с.

Статьи в периодических изданиях и сборниках статей

84. Абашина Л.А. Проблемы противодействия коррупции на государственной службе / Л.А. Абашина // Вестник государственного и муниципального управления. – 2012. – № 2. – С. 83–84.
85. Адамс О. Ю. Антикоррупционное законодательство КНР / О. Ю. Адамс // Россия и современный мир. – 2018. – № 1. – С. 206–218.
86. Адамс О. Ю. Изучение коррупции в КНР: теории и подходы / О. Ю. Адамс // Вопросы политологии. – 2022. – № 11. – С. 3683–3690.
87. Беликов Е. О. Правовая система КНР и борьба с коррупцией в свете решений XX Съезда КПК / Е. О. Беликов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 12. – С. 58–62.
88. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60–74.
89. Буров В. Г. Борьба с коррупцией в Китае / В. Г. Буров // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 6. – С. 11–17.
90. Бусыгина И. М. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивацию? / И. М. Бусыгина, М. Филиппов // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 50–71.
91. Гамиуллина С.Д. Китайская модель борьбы с коррупцией: истоки и особенности / С.Д. Гамиуллина, М. В. Лифанова, Д. И. Герасимова, Е. А. Сафина // Проблемы востоковедения. – 2020. – № 2. – С. 8–14.
92. Дай Г. Коррупция и новые медиа в современном Китае / Г. Дай // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 3. – С. 354–360.

93. Дятлова Н.К. Коррупция как институт коммуникации в модели принципал-агент / Н.К. Дятлов, Я.А. Цадер // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 209–213.
94. Дятлова Н.К. Коррупция как институт коммуникации в модели принципал-агент / Н.К. Дятлова, Я.А. Цадер // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 209–213.
95. Еременко Р. С. О китайской специфике борьбы с коррупцией / Р. С. Еременко // На пути к гражданскому обществу. – 2018. – № 3. – С. 38–45.
96. Журавлев В. С. Противодействие коррупции в Китае / В. С. Журавлев // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. – 2016. – № 3. – С. 114–117.
97. Зайковский В.Н. Коррупция в контексте принципал-агентских отношений: сущность и основные причины / В.Н. Зайковский, В. Г. Давыдов // Государственная служба. – 2017. – № 3. – С. 36–44.
98. Иванова М. А. Реализация государственной политики в сфере противодействия коррупции: опыт России и Китая (об итогах российско-китайской конференции) / М. А. Иванова, М. Н. Илюшина, Е. Б. Козлова, Е. В. Фоменко // Вестник российской правовой академии. – 2020. – № 3. – С. 115–121.
99. Иващенко А. С. Коррупция в Китае и Сингапуре: причины, меры и принципы / А. С. Иващенко // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Курышева. – 2018. – 17(41). – С. 98–105.
100. Клюковская И.Н. Антикоррупционная политика как вид правовой политики / И.Н. Клюковская // Современное право. – 2004. – № 4. – С. 16–21.
101. Кулакова В. А. Коррупция в России и Китае: состояние и противодействие / В. А. Кулакова, Г. Миним // Вестник Амурского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – № 98. – С. 38–41.

102. Кулакова В. А. Противодействие коррупции уголовно-процессуальными средствами в России и Китае / В. А. Кулакова, Т. Б. Чердакова // Россия и Китай: история и перспективы. – 2014. – № 13. – С. 265–269.
103. Макаров А. А. Коррупция: опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России / А. А. Макаров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 3. – С. 13–21.
104. Михайлова О. В. Механизмы и технологии противодействия коррупции в современном Китае / О. В. Михайлова, Ц. Шао // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2024. – №1. – С. 82–87.
105. Михайлова О. В. Общество против коррупции: взгляд через призму принципал-агентской модели / О. В. Михайлова, А. В. Скоробогатова // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 156–171.
106. Михайлова О. В., Шао Ц. Социально-культурные аспекты культурного поведения. Опыт Китая / О. В. Михайлова, Ц. Шао // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 98. – С. 178–190.
107. Михайлова О. В., Шао Ц. Эволюция антикоррупционной политики Китая: проблемы и решения / О. В. Михайлова, Ц. Шао // Вестник Московского университета. Серия: 12. Политические науки. – 2023. – №4. – С. 68–80.
108. Мозиас М. Коррупция в Китае: причины, формы, тенденции / М. Мозиас // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Востоковедение и африканистика. – 2019. – № 1. – С. 35–62.
109. Наумов Ю. Г. Институциональная коррупция в системе экономических институтов постсоветской России / Ю. Г. Наумов // Вестник московского университета МВД России. – 2014. – № 7. – С. 39–41.
110. Нечай А.А. Экономическая природа коррупции в современном китайском обществе / А.А. Нечай // Международные отношения и диалог культур. – 2019. – № 7. – С. 131–139.

111. Нисневич Ю. А. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России / Ю. А. Нисневич // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 165–176.
112. Нисневич Ю. А. Люстрация как инструмент противодействия коррупции / Ю. А. Нисневич, П. Рожич // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. – С. 109–130.
113. Пиджаков А.Ю. Правовые проблемы борьбы с коррупцией в Китае / А.Ю. Пиджаков, В.Н. Чибинев // Мир юридической науки. – 2010. – № 7. – С. 54–63
114. Римский В.Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России / В.Л. Римский // Полития. – 2007. – № 1. – С. 65–84.
115. Румянцев Е. Н. Борьба с коррупцией в Китае в годы правления Си Цзиньпина (2012–2022) / Е. Н. Румянцев // Российское китаеведение. – 2023. – № 1(2). – С. 167–184.
116. Рыбаков О. Ю. Антикоррупционная правовая политика: понятие и структура / О. Ю. Рыбаков // Мониторинг правоприменения. – 2016. – № 1. – С. 11–19.
117. Савин П. Т. Противодействие коррупции в Китае: история и современность / П. Т. Савин // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 20. – С. 55–58.
118. Сатаров Г. А. Коррупционные отношения: агентская модель и смежные подходы / Г. А. Сатаров // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 60–69.
119. Сатаров Г. А. Коррупция и переходная экономика / Г. А. Сатаров // Экономический вестник переходной экономики. – 2004. – № 2. – С. 295–312.
120. Севальнев В.В. Противодействие коррупции: опыт КНР / В.В. Севальнев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 1. – С. 89–96.
121. Смирнова Л. Н. Борьба с коррупцией в Китае: Конвенция ООН против коррупции и «особая китайская модель» / Л. Н. Смирнова // Вестник Московского университета. – 2015. – №2. – С. 71–90.

122. Трощинский П.В. Борьба с коррупцией в Китае: политико-правовой аспект / П.В. Трощинский // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 10. – С. 17–24.
123. Туронок С.Г. Оценка государственной политики и задачи реформ: уроки зарубежного опыта / С.Г. Туронок // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2005. – № 3. – С. 111–133.
124. Федотов Л. Н. Деформация социального капитала как фактор возникновения коррупции / Л. Н. Федотов // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – №3. – С. 138–144.
125. Фролова Н. А. Борьба с коррупцией на основе закона как ключевой элемент политической борьбы в современном Китае / Н. А. Фролова, Я. К. Якутин // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 344–349.
126. Хабриева Т. Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 4. – С. 16–27.
127. Харитошин В.В. Опыт противодействия коррупции в США и Китае / В.В. Харитошин // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2015. – № 4. – С. 66–74.
128. Херпнер К. Социальный капитал как фактор социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии / К. Херпнер, К. Кизилова // Социология. – 2016. – №1. – С. 17–38.
129. Хмелевская Т. А. Особенности противодействия коррупции в РФ и КНР / Т. А. Хмелевская, Т. Чжан, Х. Чжан // Актуальные проблемы науки и практики. – 2017. – № 4. – С. 13–17.
130. Шевердяев С.Н. Влияние антикоррупционных институтов российской административной реформы на развитие конституционного законодательства / С.Н. Шевердяев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 20–31.
131. Шевердяев С.Н. Системная коррупция как проблема науки конституционного права: обсуждение вопроса на юридическом факультете МГУ имени М. В.

- Ломоносова / С.Н. Шевердяев // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 9. – С. 10–16.
132. Шорохов В.Е. Современная модель антикоррупционной политики в странах Восточной Азии / В.Е. Шорохов // Российская юстиция. – 2021. – № 3. – С. 20–22.
 133. Aidt T. Economic Analysis of Corruption: A Survey / T. Aidt // The Economic Journal. – 2003. – Vol. 113. – Is. 491. – P. 632–652.
 134. Alam S. Anatomy of Corruption: An Approach to the Political Economy of Underdevelopment / S. Alam // American Journal of Economics and Sociology. – 1989. – Vol. 4. – P. 77–83.
 135. Ang Y. Unbundling Corruption: Revisiting Six questions on Corruption Y. Ang // Global Perspectives. – 2020. – Vol. 1. – Is. 1. – P. 1–19
 136. Bakken B., Wang J. The Changing Forms of Corruption in China / B. Bakken, J. Wang // Crime, Law and Social Change. – 2021. – Vol. 75. – P. 247–265.
 137. Barbalet J. Guanxi as Social Exchange: Emotions, Power and Corruptions / J. Barbalet // Sociology. – 2018. – Vol. 52. – Is. 5. – P. 934–949.
 138. Barbalet J. Structure of Guanxi: Resolving Problems of Network Assurance / J. Barbalet // Theory and Society. – 2014. – Vol. 3. – Is. 1. – P. 51–69.
 139. Bayley D. The Effect of Corruption in a Developing Nation / In: A.J. Heidenheimer (eds.) Political Corruption Handbook. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1989. – P. 934–952.
 140. Brown A., Bruerton M. Sufficient, Stable, and Secure? An Explanatory Comparative Analysis of Integrity Agency Financial Resourcing / A. Brown, M. Bruerton // Crime, Law, Social Change. – 2017. – Vol. 68. – Is. 3. – P. 341–358.
 141. Caiden G. Toward a General Theory of Official Corruption / G. Caiden // Asian Journal of Public Administration. – 1988. – Vol. 10. Is.1. – P. 3–26.
 142. Carden A., Verdon L. When is Corruption a Substitute for Economic Freedom? / A. Carden, L. Verdon // The Law and Developments Review. – 2010. – P. 1–35.

143. Chan W. Considering the System: The Search for the Effective Anti-Corruption Policy in China / W. Chan // *Sanford Journal of East Asia*. – 2004.– Vol. 4.– Is. 1. – P. 29–34.
144. Chen C., Chen X., Huang S. Chinese Guanxi: An Integrative Review and New Directions for Future Research / X. Chen, C. Chen // *Management and Organisations Review*. – 2013.– Vol. 9.– Is. 1. – P. 161–207.
145. Chen X., Chen C. On the Intricacies of the Chinese Guanxi: A Process Model of Guanxi Development / X. Chen, C. Chen // *Journal of management*. – 2004.– Vol. 21. – P. 305-324.
146. De Graf G. Causes of Corruption: Towards a Contextual Theory of Corruption / G. De Graf // *Public Administration Quarterly*. – 2007.– Vol. 31.– Is. 1. – P. 39–86.
147. Dwivedi Y. et. all Metaverse Beyond the Hype: Multidisciplinary Perspectives on Emerging Challenges, Opportunities, and Agenda for Research, Practice, Policy / Y. Dwivedi et. all // *International Journal of Information Management*. – 2022.– Vol. 66. – P. 2–55.
148. Fan Ch., Grossman H. Incentives and Corruption in China Economic Reform / Ch. Fan, H. Grossman // *Policy Reform*. – 2001. – P. 195–206.
149. Fan Y. Gyanxi's Consequences: Personal Gains and Social Costs / Y. Fan // *Journal of Business Ethics*. – 2002.– Vol. 38.– Is. 4. – P. 371–380.
150. Fan Y. Questioning Guanxi: Definition and Implications / Y. Fan // *International Business Review*. – 2002.– Vol. 11.– Is. 1. – P. 543–561.
151. Gao K., Pearson M. The Role of Political Networks in Anti-Corruption Investigations / K. Gao, M. Pearson // *China Review*. – 2022.– Vol. 22. №. 2. – P. 81–111.
152. Gold T. After Comradeship: Personal Relations in China since the Cultural Revolution / T. Gold // *The China Quarterly*. – 1985.– Vol. 104.– Is. 1. – P. 657–675.

153. Gong T. Managing Government Integrity under Hierarchy: Anti-Corruption Efforts in Local China / T. Gong // *Journal of Contemporary China*. – 2015. – Vol. 24. – Is. 94. – P. 684–700.
154. Gong T., Tu W. Fighting Corruption in China / T. Gong, W. Tu // *China Review*. – 2022. – Vol. 22. – Is. 2. – P. 1–19.
155. Granovetter M. The Strength of Weak Ties / M. Granovetter // *American Journal of Psychology*. – 1973. – Vol. 6. – P. 1360–1380.
156. Guo X. Controlling Discipline in the Party: China's Central Discipline Inspection Commission / X. Guo // *The China Quarterly*. – 2014. – № 209. – P. 597–624.
157. Guta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State / A. Guta // *American Ethnologist*. – 1995. – Vol. 22. – Is. 2. – P. 375–402.
158. Hanyu X., Ting G., Chilik Y., Wen-Jong J., Baishun Y. Citizens' Confidence in Government Control of Corruption: An Empirical Analysis / X. Hanyu, G. Ting, Y. Chilik, J. Wen-Jong, Y. Baishun // *Social Indicators Research*. – 2020. – Vol. 152. No. 3. – P. 877–897.
159. He Z. Corruption and Anti-Corruption in Reform China / Z. He // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2000. – Vol. 33. – Is. 2. – P. 243–270.
160. Hemke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research analysis / G. Hemke // *Perspective on Politics*. – 2004. – Vol. 2. – Is. 4. – P. 725–774.
161. Hwang K. Face and Favour: The Chinese Power Game // *American Journal of Sociology*. – 1987. – Vol. 94. – Is. 4. – P. 944–974.
162. Jetter M., Agudelo A., Hassan A. The Effect of Democracy on Corruption: Income Key / M. Jetter, A. Agudelo, A. Hassan // *World Development*. – 2015. – Vol. 74. – P. 286–304.
163. Jiahong H. An Assessment of the Current Status of Corruption and Public-Office Related Crimes in China (in Chinese) / H. Jiahong // *Modern Law Science*. – 2014. – No. 6. – P. 3-14.

164. Jiang N., Huang H., Dong Z. Big Tigers, Big Data: Learning Social Reactions to China's Anticorruption Campaign through Online Feedback / N. Jiang, H. Huang, Z. Dong // *Public Administration Review*. – 2017. – Vol. 74. – Is. 4. – P. 500 - 513.
165. Keliher M., Wu H. Corruption, Anticorruption and the Transformation of Political Culture in Contemporary China / M. Keliher, H. Wu // *Journal of Asian Studies*. – 2016. – Vol. 75. – Is. 1. – P. 5–18.
166. Ko K., Weng C. Structural Changes in Chinese Corruption / K. Ko, C. Weng // *The China Quarterly*. – 2012. No. 218. – P. 718–740.
167. Lanteigne M. “E-breakout”? Weaponized Interdependence and the Strategic Dimensions of China's Digital Currency / M. Lanteigne // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2022. – Vol. 15. – P. 140–162.
168. Ledeneva A. Blat and Guanxi: Informal Practices in Russia and China / A. Ledeneva // *Comparative Studies in Society and History*. – 2008. – Vol. 50. – Is. 1. – P. 118–144.
169. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism / S. Levitsky, L. Way // *Journal of Democracy*. – 2002. – Vol. 13. – P. 51–65.
170. Li L. The Chinese Communist Party and People's Courts: Judicial Dependence in China / L. Li // *The American Journal of Comparative Law*. – 2016. – Vol. 65. – P. 37–74.
171. Li L. The Moral Economy of Guanxi and the Market of Corruption / L. Li // *International Political Science Review*. – 2018. – Vol. 39. – Is. 5. – P. 634–646.
172. Li L. The Production of Corruption in China's Courts: The Politics of Judicial Decision-Making and its Consequences / L. Li // *Law and Society Inquiry*. – 2012. – Vol. 37. – P. 848–877.
173. Li L., Wang P. From Institutional Interaction to Institutional Integration: The National Supervisory Commission and China's New Anti-Corruption Model / L. Li // *The China Quarterly*. – 2019. – Vol. 240. – P. 967–989.

174. Liang M. The Diffusion of Public Service Innovation: An Empirical Analysis of Public Bicycle Programs in Chinese Cities / M. Liang // *Journal of Public Administration*. – 2016.– Vol. 8.– Is. 3. – P. 51–78.
175. Lin Z. Punishing Corrupt Officials in China / Z. Lin // *China Quarterly*. – 2015. No. 223. – P. 595–617.
176. Liu J. Supreme Leaders, Provincial Leaders, and Factional Competition in China's Anti-Corruption Enforcement: Regional and City-Level Evidence / J. Liu // *Journal of Chinese Political Science*. – 2022.– Vol. 27.– Is. 1. – P. 133–153.
177. Luo J., Yeh Y. Neither Collectivism Nor Individualism: Trust in the Chinese Guanxi Circle / J. Luo, Y. Yeh // *Journal of Trust Research*. – 2012.– Vol. 2.– Is. 1. – P. 53–70.
178. Luo Y. An Organisational Perspective of Corruption / Y. Luo // *Management and Organisation Review*. – 2005.– Vol. 1.– Is. 1. – P. 119–154.
179. Luo Y. Corruption and Organization in Asian Management System / Y. Luo // *Asia Pacific Journal of Management*. – 2002.– Vol. 19.– Is. 2. – P. 405–422.
180. Luo Y. The Changing Chinese Culture and Business Behaviour: The Perspective of Intertwinement between Guanxi and Corruption / Y. Luo // *International Business Review*. – 2008.– Vol. 17.– Is. 2. – P. 188–193.
181. Manion M. Taking China's Anticorruption Campaign Seriously / M. Manion // *Economic and Political Studies*. – 2016.– Vol. 4. No. 1. – P. 3–18.
182. Mauro P. The Effects of Corruption on Growth and Public Expenditure // *Political Corruption: A Handbook* / Ed. by A. Heidenheimer, M. Johnston, V. Levine. – 3rd ed. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2005. – P. 31–44.
183. Meagher P. Anti-Corruption Agencies: Rhetoric versus Reality / P. Meagher // *Policy Reform*. – 2005.– Vol. 8.– Is. 1. – P. 69–103.
184. Mei C., Liu Z. Experiment-Based Policy Making or Conscious Policy Design? The Case of Urban Housing Reform in China / C. Mei, Z. Liu // *Policy Sciences*. – 2014.– Vol. 47.– Is. 3. – P. 321–337.

185. Montinola G., Qian Y., Weingast R. Federalism Chinese style: the Political Basis for Economic Success / G. Montinola, Y. Qian // *World Politics*. – 1995.– Vol. 48.– Is. 1. – P. 50–81.
186. Nye J. Corruption and Political Development: A Cost Benefit Analysis / J. Nye // *The American Political Science Review*. – 1967.– Vol. 67. Is 2. – P. 417–427.
187. Osland G. Doing Business in China: A Framework for Cross-Cultural Understanding / G. Osland // *Marketing Intelligence and Planning*. – 1990.– Vol. 8. – P. 8–14.
188. Ostrom E. Behavioural Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action / E. Ostrom // *American Political Science Review*. – 1998.– Vol. 92.– Is. 1. – P. 1–22.
189. Persson A., Rothstein B., Teorello J. Why Anticorruption Reforms Fail: Systemic Corruption as a Collective Action Problem // *Governance*. 2013.– Vol. 26.– Is. 3. – P. 449–471.
190. Putnam R. Bowling Alone: American's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. – 1995.– Vol. 6.– Is. 1. – P. 65–78.
191. Qi X. Guanxi, Social Capital Theory and beyond / X. Qi // *British Journal of Sociology*. – 2013.– Vol. 64.– Is. 2. – P. 308–324.
192. Quah J. Combating Corruption in Asian Countries / J. Quah // *Daedalus*. – 2018.– Vol. 147.– Is. 3. – P. 202–215.
193. Quah J. Singapore's Success in Combating Corruption: Four Lessons for China / J. Quah // *American Journal of Chinese Studies*. – 2016.– Vol. 23.– Is. 2. – P. 187–209.
194. Rothstein B. What is the Opposite of Corruption? / B. Rothstein // *Third World Quarterly*. – 2014.– Vol. 35.– Is. 5. – P. 737–752.
195. Schatz F. Fighting Corruption with Social Accountability: A Comparative Analysis of Social Accountability Mechanism Potential to Reduce Corruption in Public Administration / F. Schatz // *Public Administration Development*. – 2013.– Vol. 33.– Is. 3. – P. 161–174.

196. Siqin K., Jiangnan Z. Do People Trust the Government More? Unpacking the Distinct Impacts of Anticorruption Policies on Political Trust / K. Siqin, Z. Jiangnan // *Political Research Quarterly*. – 2021. – Vol. 74. No. 2. – P. 424–449.
197. Sopio F. Shuanggui and Extra-legal Detention in China / F. Sopio // *China Information*. – 2008. – Vol. 22. – Is. 1. – P. 7–37.
198. Su C., Littlefield J. Entering Guanxi: A Business Ethical Dilemmas in Mainland China? / C. Su, J. Littlefield // *Journal of Business Ethics*. – 2001. – Vol. 32. – Is. 1. – P. 1–12.
199. Tong Ch. K., Kee Y. Guanxi Bases, Xinyong and Chinese Business Networks / K. Tong Ch., Y. Kee // *The British Journal of Sociology*. – 1998. – Vol. 49. – Is. 1. – P. 75–96.
200. Treisman D. Income, Democracy, and Leader Turnover / D. Treisman // *American Journal of Political Science*. – 2015. – Vol. 59. – Is. 4. – P. 927–942.
201. Treisman D. The Causes of Corruption: A Cross-National Study / D. Treisman // *Journal of Public Economics*. – 2000. – Vol. 76. – Is. 3. – P. 399–457
202. Tsang E. Can Guanxi be a Source of Sustained Competitive advantage for Business in China? / E. Tsang // *Academy of Management Executive*. – 1998. – Vol. 12. – Is. 2. – P. 64–73.
203. Wedeman A. Jinping's Tiger Hunt: Anti-corruption Campaign or Political Purge? / A. Wedeman // *Modern China Studies*. – 2017. – Vol. 24. – No. 2. – P. 35–82.
204. Wedeman A. The Dynamics and Trajectory of Corruption in Contemporary China / A. Wedeman // *China Review*. – 2022. – Vol. 22. – No. 2. – P. 21–48.
205. Wei L., Li W. Divergence and Convergence in the Diffusion of Performance Management in China / L. Wei, W. Li // *Public Performance & Management Review*. – 2016. – Vol. 39. – Is. 3. – P. 630–654.
206. Wu J., Ma L., Yang Y. Innovation in the Chinese Public Sector: Typology and Distribution / J. Wu, L. Ma, Y. Yang // *Public Administration*. – 2013. – Vol. 91. – Is. 2. – P. 347–365.

207. Xu Ch. The Fundamental Institutions of China's Reforms and Development / Ch. Xu // *Journal of Economic Literature*. – 2011. – Vol. 49. – Is. 4. – P. 1076–1151.
208. Yang M. The Gift Economy and State Power in China / M. Yang // *Comparative Studies in Society and History*. – 1989. – Vol. 31. – Is. 1. – P. 25–54.
209. Yeung I., Tung R. Achieving Business Success in Confucian Societies: The Importance of Guanxi / I. Yeung, R. Tung // *Organisational Dynamics*. – 1996. – Vol. 25. – Is. 2. – P. 54–56.
210. Yuhua W, Dickson B. How Corruption Investigations Undermine Regime Support: Evidence from China / W. Yuhua, B. Dickson // *Political Science Research and Methods*. – 2022. – Vol. 10. №. 1. – P. 33–48.
211. Zhan J. Filling the gap of Formal Institutions: The effects of Guanxi Network on Corruption in Reform-era China / J. Zhan // *Law and Social Change*. – 2012. – Vol. 58. – Is. 2. – P. 93–102.
212. Zhu J. The Rise and Fall of Ruling Oligarchs / J. Zhu // *China Review*. – 2022. – Vol. 22. №. 2. – P. 49–79.
213. Zhu L. Punishing Corrupt Officials in China / L. Zhu // *China Quarterly*. – 2015. – Vol. 223. – P. 595–617
214. Zhu X. Inter-regional Diffusion of Policy Innovation in China: A Comparative Case Study / X. Zhu // *Asian Journal of Political Science*. – 2017. – Vol. 25. – Is. 3. – P. 266–286.
215. Zhu X., Zhang Y. Political Mobility and Dynamic Diffusion of Innovation: The Spread of Municipal Pro-business Administrative Reform in China / X. Zhu, Y. Zhang // *Journal of Public Administration Research and Theory*. – 2015. – Vol. 26. – Is. 3. – P. 535–551
216. Znan T., Ginsburg T. China's Turn Toward Law China / J. Zhang, T. Ginsburg // *Virginia Journal of International Law*. – 2019. – Vol. 59. – Is. 2. – P. 306–389.
217. 刘少军. 企业合规不起诉制度本土化的可能及限度 [Liu Sh. The Possibility and Limitation of the Indigenization of Corporate Compliance Non-prosecution / Sh. Liu // *The Journal of Legal Science*. – 2021. – Vol. 1. – P. 54–57].

218. 卫跃宁. 由“国家在场”到“社会在场”:合规不起诉实践 中的法益结构研究 [Wei Yu. From State-present to Society-present: Research on the Structure of Legal Interest in Corporate Compliance Non-Prosecutions / Wei Yu //Journal Legal Sciences. 2021.– Vol. 1. – P. 42–50].
219. 吴建雄.中国反腐:迈向法治化的新征程–新中国成立 70 周年反腐败斗争, 中国党政干部论坛. 2019. (У Цзяньсюн. Противодействие коррупции в Китае: новый путь к верховенству закона – Борьба с коррупцией к 70-летию основания Нового Китая / У Цзяньсюн // Китайский форум партийных и государственных кадров. – 2019. – №10 – С. 10–18).
220. 宫铭,王希鹏. 巩固和推进反腐败斗争新格局, 红旗文稿. 2018. 4. (Гун Мин, Ван Сипэн. Закрепление и продвижение новой модели борьбы с коррупцией / Гун Мин, Ван Сипэн // Рукопись красного флага. – 2018. – № 4. – С. 4–10).
221. 彭泗清. 信任的建立机制:关系运作与法制手段, 社会学研究. 1999. 2. (Пэн Сыцин. Механизм установления доверия: функционирование отношений и средства верховенства права / Пэн Сыцин // Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С.55-68.).
222. 李勇. 检察视角下中国刑事合规之构. [Yong Li. Constructing Corporate Compliance in Chinese Criminal Proceedings: A Prosecutorial Perspective / Yong Li // Journal of National Prosecutors College. – 2020. – Vol. 4. – P. 112-120.].
223. 李奋飞. 论企业合规检察建议. [Fenfei Li. On Prosecutorial Suggestions on Corporate Compliance / Fenfei Li // The Chinese Journal of Criminal Law. – 2021. –Vol. 3. – P. 103-110.].
224. 李玉华. 企业合规本土化中的 双不起诉 [Li Y. Non-prosecution: their digitization of Corporate Compliance in China / Y. Li // Legal System and Social Development. – 2022. – №. 1.– P. 58-66.).
225. 欧阳本祺.我国建立企业犯罪附条件不起诉制度的 探讨 [Ouyang B. Establishing Conditional Non-Prosecution for Corporate Crimes in China / B. Ouyang // Journal of Chinese Criminal Law. – 2020. – Vol. 3. – P. 65–69.].

226. 王寿林. 坚定不移推进反腐败斗争 – 新时期我国反腐败斗争发展 的历程, 新视野. 2020. (Ван Шоулинь. Неуклонное продвижение борьбы с коррупцией – процесс развития борьбы моей страны с коррупцией в новую эпоху / Ван Шоулинь // Новые горизонты. – 2020. – № 2. – С. 45–52.).
227. 王绍光, 刘欣. 信任的基础:一种理性的解释, 社会学研究. 2021. 3. (Ван Шаогуан, Лю Синь. Основа доверия: рациональное объяснение / Ван Шаогуан, Лю Синь // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 24–27.).
228. 田坤. 党的十八大以来我国反腐败政策措施调整及动因, 马克思主义研究. 2022. (Тянь Кунь. Корректировка и мотивация антикоррупционной политики и мер Китая после 18-го Национального съезда Коммунистической партии моей страны / Тянь Кунь // Марксистские исследования. – 2022. – № 6. – С. 6–15.).
229. 祝福恩, 石银, 杨恩泽. 巩固发展反腐败斗争压倒性胜利的对策, 理论探讨. 2019. (Чжу Фуэнь, Ши Инь, Ян Эньцзе. Контрмеры по закреплению и развитию убедительной победы в борьбе с коррупцией / Чжу Фуэнь, Ши Инь, Ян Эньцзе // Теоретическая дискуссия. – 2019. – № 5. – С. 12–20.).
230. 艾伦斯玛特. 礼物、贿赂与关系: 布迪厄的社会资本再思考 北京: 中国农业大学出版社, 2018(4):222–235. (Смарт А. Подарки, взятки и отношения: переосмысление капитала по Бурдьё / А. Смарт. – Пекин: Издательство Китайского сельскохозяйственного университета, – 2018. – № 4. – С. 222–235.)
231. 金姗姗. 中央纪律检查委员会的历史沿革和现实功能, 金色年华: 下. 2020. 10. (Цзинь Шаньшань. Историческая эволюция и практические функции Центральной комиссии по проверке дисциплины / Цзинь Шаньшань // Золотые годы. – 2020. – № 10. – С. 64–68).
232. 陈瑞华. 企业合规视野下的暂缓起诉协议制度 [Chen R. On the Deferred Prosecution Agreement Institution: A Perspective of Corporate Compliance / R. Chen // Journal of Comparative Legal Studies. – 2020. – Vol. 1. – P. 3–6.].

233. 陈瑞华. 刑事诉讼的合规激励模式. 2020. 6. (Чэнь Жуйхуа. Способы поощрения корпоративного комплаенса в уголовных делах / Чэнь Жуйхуа // Исследования в области права. – 2020. – № 6. – С. 227–245).

Тезисы докладов, материалы конференций

234. Черник Н. Гуанси как базовая составляющая деловых отношений в маркетинговых коммуникациях в Китае / Н. Черник // Актуальные векторы белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества: сборник статей международной научно-практической конференции / отв. за вып. Ю.А. Шаврук. – Минск: Издательский центр БГУ, 2022. – С. 155–121.
235. Heidenheimer A. Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics. Paper presented at the XVIII World Congress of the IPSA / A. Heidenheimer // Quebec City. – 2000. – August 1–5.
236. Yang K. Chinese Social Orientation: An Introductory Analysis. // The First International Conference of the Chinese University of Hong Kong. – Hong Kong, 1993. March 10-12 – [No pagination].

Электронные ресурсы:

237. Удачные решения в сфере коррупции быстро устаревают // Научный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/news/communication/540067377.html> (дата обращения: 10.07.2023 г.).
238. An Overview of Pilot Reform on Corporate Compliance Non-prosecution in Criminal Cases // Rplawyers [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rplawyers.com/> (дата обращения: 10.08.2023 г.).
239. Clover C. Xi Takes Aim at Military in Anti-Graft Drive / C. Clover // Financial Times. – 2018. February 11 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/> (дата обращения: 25.08.2023).

240. Combating Corruption // The World Bank [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/anti-corruption> (дата обращения: 30.03.2023 г.).
241. Fiol-Mahon A. Xi Jinping's Anti-Corruption Campaign: The Hidden Motives of a Modern-Day Mao // Foreign Policy Research Institute [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <https://www.fpri.org/article/2018/08/xi-jinpings-anti-corruption-campaign-the-hidden-motives-of-a-modern-day-mao/> (дата обращения: 10.01.2023 г.).
242. Zhang H. China Punishes 4.7 million People in Decade-Long Anti- Graft Campaign // Global Times [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1269498.shtml> (дата обращения: 20.11.2023 г.)
243. “三反”、“五反”运动-中国中央电视台 [Кампания трех противников и кампания пяти анти] // Центральное телевидение Китая [Электронный ресурс]. – URL: <http://sports.cctv.com/specials/80zhounian/sanji/lssk060725.html> (дата обращения: 30.04.2023 г.).
244. “天网 2021”行动追回外逃人员 1273 人、追回赃款 167.4 亿元-中国新闻网 [Операция «Скайнет 2021» вернула 1273 беглеца и 16,74 млрд юаней украденных денег] // Китайская новостная сеть [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1725654640408925219&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 02.05.2023 г.).
245. 一百多名部级官员腐败案-中新网 [The corruption of more than 100 ministry-level officials] // China News Network [Электронный ресурс]. – URL: http://news.xinhuanet.com/legal/2012-03/29/c_122906150.html (дата обращения: 15.06.2023 г.).
246. 什么是数字人民币?看完这篇文章你肯定就懂了-腾讯 [Что такое цифровой юань? Коротко о главном] // Tencent [Электронный ресурс]. –

- URL: <https://new.qq.com/rain/a/20230308A082AP00> (дата обращения: 23.04.2023 г.).
247. 价格双轨制-百度百科 [Двойная система цен] // Энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BB%B7%E6%A0%BC%E5%8F%8C%E8%B5%D%A8%E5%88%B6/9629521?fr=aladdin> (дата обращения: 30.04.2023 г.).
248. 外媒关注:数字人民币试水北京冬奥会-参考消息 [Цифровой юань тестируется на зимних Олимпийских играх в Пекине] // Справочное сообщение [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1721720362169279700&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 24.04.2023 г.).
249. 央行数字货币如何助力治理腐败?深度了解数字人民币-中央纪委网 [Как цифровая валюта центрального банка помогает бороться с коррупцией?] // Сайт Центральной комиссии Китая [Электронный ресурс]. – URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/qDUk-Tg9EVvvKhLr1yhEPg> (дата обращения: 11.08.2023 г.).
250. 常熟市宣布:公务员用数字人民币发工资-南充政法 [Город Чаньшу объявил, что государственным служащим будут платить в цифровых юанях] // Политика и право Наньчуна [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764039200120448892&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 05.01.2023 г.).
251. 微信小程序上可用数字人民币结账了-湖南日报 [Цифровой юань можно использовать при оформлении заказа в WeChat] // Хунань Дейли [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759787006184270257&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 23.04.2023 г.).
252. 政观察|八项规定实施十年, 69 万人被给予党纪政务处分-正观新闻 [690 000 человек были привлечены к партийной дисциплине и правительственным

- санкциям за последний десять лет] // Информационный портал "Чжэнгуань синьвэнь" [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1751371600384132320&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.04.2023 г.).
253. 数字人民币与法律体系革新-中国社会科学网 [Цифровой юань и инновации в правовой системе] // Китайские социальные науки [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1709586560974989462&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 11.09.2023 г.).
254. 数字人民币发行规模有多大？现金还会存在多久？来听权威回应-信 网陕西 [Насколько велик масштаб эмиссии цифрового юаня? Как долго будут существовать наличные?] // Информационное агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. – URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_15348822 (дата обращения: 24.04.2023 г.).
255. 数字人民币累计交易金额破千亿元-财新 [Совокупная сумма транзакций в цифровых юанях превысила 100 миллиардов юаней] // Caixin Media [Электронный ресурс]. – URL: <https://finance.caixin.com/2022-10-12/101950980.html> (дата обращения: 24.04.2023 г.).
256. 数字人民币试点再扩围，新试点地区居民可领红包-北京日报 [Пилотный проект цифрового юаня: жители пилотных районов могут получать красные конверты] // Пекинская ежедневная газета [Электронный ресурс]. URL: <https://bj.bjd.com.cn/a/202212/18/AP639eb89be4b0450519f66fe1.html> (дата обращения: 16.04.2023 г.).
257. 数字人民币试点范围扩容：粤苏冀川四省全覆盖另有 5 城新晋入选-财联社 [Расширение масштаба пилотного проекта цифрового юаня] // Финансовое Ассошиэйтед Пресс [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1752360646886242041&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 16.04.2023 г.).

258. 服贸连连看——朋友，数字人民币了解一下-新华全媒+ [Платформа услуг Lianliankan – Давайте познакомимся с цифровым юанем] // Информационное агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1710048857069039659&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 23.04.2023 г.)
259. 深圳:开立数字人民币钱包超 3594 万个-中国网资讯 [Шеньчжень: открыто более чем 35 миллионов цифровых кошельков в юанях] // Китайская чистая информация [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1771810670144294422&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 18.08.2023 г.).
260. 王岐山. 全面从严治党，承载起当在新时代的使命-央视网 [Всестороннее управление партией для выполнения миссии в новую эпоху] // Сеть CCTV [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.cctv.com/2016/11/08/ARTIC7IzyzTsI89RGIGhXmqW161108.shtml> (дата обращения: 05.04.2023 г.).
261. 观察 | 央行数字货币如何影响你我?-中央纪委国家监委网站 [Как цифровая валюта центрального банка влияет на нас с вами?] // Сайт Центральной комиссии по проверке дисциплины [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ccdi.gov.cn/yaowen/202006/t20200607_219642.html (дата обращения: 25.04.2023 г.).
262. 刘方仁 [Лю Фанжэнь] // Байду Байкэ [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/刘方仁/5525297> (дата обращения: 10.10.2025 г.).
263. 田凤山 [Тянь Фэншань] // Байду Байкэ [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/田凤山/4856699> (дата обращения: 10.10.2025 г.).

264. 李 嘉 廷 [Ли Цзятин] // Байду Байкэ [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/李嘉廷/5525698> (дата обращения: 10.10.2025 г.).
265. 李 真 [Ли Чжэнь] // Байду Байкэ [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/李真/1030533> (дата обращения: 10.10.2025 г.).
266. 李 纪 周 [Ли Цзичжоу] // 百 度 百 科 [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/李纪周/3908357> (дата обращения: 10.10.2025 г.).
267. 中共中央纪律检查委员会、中华人民共和国国家监察委员会官方网站 [Официальный сайт Центрального комитета партии по проверке дисциплины и Государственный контрольный комитет Китайской Народной Республики] // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ccdi.gov.cn> (дата обращения: 25.04.2023 г.).